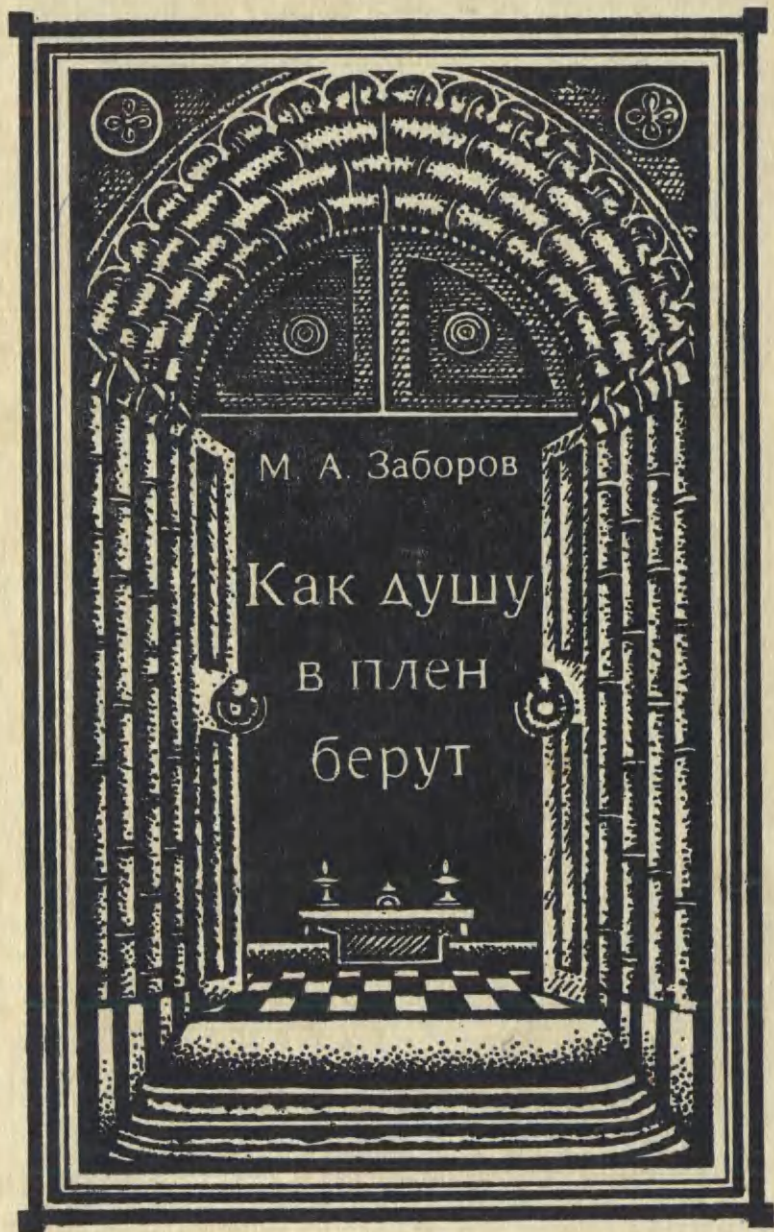

2
3-12

М. А. Заборов

**Как душу
в плен берут**

**издательство
«Советская Россия»
москва · 1974**

Заборов М. А.

3-12 Как душу в плен берут. М., «Сов. Россия», 1974.
256 с.

В книге доктора исторических наук М. А. Заборова «Как душу в плен берут» рассказывается о происхождении важнейших христианских верований; обрядов, о религиозной морали. Освещается также история церкви, главным образом католической. Автор в занимательной форме раскрывает первобытные истоки христианских догматов и основных таинств. Сопоставляя средневековую практику церкви с современной, он показывает, каким образом католическая иерархия в течение столетий приспосабливалась к изменявшимся общественно-политическим условиям, продолжая, однако, всегда служить интересам эксплуататорских классов.

Большое внимание уделяется в книге отношению церкви к науке, в прошлом и теперь, к проблемам войны и мира.

Книга имеет атеистическую направленность и рассчитана на широкую, в том числе молодежную, читательскую аудиторию.

3 1059—045 —40—74
М—105(03)74

2

СТРОФА ИЗ ДАНТЕ

(Вместо предисловия)

«Как душу в плен берут» — это строфа из всемирно известной «Комедии» Данте, названной еще при его жизни «божественной». Однако книга, которая перед вами, вовсе не о произведении великого итальянского поэта, хотя Дантова «Комедия» в ней тоже будет упомянута. Фраза «как душу в плен берут», избранная в качестве названия книги, употреблена здесь в иносказательном смысле, далеко от того, который она имеет в контексте 13-й песни «Комедии».

Два поэта — Вергилий и Данте — путешествуют по аду. Они прошли уже через шесть его кругов и начали спуск в седьмой. Здесь, во втором поясе седьмого круга, в диком лесу, бесплодном и ядовитом, казнятся души самоубийц. Они превращены в деревья — в этом их наказание. Данте, слыша отовсюду крики и желая удостовериться, не ошибается ли он,—

...Руку протянул невольно
К терновнику и отломил сучок;
И ствол воскликнул: «Не ломай, мне больно!»

И вот, по просьбе Данте, его поводырь обращается к одному из тех, кто заточен в этом лесу самоубийц:

«Поведай нам, как душу в плен берут
Узлы ветвей; поведай, если можно,
Выходят ли когда из этих пут».

Строфа эта припомнилась мне при обстоятельствах, ничего общего не имеющих с историей, рассказанной в средневековой поэме об аде.

Минувшим летом я проводил отпуск в небольшом курортном городке на берегу Балтийского моря. Однажды заглянул я в здешний костел, построенный почти полтысячи лет назад. Его длинный шпиль с крестом виден со всех концов городка. Дело было под вечер. Лучи шедшего к закату солнца еще

освещали верхушки деревьев и пробивались внутрь здания сквозь узкие цветные витражи под куполом, падая на верхние части тонких кирпичных колонн, поддерживающих своды храма.

Храм поразил меня неожиданной в маленьком городке с полутора десятком тысяч жителей величавостью и вместе с тем изысканностью своего религиозного убранства: вдоль стен — статуи Иисуса Христа с терновым венцом на голове. богородицы, держащей в руках младенца — сына божьего... У подножия статуй — букетики цветов. К колоннам довольно высоко прикреплены небольшие барельефы в квадратных рамках, изображающие различные евангельские сцены: последняя трапеза («тайная вечеря») Иисуса с его двенадцатью учениками-апостолами; один из них, — Иуда, лобызаящий учителя, чтобы указать на него стражникам; Иисус перед судом римского наместника Понтия Пилата; Иисус, шествующий в сопровождении двух осужденных вместе с ним разбойников к лобному месту — Голгофе и несущий тяжелый деревянный крест; он же, распятый на этом кресте...

На скамьях, расставленных во вместительном корабле костела, застыли в молитвенной неподвижности местные жители, главным образом женщины. Все взоры устремлены к алтарю. В этот вечер должна была исполняться написанная для хора и органа «Торжественная месса» Ференца Листа, что и привлекло особенно много людей в костел.

Меня, однако, удивило и, главное, встревожило другое: в храм, по-видимому, задолго до начала мессы пришли дети — девочки в белых платьях и мальчики в аккуратных костюмчиках. Стоя на коленях, повернувшись в сторону алтаря, с молитвенными книжечками в руках, с сосредоточенным выражением лица, они шепотком проговаривали, как бы про себя, слова молитвы, время от времени отбивали низкие поклоны, едва не касаясь лбами каменных плит, осеняли себя крестным знаменем. Дети, наши, советские школьники, в церкви! Дети, проводящие досуг не за веселыми играми где-нибудь в парке, не за книгой о Томе Сойере или капитане Гаттересе, а в «храме божьем», с молитвой на устах, с отрешенным взором, в коленопреклоненных позах...

Вот тогда мне и припомнилась, пусть совсем не в дантовом значении, строфа «как душу в плен берут». Я подумал: ведь увиденное мною только что или нечто сходное с этим — и я действительно уже сталкивался с ним — можно встретить не только здесь, в городе, где католическая церковь имеет давнюю историю и, следовательно, прочные традиции. Разве мало

храмов — и католических костелов, и протестантских кирх, и православных церквей, и сектантских молитвенных домов, и мусульманских мечетей, и еврейских синагог — функционирует еще в нашей стране, привлекая под свои благолепные своды людей, не твердых в материалистических убеждениях, слабых духом, не сумевших одолеть древнюю власть религиозных предрассудков? И разве не страдают от этого не только сами эти люди, но и в первую очередь их дети и внуки, чьи восприимчивые чувства с ранних лет затемняются внушаемой им служителями религии, при содействии старших членов семьи, верой в бога?

А если так, если болезнь и ее опасность существуют, то не следует ли, стремясь излечить тех, кто уже болен, уже отравлен опиумом религии, вместе с тем уделить еще большее внимание предупреждению болезни? Известно, что при благоприятных обстоятельствах всякое заболевание может оказаться гибельным для людей любого возраста... Для молодой же души, еще не закаленной, религиозный вирус особенно грозен.

Есть много книг по атеизму. Одни предназначены для верующих, чтобы их разубедить в вере, помочь выйти из ее пут, другие — для неверующих, чтобы укрепить их в неверии. Эта книга, пожалуй, адресована и тем, и другим, главным же образом — молодежи. Автором руководила простая мысль. Среди самых различных причин, обуславливающих сохранение религиозных предрассудков в условиях социалистического общества, одна в век электронно-счетных машин, полетов на Луну и к Марсу во всяком случае по-прежнему заключается в отсутствии необходимых знаний о самой религии. Поддержанию неосведомленности во все времена содействовали служители церкви, требовавшие и требующие верить без размышления: де религиозные истины — превыше человеческого ума. Большинство верующих людей руководствуются этим принципом и поныне. Они принимают нелепые с точки зрения разума религиозные догматы вслепую, не задумываясь над ними. Эти люди выстаивают богослужения, водят в церковь детей и внуков, причащаются, крестят младенцев, венчаются, молятся, несут священникам свои трудовые деньги, не понимая сути и происхождения религиозного учения, не вдаваясь в суть и смысл церковных обрядов, не зная истории церкви. О них можно было бы сказать словами евангельского Иисуса Христа «не знают, что делают» (Лука, гл. 23, ст. 34).

Напротив, служители церкви вполне отдают себе отчет в своих действиях и в том, какими методами полонить души и достигнуть поставленной цели — погасить разум, подчинить и

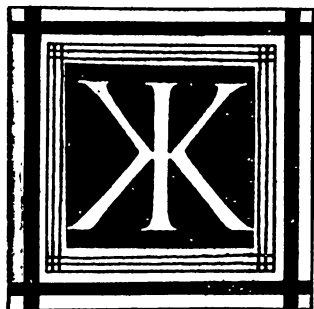
старого, и малого религиозному влиянию, наставить в стародавних, пусть и подновленных в духе времени, заветах веры. «Сколько пользы принесла нам эта басня о Христе!» — изрек однажды средневековый римский папа Бонифаций VIII. Он имел, конечно, в виду прежде всего высокопоставленных священнослужителей, которым эта «басня» действительно принесла и по сей день приносит немало доходов. Однако религия, христианская и любая другая, сама по себе не может быть рассматриваема как сознательный обман, хотя во всякой религии встречаются в большом числе и «басни» — священные небылицы, придуманные ради обмана. Истоки религиозного сознания и корни его относительной прочности — гораздо глубже.

Вот почему автор счел бесполезным рассказать, по возможности доступно и занимательно, о некоторых сторонах христианского религиозного учения и обрядности, об их происхождении, раскрыть отдельные эпизоды церковной истории. Цели книги — преимущественно профилактические. Тот, кто лучше узнаёт, как душу в плен берут, сможет, очевидно, и более твердо противостоять любым попыткам такого рода.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ
●
ПОД ЗВУКИ ХОРАЛА

аркий июльский день 1420 года. Звенят мечи, круша панцири и шлемы, сверкают кинжалы и ко-сы, летят копья, пестря поле битвы разноцветными флажками. В ужасе ржет конь, потерявший седока; рядом ухают страшилища-бомбарды и дымят легкие пушки-тарасницы... Ликующие возгласы победителей покрывают стоны и вопли раненых. И среди этих возгласов отчетливее всего звучит один: «Чашу для мирян!» Его повторяют на разные лады тысячи чехов, сражающихся не на жизнь, а на смерть с немецкими крестоносцами императора Сигизмунда, посланными римским папой. «Чашу для мирян!» — с этим кличем бьется и крестьянин из-под Брно, и мастеровой с кутногорских рудников, и пльзеньский кузнец, и студент Карлова университета. Этот же лозунг воодушевляет чешских дворян среднего достатка и городских бюргеров. Все требуют «чашу для мирян!»

Эту чашу изобразил на книжной заставке неизвестный средневековый художник, представивший битву гуситов-чехов с немецкими рыцарями. Чаша нарисована на огромном щите, прикрывающем целый отряд гуситских воинов. Она напоминает небольшой, как бы перевернутый круглодонный колпачок на ножке с подставкой. Подобных рисунков-миниатюр сохранилось немало: изображение чаши, вроде этой, украшало стяги гуситов, прикрепленные к их знаменитым боевым повозкам; такую чашу несли впереди войска гуситские проповедники, воодушевлявшие бойцов перед сражениями...

Неужели из-за этого сосуда в течение полутора десятков лет рекою лилась кровь на чешской земле? Почему сотни тысяч вооруженных с головы до ног немецких и других рыцарей из всей Европы так яростно обрушивались на тех, кто требовал «чашу для мирян»? Чтобы ответить на эти воп-

росы, оставим шумное поле брани и заглянем в возвышающуюся неподалеку от него церковь. Мы с вами — в католическом храме.

«ЧУДО» ВО ХРАМЕ

В полутемном, довольно просторном зале, освещаемом восковыми свечами, полно людей. Одни чинно сидят на длинных скамьях, другие стоят по бокам и в проходе между скамьями. Впереди на возвышении, в глубине ниши, — небольшой столик. Он называется алтарем, что значит по-латыни «жертвенник». На его мраморной крышке — покрывало из узорчатого шелка. На столике чадят шесть свечей в серебряных подсвечниках, бросая неверный свет на бронзовую фигурку пригвожденного к кресту Иисуса Христа. Сверху свисает на золоченых цепочках светильник-лампада. По углам храма — иконы в массивных, под золото, рамах: рыжебородый Иисус с печалью во взоре, святые Петр и Павел, его апостолы-ученики...

Стены храма украшены статуями и картинами: там хвостатые чудища-черти тащат в адское пекло грешников; здесь изображена дева Мария с младенцем-богом на коленях; повсюду реют бесплотные ангелы. Справа и слева от входа вдоль стен — деревянные будки с решетчатыми оконцами. Это — исповедальни: здесь люди шепотом доверяют свои грехи — и крупные, и самые пустяковые — священнику, а он от имени бога прощает эти грехи или наказывает за них... Сейчас будки пусты. В храме идет торжественное богослужение — месса, или обедня. Гудят голоса, повторяющие за священником слова молитв. Большинству они непонятны: молитвы читаются на старинном языке — латыни.

Священник стоит перед алтарем. На его плечи накинуто ослепительной белизны отороченное серебристой канвой облачение с большим крестом, вышитым серебром. Священник почти все время в движении. То он подойдет к алтарному столику, поклонится распятию, то возьмет крест, поднимет его обеими руками, слегка наклонит над алтарем; потом проговорит установленные богослужебным ритуалом слова заклинания, поцелует крест, снова поклонится, почадит кадилом-курильницей.

Вот из-под сводов полилась стройная мелодия. Это — хор мальчиков. Их звонкие голоса поддерживают певучие трубы органа. Затем хор умолкает, и в наступившей тишине опять

рокочет глубокий бас священника, который произносит слова новой молитвы. Время от времени прислуживающие мальчики меняют ему облачение: вместо белой на пастыре появляется зеленая накидка, тоже с крестом, но с позолоченной каймой; затем эту накидку сменяет яркий пурпур.

Служба длится уже третий час. Скоро ли конец? На алтаре слышится звон колокольчиков. Шуршат одежды: сидящие поднимаются со своих скамеек, стоящие вытягивают шеи в ожидании важного события, которое вот-вот произойдет. Священник берет в руки одну за другой две серебряные чаши на ножках с подставками, стоящие на алтарном столике и похожие на те, которые были нарисованы на знаменах гуситов. Из первой чаши он достает кругленькую толстенькую лепешку (их там лежит несколько), разрезает ее на части, благословляя крестом, в знак чего несколько раз поднимает и опускает его над лепешкой; такая же церемония производится и над второй чашей, в которую налито виноградное вино. Раздаются слова заклинания, громко произносимого священником: «Примите, ядите: сие есть тело мое...» — слова, с которыми Иисус Христос, якобы установивший этот обряд, обратился к своим ученикам, раздавая им куски хлеба во время последнего ужина с ними. А после того, как гласит евангелие, он взял чашу с вином и «подал им; и пили из нее все. И сказал им: сие есть кровь моя...» (Марк, гл. 14, ст. 23—24).

На самом деле первые христиане не были знакомы с таким обрядом, он появился позднее, но это уже вопрос истории...

...Высоко над головой поднимает священник чаши с хлебами и вином. Храм наполняется звоном колоколов. Пусть все прочувствуют в этот миг, что свершилось великое чудо, ради которого и пришли сюда верующие люди.

Вот священник опустился на колени. Он целует покрывало на алтарном столике и священные предметы, лежащие на нем.

Мощно гремит орган. Слаженно звучат детские голоса, славящие в хоре Иисуса Христа и богородицу. Богослужение идет к концу.

Внезапно наступает тишина. Священник величавым движением отправляет себе в рот кусочек хлебной облатки и запивает ее глотком из чаши. К алтарю подходят мужчины и женщины, прихожане. Они падают на колени, и священник угощает их такими же частицами хлебцев. Верующие благоговейно проглатывают эти «святые дары». Среди тех, кто вкушает освященные дольки хлебцев из рук священника, несколько мальчиков и девочек. По-праздничному одетые (мальчики —

в тщательно выглаженных темных костюмчиках, девочки — в белых чулочках и платьицах), они как-то растерянно озираются вокруг, словно ища поддержки у взрослых. Дети взволнованы. Они впервые в жизни присутствуют на таком торжественном богослужении в церкви. Им еще никогда до этого не приходилось удостаиваться «святых даров». Малыши поочередно приближаются к священнику. Он спрашивает у каждого имя, а затем кладет всем в рот кусочек хлебца.

Верующие покидают храм. Зал пустеет. Ушли и органист, и мальчики-хористы. Священник допивает вино из чаши и доедает хлебные крошки — остатки «святых даров», обсасывает губы, вытирает салфеткой рот, протирает чаши и тоже направляется к выходу. Прислужники гасят свечи. Церковь погружается во тьму.

Теперь читатель вправе спросить: что же означает все это церковное представление? К чему столько церемоний, музыки, хорового пения, красок, блеску, коленопреклонений? Неужели только для того, чтобы в конечном счете угостить нескольких мужчин, женщин и детей ломтиками хлебца, а священника еще и глотком вина? И потом, какое все это имеет отношение к гуситской чаше?

КАК МУКА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПЛОТЬ, А ВИНО — В КРОВЬ

Мы только что нарисовали картину церковного богослужения — мессы и описали наиважнейший обряд, который, в соответствии с предписаниями христианской религии, совершается во время мессы. Называется он таинством причащения. Каждый христианин обязан совершать его по крайней мере раз в год. Этот обряд выполнялся и во времена гуситских войн, причем не только в Чехии, но и во всей Европе. Он продолжает выполняться и теперь, сотни лет спустя, как в католических, так и в православных церквях.

По учению церкви, хлебная лепешка, именуемая облаткой, гостией или просфорой, будучи освящена при посредстве особой церемонии и заклинаний священника, подвергается необыкновенному превращению: она становится плотью, то есть телом Иисуса Христа. Вино тоже перестает быть тем, чем было, и непостижимым образом превращается в кровь Христа. Верующий вкушает из рук священника, следовательно, не пшеничную лепешку, а живое тело самого господа бога; священник же вдобавок к этому прикладывается и к теплой

крови Христа, в доподлинном ее виде (иллюзии ради в вино даже подливается горячая вода). В православной церкви глотка вина удостаиваются и прихожане; также обстоит дело у протестантов.

По церковному толкованию, в гостии заключены все части тела Христа — «волосы, ногти, борода и все прочее, относящееся к красоте этого славного тела, в которое Христос облекся при своем чудесном и достойном воскресении». При этом верующий не должен считать, будто «нога Христа — в одной части гостии, голова — в другой» и т. д.; надо верить в то, что «все члены Иисуса находятся вместе в каждой частице гостии».

В XVI веке католический собор (съезд духовенства), заседавший в городе Триденте, постановил предавать проклятию (анафеме) всякого, кто будет толковать это таинство как-нибудь иначе: «Если кто станет отрицать, что в священном причастии истинно, реально и субстанционально (то есть во всей своей сущности) содержится тело и кровь вместе с душой и божественностью господа нашего Иисуса Христа, и, следовательно, Христос весь и будет утверждать, что Христос заключается (в дарах) только символически, фигурально или духовно — тому анафема». Анафема адресовалась протестантам, которые как раз и отрицали реальность превращения хлеба и вина в плоть и кровь.

Немало богословских споров происходило из-за попыток поточнее определить взаимоотношения между плотью и кровью Христа, с одной стороны, и «святыми дарами» — с другой. Рационалистам позднейшего времени такие споры всегда казались бессодержательными, пустыми. Недаром выведенный в «Войне богов», комической поэме Эвариста Парни, архангел, обращаясь к христианскому богу, с едкой иронией излагает расхождения среди участников этих «ученых» диспутов:

Вас все-таки постичь они хотят.

«Христос — в дарах!» — одни из них кричат.

«Нет, — он — на них!» — другие голоса.

«Вокруг даров эн!» — третьи говорят.

«Вы врете все! — четвертые вопят, —

Христос, вестимо, скрытан под дарами!»

На самом деле подобные дискуссии для своего времени имели определенный философский смысл и потому велись вполне серьезно: ведь религия была тогда господствующей формой мировоззрения и богословские проблемы выступали как проблемы философского порядка.

Из-за этого церковного учения случалось, однако, немало и любопытных житейских происшествий.

Один средневековый деятель церкви свидетельствует, что часто перед казнью преступнику-убийце или вору не давали причащаться (как того, казалось бы, требовало христианское милосердие): опасались, что когда этого злоумышленника вздернут на виселицу, то вместе с ним такая же участь постигнет и Иисуса, пребывающего в его желудке в виде гостии.

А вот другой, тоже небезынтересный факт, о котором еще в конце прошлого века рассказал священник-иезуит Геренбрех. Как-то на исповеди, происходившей после причащения, одна из его прихожанок призналась ему в тяжком грехе: когда она взяла в рот гостию, ей вдруг представилось, что сейчас она действительно съест все тело Христа... Мысль об этом вызвала такое неприятное ощущение у этой ревностной католички, что она, не имея сил принудить себя проглотить облатку, выплюнула ее... в молитвенник. Геренбреху пришлось самому проглотить разжеванную и обслюнявленную ею кашу, ибо выбросить причастие, по церковным представлениям, нельзя — это тяжкое преступление перед богом. Конечно, подобная чувствительность у верующих людей, принимающих «святые дары», встречается не так уж часто. Большинство же верующих относится к этой церемонии с благоговением, будучи убеждено в том, что священник в самом деле совершил чудо, заставив бога «всемогущими» словами и жестами претвориться в облатку и вино, налитое в чашу. В этом «чуде» — центральный, священнейший момент христианского культа.

В чем же секрет «чудесного» превращения хлеба и вина?

БОГОСЛОВЫ И ВОЛЬНОДУМЦЫ ОТВЕЧАЮТ

Читатель, вероятно, удивится, узнав, что существуют два рода пищеварения: одно — обычное, о котором может рассказать любой старшекласник; другое — на церковный лад.

При обычном пищеварении пища, разжеванная и смоченная слюной, попадает в желудок, затем в кишечник. В организме человека она подвергается сложной химической обработке различными соками, кислотами, ферментами. На нее действует сперва желудочный сок, затем — сок поджелудочной железы, желчь печени, кишечный сок. Проходя через пи-

щеварительный тракт, пища постепенно расщепляется на простейшие химические продукты. Они всасываются в кишечник и затем, подвергшись новым превращениям,— химическому синтезу,— обеспечивают жизнедеятельность организма. Физиологическая наука не знает никаких сверхъестественных исключений из этого процесса.

Иначе смотрит на это церковь. По ее учению, человек, проглотив облатку и отпив глоток вина, «освященные» в храме, отведал истинной божественной плоти и истинной божественной крови. А так как это — божественные сущности, то они — вечны, следовательно, не могут расщепляться или распадаться. Таким образом, если придерживаться церковной точки зрения, хлеб и вино, проглоченные в качестве «святых даров», не могут быть перевариваемы как обычная пища. Поневоле задумаешься, что же тогда происходит с божественной субстанцией, угодившей в желудок?

Подобные вопросы давно уже смущали верующих, и христианские богословы пробовали отвечать на них. Ответы давались разные. Одни утверждали, что божественная плоть Христа, съеденная причащающимся, испаряется и таким путем возвращается на небо, куда некогда якобы вознесся чудом воскресший Иисус Христос. Другие были не согласны с этим мнением и считали, что тело господне продолжает пребывать в причастившемся, сохраняясь в нем без каких-либо изменений.

Однако были в средние века и вольнодумцы, полагавшие, что гостия, подобно обычной пище, переваривается в грешном человеческом чреве и самым же обычным способом выносится из организма. Это мнение было решительно отвергнуто служителями церкви. Его приверженцев объявили еретиками, отступниками от веры. Церковь даже присвоила им бранную кличку — стеркоранисты, что значит «почитатели навоза», и всеми средствами искореняла эту злокозненную ересь. Но чудо пресуществления, то есть превращения хлеба и вина в плоть и кровь бога, все же продолжало вызывать сомнения, закрадываясь подчас даже в душу самих служителей церкви.

МЫШИ И «СВЯТЫЕ ДАРЫ»

Много столетий тому назад, в XI веке, в истинности чудесного превращения усомнился французский богослов Беренгар Турский. Он заявил, что Иисус не может телесно нахо-

даться в «святых дарах», ибо нельзя представить, чтобы в одном и то же месте одновременно пребывали два тела (то есть тело бога и хлеб); и точно так же невозможно представить, чтобы Иисус одновременно находился на всех алтарях, где в данный момент совершается богослужение.

Деятели церкви на своих соборах осудили воззрения Беренгара как еретические. Однако и позднее вольнодумцы не раз брали под сомнение божественную сущность «святых даров». Как же быть, спрашивали они, если гостия, подобно всякому другому хлебу, плесневевает и гниет? Нельзя же думать, что гниет нетленное тело Иисуса Христа? Или, например, как быть, если гостию поедают мыши? Не оскорбительно ли допустить, что этакая жалкая тварь — мышь пожрала тело Христово?

За разрешение столь сложных вопросов (а для средневекового человека, с его привычным религиозным мышлением, они действительно представляли серьезный интерес) пришлось в XIII веке взяться знаменитому католическому философу, слывшему непререкаемым авторитетом в богословской науке и схоластике, — Фоме Аквинскому. Он справился с трудностями этой проблемы следующим образом. «Нет, — заявил прославленный профессор-богослов, — гостия, то есть воплощение Иисуса Христа, не может ни быть подвержена порче, будь то плесень или гнилость, ни быть съеденной мышами». Вместо доказательства Фома Аквинский прибег к такому рассуждению: «В самом деле, гостия может разложиться только вместе с заключенным в ней телом Иисуса, но это последнее, конечно, неразруσιμο; следовательно, и гостия неразруσιма; думать же, что гостия может снова превратиться в обычный хлеб и вино и уж затем подвергнуться порче, тоже нельзя».

Рассуждение это было построено по всем законам принятой в церковной науке аристотелевой логики и в полном соответствии с правилами той причудливой умственной гимнастики, которые предписывала схоластическая мудрость. В нем недоставало только одного — убедительности. Сам Фома Аквинский понимал, что житейские факты — против его доказательства: знаменитому богослову было доподлинно известно, что залежалая облатка гниет и плесневевает, а мыши поедают святой хлеб с неменьшим удовольствием, чем обычную корку. Но нельзя было сдавать позиции перед лицом столь ничтожных фактов. И противоречие было разрешено еще одним схоластическим ходом. Надобно, глубокомысленно поучал Фома Аквинский, различать неизменную сущность и

изменяющиеся внешние признаки вещей. Если мышь истребила гостию, то это ничего не доказывает, ибо изменились лишь пространственные размеры и форма хлеба, но осталась без перемен его сущность, его субстанция, иначе говоря — плоть Иисуса.

Конечно, решение задачи, предложенное Фомой Аквинским, было надуманным и искусственным, но такой же, по сути, являлась и сама задача. Попытки примирить непримиримое — «тайны» церковного причащения и доводы простого здравого смысла — не могли не потерпеть неудачи. А между тем проникнуть в эти «тайны» можно и должно — для этого необходимо рассмотреть их при свете истории.

«Я — КЕНГУРУ»

Оказывается, корни главного церковного обряда, или таинства, как, впрочем, и других обрядов, очень древние и восходят они к первобытной эпохе. Далекие предки современных людей — охотники, рыболовы, примитивные земледельцы — не знали действительных причин явлений, происходящих в природе. Тем не менее будучи людьми практическими (у них еще не было умения допытываться, что к чему), они старались в первую очередь как-то воздействовать на силы природы, пусть и недоступные их пониманию. Ведь нужно же было принимать меры к тому, чтобы обеспечивать себе обильный улов рыбы, богатую добычу на охоте, хороший урожай...

Однако из наиболее распространенных заблуждений наших предков состояло в том, что они еще не умели проводить качественные различия между самими собою и тем, что их окружало.

Характерно, что у отсталых народов — а они могут служить своего рода эталоном для проверки наших сведений о первобытности, получаемых в основном от археологов, — представления о внутренней слитности, спаянности людей с остальным миром, об отсутствии принципиальных граней, отделяющих человека от животных и растений, сохранились вплоть до нового времени. Наверное, многие читали увлекательную книгу известного русского географа В. Арсеньева «Дерсу-Узала». Вспомните, что он рассказывает о своем проводнике-гольде, имя которого поставлено в заголовок книги. Впервые увидев бруснику, Дерсу-Узала спросил: «Это какой люди? Его кушать можно?» Для него ягоды брусники тоже люди. И не

только ягоды. Когда Арсеньев с удивлением спросил его, зачем он собирает и складывает объедки перед тем, как покинуть место ночевки, Дерсу-Узала ответил: «Люди придут, кушать будут!

— Какие же люди здесь, в тайге, где мы первую тропу проложили?

— Как какие люди?— удивился гольд.— Птичка — люди, белка — люди, бурундук — люди, горностаика — люди... Всем надо...»

Можно предполагать, что примерно таким же образом рассуждали и первобытные люди. Им казалось само собой разумеющимся, что они находятся в родстве с животными, что животное может превращаться в человека и, наоборот, человек — в животное.

Из этого взгляда в условиях первобытного, общинно-родового строя постепенно родилось убеждение, что животные — родоначальники того или иного племени, его предки. Возникло почитание таких предков-животных, а также птиц, рыб, растений, от которых мысленно производили себя люди разных групп и племен. У одних это был олень, у других — медведь, у третьих — шакал, у четвертых — орел. Так, сохранились любопытные сведения об австралийцах, еще в XIX веке живших родовым строем, занимавшихся собирательством и охотой. Их родовые группы назывались как раз по тем животным, которых они считали своими отдаленными предками. «Я — кенгуру» или «я — лягушка», — отвечал австралиец на вопрос европейского путешественника «кто ты?»

Почитание первобытными людьми зверей, рыб, птиц, растений в качестве предков принято называть тотемизмом, а самих животных, рыб и т. д., являющихся предметом поклонения, — тотемами. Тотемным обычно становилось животное или растение, которое длительное время было главным источником пищи какого-нибудь племени.

Люди, целиком зависевшие от прихотей природы и не знавшие действительных связей, присущих явлениям, подменяли их воображаемыми связями, которые представлялись им примитивной фантазией; обладая ничтожно малыми знаниями и не умея надлежащим образом воздействовать на природу, они прибегали к ложным, казавшимся им, однако, эффективными, средствам воздействия — магии или колдовству. Первобытным рыболовам и охотникам чудилось, что особыми жестами, телодвижениями, церемониями, заклинаниями, словом, обрядами, они в состоянии заставить рыбу — ловиться в сети, зверя — попадаться в ловушку, что им,

людям, подвластно размножение животных, птиц, растений. Разве нельзя было, например, заставить кенгуру плодиться и множиться в таком количестве, какое нужно для пропитания австралийцев, считавших себя потомками предка — кенгуру? Для этого устраивались особые магические церемонии, называвшиеся интичума: взрослые мужчины уходили к скале, в которой, согласно, верованиям австралийцев этой родовой группы, обитают души животных; несколько участников церемонии взбирались на скалу и, вскрыв себе вены на руках, изливали на камень свою кровь, в то время как прочие, оставшись у подножия скалы, пели песню об умножении числа кенгуру. Души животных должны были, полагали австралийцы, под влиянием этих действий покинуть скалу и воплотиться в новых кенгуру.

Магические обряды, направленные на то, чтобы способствовать размножению нужных животных или растений — тотемов (тотемистическая магия), были очень разнообразны. Все они, однако, имели одну жизненно важную цель: добиться достаточного приплода тотемных животных, рыб, птиц, растений с тем, чтобы племя получило побольше пропитания.

«ПРИНОСИТСЯ В ЖЕРТВУ ЯГНЕНОК-БОГ»

Первоначально первобытные люди убивали тотемных животных: их мясо преимущественно и шло в пищу. В этом обычае имелось, однако, внутреннее противоречие: ведь, убивая кенгуру или, скажем, медведя, убивали предка; поедая мясо убитого животного, поедали плоть того, кого почитали божеством, кому поклонялись. Со временем, инстинктивно ощутив недозволительность такого соединения, а вместе с тем не видя еще выхода из затруднительного положения, первобытные люди, не отказываясь ни от культа животных-предков, ни от их поедания, приходят к мысли, что нужно просить у тотема «извинения» за свое поведение за то, что божество приходится умерщвлять и съедать. Охотники — эвенки, например, убив медведя, который почитался у них как предок, совершали затем магический обряд «очищения»: они забрасывали друг друга снежками — зимой, землей и мохом — летом; потом, придя домой, расстилали на почетном месте медвежью шкуру, ставили перед мордой медведя фигурки оленя, а с наступлением ночи устраивали колдовские танцы и пели магические песни, просо прощения у «дедушки» медведя.

Позднее, когда уровень хозяйственной жизни повысился и

прежние магические обряды утратили в глазах племени свое бывшее практическое значение, тотемизм сохранился лишь как почитание племенного предка. Тогда стали запрещать умерщвление тотемного животного. В племени, «происходившем», например, от медведя, уже нельзя было убивать этого зверя и поедать его мясо. И только по определенным дням — праздникам — запрет, или табу, прекращал свое действие: в эти дни сородичи поедали своего бога-мишку. Они поедали его не символически, а по-настоящему, вкушая плоть и кровь тотемного животного, вбирая в себя часть его тела. Это было, по сути дела, причащение богом, приобщение к нему.

Так, у сахалинских гиляков, поклонявшихся медведю, еще в прошлом веке раз в году устраивался медвежий праздник, и главным его моментом было торжественное поедание медведя. Съедая его, рассчитывали таким путем приобрести медвежьей силой, выносливость, храбрость. «Мы едим медведя не для сытости,— говорили гиляки,— а для того, чтобы в нас перешла медвежья сила». Поедание медвежьего мяса, следовательно, имело обрядовый смысл, было способом приобщения к доблестям бога-предка. Любопытно, что череп и кости бога-медведя, принесенного в жертву, складывались в амбар вместе с оружием и посудой, использовавшейся во время праздничного пиршества: считалось, что, спрятав кости и череп, сородичи дадут возможность медведю возродиться в новом животном.

Религиозные представления первобытных людей, в том числе магия и тотемизм, какими-то своими элементами перешли в древние религии классового общества — к египтянам и вавилонянам, евреям и персам, грекам и римлянам, а от них эти древние верования и обряды были усвоены и христианством. Так, древние евреи, о чем рассказывается в священной книге христианской религии — Библии, ежегодно поедали пасхального ягненка, поступая в сущности подобно первобытным дикарям, которые пожирали своих тотемов. Пасхальный ритуал этот был явно тотемистического происхождения: кости жертвенного агнца сжигали; через огонь бог-предок «возрождался к жизни». Позднее и христиане тоже стали есть и пить под видом хлеба и вина, подвергшихся в церкви магическому превращению, тело и кровь своего бога. И так продолжается доньше!

Заметьте, что священник, приготовляющий причастие, режет просфору, произнося следующую заклинательную формулу: «Приносится в жертву ягненок-бог (жрется агнец божий)». Иначе говоря, просфора в его руках магическим обра-

зом изображает то же самое древнее тотемное животное, которое употребляли на пасху в незапамятные времена библейские евреи, сохранившие в своих верованиях элементы тотемизма. Причащающиеся христиане читают прямо-таки канибальскую молитву, в которой говорится: «Еще верую, яко сие есть самое пречистое тело твое (Христа) и сия есть самая честная кровь твоя».

Вот каков первоначальный, дикарский источник главного христианского обряда: богоядение, восходящее к эпохе тотемизма. И совершенно справедливо заметил бывший богослов А. Осипов, что церковь (православная и католическая в равной мере) настойчиво подчеркивает тотемическую суть богоядения, подчеркивает, что это именно древнее богоядение дикарей, а не просто символический обряд, каким его считают, скажем, протестанты. У них хлеб и вино рассматриваются только как символы, напоминающие об искупительной жертве Христа, но не более того. Христианство в протестантизме вообще ведь очищено от своих наиболее грубых черт, указывающих на связь с «языческими» верованиями. Напротив, в православном богословском учебнике, например, прямо говорится: «Истинно и действительно хлеб пресуществляется в истинное тело господа., а вино претворяется в истинную кровь господа, которая пролита на кресте». В это же учит верить и католическая церковь.

Следует, однако, иметь в виду, что в христианском обряде причащения древнее богоядение приобрело иной смысл, нежели оно имело в первобытных верованиях.

«ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ» И ЕГО ИСКУШЕНИЕ

Если представить себе настоящее и будущее человечества, как их понимает духовенство, то получится приблизительно такая картина. Все люди от рождения греховны. Виновники этой греховности — прародитель Адам и его жена Ева. Так звали первых людей, сотворенных богов, согласно рассказу первой части Библии, именуемой Ветхим заветом и являющейся священной книгой у христиан и иудеев.

Здесь рассказывается, что Адам, сотворенный богом по собственному образу и подобию, и Ева, которую он произвел из ребра Адама, жили первоначально райской жизнью.

По упоминавшейся уже шутиливой поэме Парни «Война богов», которой так увлекался потом А. С. Пушкин,

В раю
Препровождали люди жизнь свою.
Им нравились невинные утехи:
Гуляли вместе, шелкали орехи,
Цветы топтали, пили из ручья
И разоряли гнезда для потехи;
Зевали часто, скуки не тая,
Плевали в воду, камешки бросали
И, не стыдась, бродили нагишом;
Ложась вдвоем, сном праведников спали...
Что делать им — решительно не знали.

Бог, однако, поместил их в раю на определенном условии, а именно: чтобы они не смели вкушать яблок с одного дерева, произраставшего там среди других, — с «древа познания добра и зла». Но Адам и Ева по наущению некоего змия-искусителя нарушили волю всевышнего: они рискнули отведать запретный плод. За это тяжкое преступление творец предал прародителя человеков и его жену проклятию и изгнал их из рая. Мало того: бог в своей «высшей» справедливости осудил Адама на то, чтобы до конца своих дней он трудился в поте лица, а Ева рожала бы детей в муках. Однако и этим господь не удовлетворился: за грех прародителей было наказано все их потомство. Человечество, оскверненное прародительским грехом, обречено на страдания и в жизни, и после смерти. Как иронически писал тот же поэт, имея в виду яблоко, которое Ева сорвала с запретного дерева, ее просвещение

Недешево нам обошлось: сей плод
Зеленым был, и всем нам наперед
Испортил навсегда пищеваренье.

Если сравнить греховность с каким-либо тяжким наследственным недугом, то, по учению церкви, не все больные находятся в одинаковом положении. Греховность одних неодолима, у других же имеется надежда очиститься от нее, выздороветь и «спастись», правда, «на том свете». Неизлечимо больные — это язычники, то есть все, кто верует не в Христа, а в иных богов: мусульмане, брахманисты и другие. После смерти им предстоит веки вечные мучиться в адском пекле, если, конечно, они не примут до этого правую веру (кстати сказать, примерно также представляют себе участь всех иноверцев поклонники мусульманского Магомета).

Положение другой части рода человеческого — христиан более благоприятно: христианин может избежать адских мук и обрести за гробом райскую жизнь. Такую возможность он

получил, по мнению церкви, благодаря мученической смерти Иисуса Христа.

Историю Иисуса Христа рассказали около двух тысяч лет назад авторы евангелий — священных книг христианской религии, о которых у нас еще речь впереди. В их изображении Иисус был одновременно богом и человеком, сыном божьим, воплотившимся в образе человека. Страдания и смерть Иисуса, распятого на кресте, заключали в себе — так толкуется это событие в евангелиях — глубокий смысл для людей. Творец мира не напрасно обрек на казнь свое дитя. Справедливо наказав сперва людей за проступок Адама и Евы, господь захотел затем явить свое милосердие: спасти человечество от дальнейшей кары. Для этого он и послал на землю Иисуса Христа. Сын божий, приняв страшную смерть, искупил тем самым первородный грех, лежавший несмываемым пятном на потомках Адама и Евы.

Эти рассказы, передаваемые в евангелиях, очень важны для понимания той роли, которую играет обряд причащения, да и другие обряды в христианской религии.

НАСЫТИТЬСЯ БОГОМ РАДИ БЕССМЕРТИЯ

Дело в том, что хотя Иисус Христос и искупил первородный грех, но, по учению церкви, это еще вовсе не значит, что душе всякого верующего открыта беспрепятственная дорога в рай. На пути к нему — множество «соблазнов», воздвигаемых дьяволом. Чтобы их преодолеть, есть лишь одно верное, надежное средство: христианину нужно в своей земной жизни регулярно приобщаться к божественному началу — «благодати». «Благодать» же эту он может получить только от служителей божьих — священников, и дается она ему при посредстве различных обрядов, установленных будто бы самим Христом. Главный из них — обряд причащения. Выполняя его, верующие не только вспоминают о том, что они в неоплатном долгу у своего спасителя — Христа. Под видом хлеба и вина они едят его живое тело и пьют его человеческую кровь, приобщаясь таким образом к божеству. Плоть и кровь бога — это важнейший элемент милости божьей — «благодати». Верующему надлежит систематически вкушать спасительные облатки и вино (у католиков, как уже отмечалось, кровь — вино за всех причащающихся принимает только священник), дабы, «насытившись богом», как говорил еще в римские времена христианский богослов Тертуллиан, душа могла заручиться

верной гарантией того, что после смерти своей земной, телесной оболочки она будет перенесена в райские сферы.

Причастие и представляет собой такое «лекарство бессмертия». Принявший его из рук священника получает твердую надежду на «вечное спасение». Хлеб и вино причастия являются залогом тому, что душа вкусившего их обязательно попадет в рай.

Таково церковное толкование этого магического, дикарско-го по происхождению, христианского обряда.

ЕЩЕ О ЧАШЕ

Вернемся теперь снова к той самой чаше, которая была своего рода знаменем чешских патриотов в гуситских войнах и с которой мы начали наш рассказ. Эта чаша была необходимой принадлежностью церковной утвари не только в Чехии,— она употреблялась в католических церквях повсюду. Разумеется, крестьяне и горожане Чехии дрались в XV веке с немецкими крестоносцами, посланными римским папой, не из-за чаши. У них была другая цель — избавление от притеснений и эксплуатации со стороны немецких помещиков-крепостников, давно уже прибравших к рукам много земель в стране, и со стороны богатеев купцов, овладевших наиболее выгодными позициями в торговле и самыми главными должностями в городском управлении. Интересы этих феодалов и купцов рьяно отстаивали католические церковники, среди которых тоже было немало немцев. Они занимали привилегированное положение в Чехии. Символическим выражением этой привилегированности служило то, что только священники причащались хлебом и вином, а простые миряне — одним лишь хлебом: они считались недостойными «крови Иисуса» (кстати сказать, такой порядок в основном сохраняется в католической церкви и поныне; правда, в отступление от него Второй Ватиканский вселенский собор, происходивший в 1962—1965 гг., признал допустимым в отдельных случаях, по постановлению епископов и с дозволения папы, разрешать причащение «под обоими видами» и мирян).

Выступая против засилья иноземных феодалов, купцов и церковников, гуситы под религиозным флагом в сущности боролись за ликвидацию социального гнета. В этом нет ничего удивительного: в средние века религиозные представления укоренились настолько глубоко, что даже тогда, когда трудящиеся поднимались на борьбу со своими классовыми врага-

ми, их протест тоже принимал религиозную форму. Эта особенность народных движений средневековья как раз и проявилась во время гуситских войн.

Наряду со многими другими установлениями гуситы добились и отмены оскорбительного для национальной гордости чехов обрядового различия, касающегося способа причащения. Они стремились покончить с алчной и богатой католической церковью, освящавшей чужеземное иго, лишить ее служителей всяких преимуществ, всякой исключительности. Поэтому-то и выдвигалось среди прочих требование, чтобы обряд причащения был тоже одинаков для всех, то есть чтобы все причащались и хлебом, и вином из чаши. Отсюда название гуситов: «чашники». «Чашу для мирян!» — этот гуситский лозунг означал, что необходимо положить конец любым привилегиям как католических церковников, так и всех остальных чужеземных господ, будь то крупные землевладельцы или зажиточные купцы.

ТАК УСЫПЛЯЮТ РАЗУМ

Церковь обставляла и обставляет обряд причащения большой пышностью и торжественностью. Это делается для того, чтобы убедить паству, «стадо Христово», как называют церковники верующих, в истинности чуда, совершаемого во время мессы. «Хотя чувство,—поучает один из христианских богословов,—и представляет тебе только хлеб и вино, но да укрепляет тебя вера. Не по вкусу суди, но верою удостоверься, что сподобился ты причащения тела и крови Христовой».

Заставить людей поверить в несуществующую «тайну» причащения можно, однако, только с помощью очень сильных средств. Ими и являются молитвы, органная музыка, хоровое пение, мерцание свечей и лампад, дым кадильниц, яркие краски картин, поклоны и заклинания священника перед алтарем. Храм становится как бы религиозным театром, а верующие — зрителями и в то же время участниками церковного спектакля. Он должен захватывать в плен их чувства, заглушать рассудок, прочно утверждать слепую веру в божественную природу ломтика хлебца и глотка вина — «святых даров». Почему же это так важно для церкви?

В далекие времена средневековья, а в капиталистических странах и поныне торжественная обстановка богослужения,

таинственность причащения (а равно и крещения, и различных других обрядов, откуда бы они ни были заимствованы и в переиначенном виде введены в христианский богослужебный ритуал) преследовали и преследуют социальные, классовые цели. Церковная магия нужна для того, чтобы с наибольшим эффектом внушать угнетенным веру в лучшую, свободную от горестей жизнь за гробом и таким образом примирять их с господством эксплуататорских классов в этом, земном мире. Приучая верить в «тайны» и «чудеса» причащения, священники тем самым приучают свою паству верить и в то, что счастье в загробной жизни может дать только церковь. Лишь ее служители являются чудодейственными аптекарями и лекарями христианских душ, лишь им одним дарована способность превращать хлеб и вино в плоть и кровь господина, лишь они постигли искусство вливать это лекарство в христианские души, а следовательно, обеспечивать принимающим его бесконечное посмертное блаженство. Значит, свято все, что делают слуги божьи, значит, необходимо во всем исполнять веления священников, исполнять слепо, не пытаясь проникнуть разумом в «великие тайны» христианской религии. «Чудо» причащения и вера в это, как и в другие религиозные «чудеса», всегда были необходимы церкви для того, чтобы, поражая и удивляя, усыплять разум и делать трудящихся послушными овцами своих духовных пастырей, покорными и тем, чьим интересам эти пастыри на деле служат,— правящим классам.

Хорошо, скажет читатель, все это, может быть, и верно, но либо по отношению к прошлому, либо по отношению к той части современного мира, где еще царят эксплуататорские порядки. А какую же роль играют церковные обряды, когда они выполняются в храмах нашей страны? Ведь духовенство у нас в большинстве своем давно уже признало власть трудящихся, лояльно относится к советскому строю, в своих проповедях подчеркивает ценность труда, участвует в движении за мир.

Объективный смысл обряда причащения — в усыплении разума верующих. Этот смысл остается неизменным по своей сути и тогда, когда в наши дни данный обряд совершает католический или православный священник, только что произнесший страстную проповедь о необходимости сохранения мира на земле. Заключительным аккордом церковного богослужения — обедни (а она и ныне происходит, в общем, так же, как и 500 лет назад) оказывается все то же магическое причащение. Верующему в конце концов внушается, что его будущая, посмертная, вечная участь зависит от церкви, от хлебной

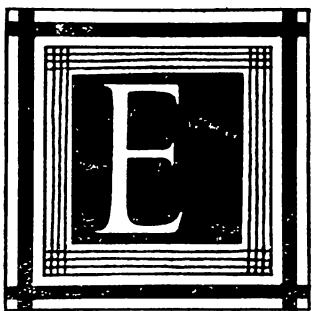
облатки и глотка вина, которые он примет из рук священника. При этом, само собою разумеется, что все остальное, то есть земное, хотя и важно, конечно, но все-таки это лишь суета сует. Таким образом, усыпление разума — главная функция обряда причащения, как и других обрядов; их назначение в традиционной церковной практике не изменилось и поныне.

ОЧЕРК ВТОРОЙ
●
святенные сказания

вангелия — составная часть священной книги христианской религии — Библии. По-гречески слово «евангелие» означает «благая весть»: христиане называли так эти произведения потому, что считали их авторов первыми, кто возвестил о событиях, связанных с воплощением «сына божьего». Евангелия были написаны на греческом языке. Писали их, согласно учению церкви, апостолы Иисуса Христа — Матфей и Иоанн, ученик апостола Петра — Марк и сподвижник другого апостола, Павла, — Лука. Все они, следовательно, в той или иной мере были свидетелями описываемых ими событий или во всяком случае людьми, надежно осведомленными обо всем, что рассказали затем в евангелиях.

О чем же там идет речь? Главное содержание евангельских книг составляет жизнеописание Иисуса Христа. Евангелия рассказывают, что он родился в Палестине (то ли в Вифлееме, то ли в Назарете — неясно). О ранних годах жизни «сына божьего» евангелия не содержат почти никаких сведений, правда, кое-что сообщается в одном из непризнаваемых церковью евангелий (Никодима). Достигнув зрелого возраста, Иисус Христос стал проповедовать людям новое учение. Главное, что он им предписывал — воздержание от земных благ и долготерпение. Не надо заботиться об удовлетворении телесных нужд, о том, что есть, что пить, во что одеваться; думать следует лишь о душе, беспокоиться лишь о том, чтобы после смерти тела, в котором она пребывает, как в темнице, душа смогла беспрепятственно войти в царство божие и насладиться там вечной жизнью. Раб, например, должен безропотно повиноваться своему господину. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас», — так учил Иисус своих «верных» (Матф., гл. 5, ст. 44). Тем, кто

поступает в соответствии с его наставлениями, прежде всего тем, кто не только не противится злу, но и проявляет милосердие к своим врагам, он обещал «небесное сокровище» — спасение в загробной жизни.

В подтверждение же того, что учение его истинно, а сам он — не простой человек, а возлюбленное чадо господне, посланец небес творил всяческие чудеса: то превращал воду в вино, то останавливал бурю и ходил по волнам; один раз он умудрился накормить пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами и при этом еще осталось двенадцать корзин с объедками; в другой раз семи хлебов ему достало для того, чтобы накормить четыре тысячи человек... Сплошь да рядом «сын божий», переходя с места на место и наставляя в своем учении, исцелял «всякую болезнь и всякую немощь в людях». «И прошел слух о нем по всей Сирии; и приводили к нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и он исцелял их» (Матф., гл. 4, ст. 24). Неоднократно воскрешал Иисус Христос и покойников, возвращая их к жизни.

Так продолжалось три года, в течение которых он учил людей праведной жизни на земле во имя спасения «на том свете» и творил всевозможные чудеса. Впрочем, если судить по евангелию от Иоанна, то деятельность Иисуса длилась гораздо меньше: он начал «ходить по Галилее» в праздник «поставления кушей», то есть осенью (Иоанн, гл. 7, ст. 1—2), затем пришел в Иерусалим в то время, когда «настал... праздник обновления, и была зима» (Иоанн, гл. 10, ст. 22), а уже весной, во время пасхи (там же, гл. 12) его проповедническо-чудотворное хождение завершилось тем, о чем, примерно, одинаково повествуют все евангелия. Итак, Иисус проповедовал и чудодействовал то ли три года, то ли около года. В конце концов своими проповедями этот наставник и чудотворец вызвал недовольство иерусалимского жречества. Выданного одним из собственных учеников, Иудой Искаротом, Иисуса схватили. Он предстал перед судом и был приговорен к смерти за то, что, будучи сыном простого плотника, называл себя сыном божьим и царем иудейским. Народ одобрил приговор суда и прямо потребовал от римского наместника Понтия Пилата: «Распни его!» (то есть Христа). Пилату, который хотел было помиловать Иисуса, оставалось лишь «умыть руки», что он и сделал. А Иисус? Его пригвоздили к кресту. Безропотно и терпеливо перенеся мучительную казнь, Христос умер. Однако три дня спустя после этого сын божий воскрес из мертвых — в полном соответствии с тем, что сам он предсказывал о

себе при жизни. Через сорок дней на глазах у изумленных учеников Иисус вознесся на небо, где занял место возле своего отца-бога, справа от него. Там, по мнению богословов, он пребывает поныне и будет пребывать во веки веков.

Таковы — вкратце и очень схематично — основные моменты евангельских повествований о том, кого церковь рассматривает как божественного основателя христианства. Остановимся подробнее на некоторых эпизодах этих повествований, чтобы определить, рисуют ли они подлинную историю его возникновения или представляют собой нечто иное.

«ОТ ДЕВЫ БУДЕШЬ ТЫ РОЖДЕН!»

Уже само появление на свет христианского бога-спасителя окружено удивительной тайной. Его мать была девой, и родился Иисус Христос от святого духа, которого церковные живописцы изображали обычно в виде голубицы. В евангелиях рассказывается, что в палестинском городе Вифлееме жила девушка Мária. Вскоре после того, как она вышла замуж за плотника Иосифа, выяснилось, что еще до своего замужества Мария стала матерью. Она понесла, как передают авторы евангелий, от «святого духа», который спустился к ней с небес на землю по воле всемогущего бога. В положенный срок Мария произвела на свет младенца мужского пола. Это и был спаситель — Иисус Христос. В евангелии от Матфея (а он считается церковью, как мы уже отмечали, одним из апостолов-учеников Иисуса) говорится об этом в следующих словах: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом, прежде нежели сочetaлись они, оказалось, что она имеет во чреве от духа святого» (Матф. гл. 1, ст. 18). Интересна одна деталь: судя по этому евангельскому рассказу, Мария уже после обручения с плотником Иосифом получила небесное уведомление о том, что ей предстоит зачать от божества. Предупредил ее об этом вестник всевышнего — архангел Гавриил. «Дух святой, — объявил он Марии, — найдет на тебя, и сила всевышнего осенит тебя: посему и рождаемое святое наречется сыном божьим», — рассказывает об этом другой евангелист — Лука (Лука, гл. 1, ст. 35). Как свидетельствуют евангелия, архангела Гавриила послал к Марии сам господь бог. Он ведь заранее обрек своего сына на смерть ради блага человечества. Видимо, бог понял, что был слишком строг к людям, наказав их за чрезмерную любознательность Адама и Евы, вкусивших запретное яблоко с дерева познания.

Чтобы помочь беде, господь
Сказал единственному сыну:
«Иди принять людскую плоть,
Спеша грех смертью побороть!»
И сын ответил: «Не премину
Исполнить, отче, твой приказ,
Хоть стать мне человеком дико:
С тобой ведь сан один у нас —
Ну, что сказали б, если б пас
Коров епископ? Посуди-ка!»
«Тут тайна, сын, и принужден
В нее ты верить со смиреньем!
От девы будешь ты рожден;
Уж дух святой предупрежден
О предстоящем осененье.
Эй, Гавриил! Тебя послать
Я собираюсь с порученьем:
Ты возвестишь про благодать
И незапятнанную мать
Приготовишь к воплощенью».
Архангел тотчас полетел,
В жилище к плотнику спустился
И только — мастер этих дел! —
Проникнуть в горницу успел,
Уж пред хозяйкой объяснился.
«Тебя всевышний вознесет, —
Сказал он ей с поклоном низким, —
Благословен да будет плод,
Что в чреве девственном взрастет!» —
Сказал — и чудо стало близким.

В таких шуточных стихах осмеял евангельскую сказку один старый французский поэт.

Церковь требует слепо верить в эту сказку, требует от верующих всерьез думать, что все это происходило в действительности. Ведь евангелия считаются написанными по внушению бога — «боговдохновенными» книгами: через них сам всевышний разговаривает с христианином, следовательно, в них заключена высшая и безусловная истина.

Между тем нелепость догмата о непорочном зачатии давно уже настолько очевидна, что даже один из римских пап, Бонифаций VIII вынужден был признать: «Дева Мария была такой же девственницей, как моя мать».

Когда наука тщательно изучила историю различных религий, то ясно убедились в простой истине: миф о Марии-девственнице перешел в священные книги христианства из языческих верований. Во времена, когда составлялись евангелия, представления о том, что боги чудесным образом рождались от дев, были распространены довольно широко.

Далеко от Палестины — родины христианского искупителя — находится Индия. За сотни лет до появления евангельского сказания о Христе здесь рассказывали историю о непорочной деве по имени Майя. Она тоже оказалась матерью бога, только другого: звали его Буддой. До своего рождения он пребывал на небесах; затем в один прекрасный день он решил избавить людей от страданий и смерти. Для этого надо было сначала принять человеческий облик. Окинув взглядом мир, Будда узрел на земле деву Майю; он явился к ней в виде пятицветного солнечного луча, и Майя понесла бога. Его рождение было предсказано вещим сном: Майя видела, как с небес спустился белый, словно снег и серебро, слон. Он-то и вступил в ее чрево, обернувшись лучом солнца.

Разве не бросается в глаза сходство этого мифа с христианской сказкой о непорочном зачатии? Случайно ли такое сходство?

Индийская легенда — не единственная в этом роде. От непорочных дев, по преданиям, рождены были египетский солнечный бог Ра, финикийский — Адонис, персидский — Митра, греческий — Дионис, а также некоторые римские боги. Сыновьями девственниц в древности считали и некоторых легендарных героев вроде греческого Персея, и даже людей, живших в действительности, таких, как великий полководец Александр Македонский или выдающийся философ античности Платон.

В конечном счете все мифы этого рода идут из первобытных времен. Причина, которая породила в отдаленнейшие времена сказки о непорочном зачатии (а эти сказки известны почти всем народам), очень проста. Человечество пережило некогда такой период своего исторического развития, когда главное место в хозяйстве и в общественных делах родового коллектива принадлежало женщинам. Ученые называют этот период матриархатом. В эпоху матриархата женщины были окружены большим уважением: даже счет родства тогда велся по женской линии. Говорили: сын такой-то, а не сын такого-то. Кое-где такой порядок уцелел и много позднее.

Не знавшие законов природы, первобытные люди считали, что женщины являются носителями особой, колдовской силы. Дикари смутно представляли себе роль отца при зачатии ребенка. Некоторые отсталые народы, например австралийцы, еще в XIX веке полагали, что беременность — результат того, что в женщину переселяется дух, обитавший до поры до вре-

мени в камне или на дереве. Когда молодая австралийка, не желавшая стать матерью, проходила мимо камней, в которых якобы пребывают духи, вызывающие беременность (такие камни назывались у австралийцев эратипа), то девушка сгибалась и сморщивала лицо, стараясь показать духам в эратипа, что она уже стара.

Не трудно понять, что все это, вместе взятое, — главенствующее положение женщин в роде в эпоху матриархата, представление о колдовской силе, которой они обладают, незнание истинных причин беременности — порождало в первобытные времена фантастические вымыслы о непорочном зачатии, сказки о том, как духи, то есть боги, проникали в тело женщины и как от этого рождались люди.

Когда позднее, с возникновением скотоводства и появлением плужного земледелия, первобытные люди перешли от матриархального строя к патриархальному, когда руководящая роль в хозяйстве, в общественной жизни, в семье стала принадлежать мужчинам, женщины не сразу согласились подчиниться власти мужей и отцов. Долгое время между мужчинами и женщинами происходила борьба за первенство. В ходе этой борьбы женщины старались, между прочим, «доказать», что даже при рождении детей они не нуждаются в мужской помощи.

Сказки о непорочном зачатии продолжали сохраняться и распространяться и в эту пору. У древних египтян существовало наивное предание о богине неба Нут: ее считали матерью светил. Нут, утверждали в Египте, не имеет мужа: она сама зачинает своих детей — солнце и звезды; вечером Нут проглатывает их, а утром рождает. Сходные легенды имелись и у других народов древности.

Христианская религия тоже сложилась в древние времена. Что же удивительного в том, что в ее священные книги проникла легенда о деве-богородице и о рождении Христа от святого духа?

КАК ОЖИВАЮТ УМЕРШИЕ

Церковь учит, что богочеловек Иисус Христос трое суток провисел на кресте, а затем, снятый с креста и уже похороненный, вдруг ожил, воскрес и даже непостижимым образом вознесся в небесные сферы. Притом, судя по евангелиям, сын девы Марии воскрес не в каком-либо переносном смысле, а телесно, ожил в буквальном значении слова. Когда он «явил-

ся» своим ученикам, «смутившись и испугавшись», подумали было вначале, что «видят духа». Желая уверить их в том, что перед ними — не бесплотная тень, а сам учитель в своем доподлинном телесном обличье, он «показал им руки и ноги» и, более того, заставил подать себе пищу: ему принесли печеную рыбу и сотовый мед, и он, «взяв, ел пред ними» (Лука, гл. 24, ст. 37, 40, 42, 43). Воскресение Иисуса прославляют в праздник пасхи, восклицая: «Христос воскрес».

Возможно ли, однако, такое чудо?

Вот какой случай произошел весной 1944 года во время Великой Отечественной войны.

В одном из боев сержант Ч. получил тяжелое ранение. Его вынесли с поля сражения в бессознательном состоянии.

Врачи в полевом госпитале приняли все меры, чтобы сохранить жизнь герою-воину. Но тщетно! Потеря крови оказалась невосполнимой. Сердце остановилось. Сержант Ч. скончался. Это произошло 8 апреля в 19 часов 41 минуту. А через пять с половиной минут благодаря врачам сердце сержанта вновь начало биться. Спустя еще несколько минут возобновилось дыхание. Ч. вернулся к жизни. Как же это произошло? Ведь у Ч. были налицо все внешние признаки смерти — прекратилось дыхание, исчез пульс, лицо побледнело, ногти на пальцах посинели, сердце перестало биться. Быть может, это тоже было чудесным воскресением, подобным тому, о котором рассказывается в евангелиях?

Уже давно люди задумывались над вопросом, можно ли оживить человека, если он погиб не от тяжелой болезни, подорвавшей организм, а от какой-либо случайной причины, например сильной кровопотери, шока, тяжелой травмы. Этим вопросом занимались ученые разных стран. Проводились многочисленные наблюдения, эксперименты. Было установлено, что когда человек умирает, то есть когда его организм перестает функционировать, прекращается обмен веществ и клетки не получают больше пищи, нужной для их жизнедеятельности, они начинают распадаться, подвергаться разложению. Однако этот распад начинается не во всех органах одновременно. Клетки одних органов хрупкие, неустойчивые, они перестают жить вскоре после того, как прекращает работать сердце; клетки других более стойкие.

Опыты, которые производились в лабораториях на животных, показали, что наименее стойкими оказываются нервные клетки, и прежде всего клетки головного мозга. Они погибают через 5—6 минут. А клетки сердечной мышцы даже

через сутки после видимой смерти сохраняют жизнеспособность.

Ученые установили и такой важный факт: пока клетки не погибли, они способны к регенерации, иными словами, при создании определенных условий их деятельность может восстановиться.

Такое состояние, при котором в клетках важнейших органов, и прежде всего центральной нервной системы, управляющей всеми основными жизненными процессами, еще не произошло необратимых изменений, называется клинической смертью. Но, кроме клинической смерти, существует и биологическая смерть, когда клетки организма, к которым кровь не доставляет питательных веществ, распадаются, причем распад этот заходит так далеко, что вдохнуть в них жизнь уже нельзя.

Ученые не только подробнейшим образом изучили эти процессы, но и разработали метод оживления организма — реанимацию, который может быть применен не позднее чем через 5—6 минут после клинической смерти. В настоящее время этот метод получил повсеместное распространение, и медицина насчитывает тысячи таких случаев оживления.

Теперь вернемся к истории оживления сержанта Ч. С момента клинической смерти бойца прошло только две минуты, то есть время, когда еще можно было достичь регенерации клеток. Это был первый случай оживления организма.

Всем известно имя выдающегося советского физика академика Л. Ландау. В 1962 г. он попал в тяжелую автомобильную катастрофу, и медики четырежды отвозывали его у клинической смерти.

Какой наивной и нелепой в свете точных данных физиологической науки представляется евангельская сказка о воскресении Иисуса Христа! Ведь, судя по рассказам евангелистов, «сын человеческий» истекал кровью 72 часа. К тому же распят он был, видимо, при помощи далеко не стерильных гвоздей и, несомненно, у него должно было произойти заражение крови. Даже современная наука не могла бы помочь ему, если бы то, что с ним произошло согласно евангельским рассказам, случилось в действительности. Однако христианин обязан верить и в сказку о воскресении Иисуса, коль скоро хочет спастись «на том свете».

А между тем мало кто из верующих представляет себе, что евангельская история смерти и воскресения Христа — это миф, и притом миф, который значительно старше самой хри-

стианской религии. Умирали и воскресали боги египтян, вавилонян, индусов, евреев, сирийцев, иранцев и других народов Древнего Востока. Мифы об этом создавались за тысячи лет до появления евангельского Христа.

О смерти древнеегипетского бога Осириса старинные легенды повествовали с большими подробностями. В этих легендах рассказывалось, как злой брат Сет убил Осириса, научившего людей сеять хлеб, разводить виноград, выращивать плодовые деревья. Убийца бросил труп Осириса в Нил. Много времени спустя покойник был найден сестрами и уже оплакан ими, но затем — воскрес. О том, как египтяне представляли себе воскресение Осириса, говорят старинные рисунки: на них изображены молодые всходы, поднимающиеся из тела мертвого Осириса. И это не была игра воображения художника. Такие рисунки глубоко отражали самую суть религиозных сказаний древних египтян об умирающем и воскресающем боге Осирисе. А она заключалась в том, что Осирис, который умирает, чтобы потом возродиться пшеницей, или ячменем, или виноградной лозой, — это, в представлении египтян, и добрый предок, выучивший их земледелию, и зерно само по себе. Каждый год его бросают в землю, и каждый год из него вырастают зеленые всходы. «Люди прыгают от радости из-за зерна, вышедшего из тела Осириса», — пелось в одном религиозном гимне египтян. Осирис — это божество ежегодно умирающей и ежегодно обновляющейся природы.

Таковыми же были вавилонский бог Мардук, финикийский Адонис, малоазиатский Аттис, персидский Митра и многие другие божества. Это были боги земледельческих народов, символизировавшие жизнь зерна: попадая в землю, умирая, оно затем словно возрождается, воскресает в виде растений.

В христианстве, усвоившем прежние религиозные легенды, этот старый-престарый миф осложнился новыми наслоениями: появились представления о том, что умерший бог искупил первородный грех, о том, что воскресение Христа — залог воскресения людей. Однако первоначальная основа евангельского сказания осталась прежней — земледельческие мифы о богах умирающей и воскресающей природы. Иисус Христос такой же страдающий, умирающий и воскресающий бог, как, например, Осирис. Не случайно и христианское причащение, о котором рассказано в предыдущем очерке, — это причащение именно хлебом и вином, а не чем-нибудь иным. Не случаен и обычай, связанный с праздником «воскресения Христова» — выращивание к пасхе овса в тарелках.

Подоплека всего этого совсем не христианская, она гораздо древнее. Миф об умирающем и воскресающем божестве перешел в христианство из языческих религий.

ТРИЕДИНЫЙ БОГ — ОТКУДА ОН?

Чему равна единица? Станный вопрос — конечно, единице! Ничего подобного: один равен одному только в арифметике. Христианские священники вот уже многие сотни лет считают опровергнутой эту аксиому. Они утверждают, что единица равна трем. Доказательство? За ним ходить недалеко.

По мнению церковнослужителей, единый христианский бог существует в трех лицах: бог-отец, бог-сын и бог-святой дух.

Согласно традиции, церковные живописцы представляют эту троицу таким образом: бог-отец — благообразный старец, на плече у него белый голубь, дух святой, а на коленях — агнец (ягненок), которого он принес в жертву ради спасения человечества и который символизирует бога-сына. По-вольтерьянски высмеивая концепцию христианского триединого бога, Парни описал его облик в шутливых стихах:

...Их было трое
В одном лице или, наоборот,
Один в трех лицах. Поняли? Ну вот:
То был старик с длиннейшей бородою,
Благообразный видом и лицом,
На облаке сидевший босиком.
Он выглядел довольно заурядно,
Но у него сиял над головой
Лучистый круг. Хитон его нарядный
Был из тафты небесно-голубой.
У плеч сбиралась в складки эта тога
И ниспадала, облекая стан,
До самых пят. А на плече у бога,
Лучистым нимбом тоже осиян,
С осанкою довольно величавой,
Сидел красивый белый голубок,
А на коленях христианский бог
Держал ягненка. Чистенький, кудрявый,
Был этот агнец хрупок, тонконог
И с розовою ленточкой на шее;
Над мордочкой — сиянья ореол...

Каковы взаимоотношения между тремя лицами христианской троицы, об этом богословы и поныне не могут договориться между собой. Одни считают, что бог-сын, то есть Иисус

Христос, рожден от бога-отца, хотя и равносущен ему, и от него же (бога-отца) происходит дух святой. Другие полагают, что последний в равной мере происходит и от бога-отца, и от бога-сына. Французский поэт недаром вложил в уста богу-отцу, рассуждающему о троице, слова сомнения по поводу своих собственных взаимоотношений с богом-сыном и святым духом:

Мой сын, ты прав. Оставьте эти бредни!
Что захочу, то сделаю. Ай-ай!
Не то употребил я выражение:
Все три лица я заменил одним,
И правильной сказать: «что мы хотим».
Вы старшему простите упущенье!
Но старше ль я? Мы возрастом равны,
А между тем вы мною рождены.
Выходит, я предшествовал вам? Дудки!
Так думают, но это — предрассудки.
Мы с вами — близнецы, хоть ни аза
Нельзя понять в забавном этом вздоре.
Запутался я сам...

Так или иначе, но в едином христианском боге — три составные части. Каждая существует сама по себе и в то же время — нераздельна с остальными. Непонятно? Ничего не поделаешь: на то и церковная арифметика, чтобы «превышать разумение» простого смертного.

Ее отдаленные истоки, правда, тоже дохристианские: божественную троицу придумали задолго до «отцов церкви» во многих странах. Трехликого бога почитали в древней Индии, ему поклонялись и вавилоняне, и египтяне, и многие иные народы Востока. Рисуя в комическом диалоге спор между ангелами о троице, тот же поэт XVIII века заметил устами одного из спорящих:

...Давным-давно на Инда берегах
Наводит Брама-Вишну-Шива страх.

А когда другой диспутант с удивлением вопрошает его:

Так троицу индусы тоже знали?

в ответ звучит реплика:

Свою и египтяне почитали:
Исида, Гор, Осирис — бог-отец.
Мы троицу увидим, наконец.
И в странах отдаленнейших...

Желая «посрамить» христианские воззрения, поэт-вольтерьянец, однако, допустил серьезную натяжку: хотя образ трехликого бога действительно возник в религиях самых различных народов еще до появления христианской троицы; он представлял собой все же скорее некую простую сумму трех богов, чем «троицу», как единое целое. Такое воззрение исторически предшествовало христианскому и несомненно было одним из ее источников, но чрезвычайно далеким.

«Три» издавна считалось священной цифрой: она соответствовала числу важнейших сил природы, которым поклонялись люди в разных странах и в разные времена: эти силы суть небо, земля, вода. У вавилонян, к примеру, владыки земли, неба и воды были главными среди прочих богов; точно также в мифах древних греков владыками вселенной рисовались боги неба, земли и подземного царства... Отсюда — распространенность трехликих богов, о чем, собственно, и говорится в приведенных выше стихах Парни.

Человеческие воззрения на жизнь богов складывались по земным образцам, меняясь в зависимости от того, как жили сами люди. Появилась единобрачная семья, и главные боги зажили так же, как люди — семьей, в которой были бог-отец, богиня-мать, бог-сын. Когда в древних государствах — деспотиях выработалось представление о едином всемогущем боге, который подобно царю правит миром, старая вера в существование нескольких и даже множества богов, изменившись, уцелела в новых религиях — с единым богом. Так обстояло дело и в христианстве. Его бог-отец, бог-сын и бог-святой дух представляли собой сильно переделанное, но, повторяем, очень древнее по своим истокам, воззрение относительно главной троицы богов.

И, однако же, было бы исторически неверным как-либо отождествлять дохристианских трехликих богов с христианской «троицей». На самом деле между ними имелись существенные, хотя и довольно тонкие, подчас едва уловимые для неискушенного в богословских хитросплетениях ума, различия.

Различия эти связаны были с тем, что образ христианской троицы не был автоматически перенесен в христианство из языческих религий — на пути своего становления он пережил ряд трансформаций, прошел ряд промежуточных ступеней, испытал в особенности сильное воздействие некоторых философских представлений античности.

В самом деле, три бога, даже если их соединить вместе и назвать богом-отцом, богом-сыном и богом-святым духом,—

это еще не «троица» в том значении, какое придает данному понятию христианское богословие. Чтобы превратиться в «троицу», им надлежало обрести единую сущность и вместе с тем остаться особыми «сущностями», то есть совместить в себе и единицу, и тройку. Создавая такой фантастический и противоречащий здравому смыслу образ христианского бога, его творцы, ученые-богословы, шли не столько от старинных языческих верований в трехликих богов, вроде названных ранее, сколько, как только что было замечено, от представлений языческой философии, а именно, от взглядов неоплатоников: так называли последователей знаменитого греческого философа-идеалиста Платона, теории которых сложились во II—IV вв. нашей эры.

У христиан учение о триединном боге вначале отсутствовало. О нем нет ни слова ни в Ветхом завете, ни в Новом завете. Это может показаться странным, тем не менее факты именно таковы: священные книги христианства молчат о троице! И недаром позднейшие богословы старательно выискивали там хоть какие-нибудь намеки на этот счет, придавая искусственный смысл тем или иным местам Писания. В действительности здесь нет ничего похожего на тройственного бога.

В Новом завете, то есть во II в. нашей эры, бог-отец, бог-сын и бог-святая дух мыслятся еще как самостоятельные, независимые сущности, они еще не слились в триединство, в троицу, да и само слово «троица» здесь не встречается. В глазах крупнейших богословов II—III вв.—Тертуллиана и Оригена — бог-сын — это еще какое-то младшее по отношению к богу-отцу божество. Даже «символ веры», который официально был утвержден в 325 г. тремястами епископами, съехавшимися со всех концов тогдашнего христианского мира в Никею, на Первый вселенский собор,— в этот документ (всего полстранички), излагавший основы христианского вероучения, был включен тезис о единосущности бога-отца и Христа,— даже «символ веры» не содержал слова «троица».

Учение о троице разработали в IV в. видный церковный деятель епископ Василий Кесарийский и другие богословы, подвизавшиеся в Каппадокии (восточная часть Малой Азии). Это были образованные для своего времени люди, основательно знакомые с античной философией, но решительно враждебные языческой культуре.

Они-то и позаимствовали у неоплатоников важнейшие элементы, из которых составили образ христианской троицы. Согласно учению неоплатонизма, божество существует в трех

ипостасях, или лицах. Первая ипостась — бог как источник бытия; вторая — бог-демиург, то есть творец, ум-миростроитель; третья ипостась — душа, начало, которое все оживляет и все освящает. Василий Кесарийский и его единомышленники переняли в учении неоплатонизма полюбившееся им словечко «ипостась» и приспособили его к никейскому «символу веры»: они выработали воззрение, в соответствии с которым три христианские божества единосущны, то есть составляют единую сущность, различаясь вместе с тем своими ипостасями — лицами.

Божественная сущность, учили эти каппадокийские богословы, присутствует и в отце, и в сыне, и в святом духе. Дать ей какое-либо определение, заявляли они, сказать, что это такое, невозможно, ибо бог, дескать, выше всяких определений. Можно определить лишь свойства отца или сына (нерожденность или рожденность, например), но свойства эти, отличающие их друг от друга, сами по себе не составляют сущности: они всего-навсего — ипостаси, совокупности персональных особенностей каждого из лиц троицы.

Иначе говоря, каппадокийцы, ловко избегая опасности впасть в троебожие, признали единую божественную сущность столь же реальной, как и ее отдельные ипостаси. Им важно было как можно более надежно обосновать никейский «символ веры». У него тогда имелось немало противников среди богословов, уличавших создателей «символа» в противоречиях: как может, говорили эти богословы, не согласные с никейским вероучением, быть единосущным отцу тот, кто по своей сущности сын?

Василий Кесарийский, обратившись к неоплатонической философии, нашел выход из противоречия, отыскал (вкупе со своими соратниками по затемнению разума верующих) способ сохранить в неприкосновенности и никейский «символ веры» (продиктованный в 325 г. императором Константином!), и — образ богочеловека Христа: для этого пришлось принести в жертву немного — логику. Зато отныне бог выступал одновременно и единым, и разделенным на три, причем его троичность представляла в такой же степени реальной, как и его единство. Противоречие единства и множественности было всеми этими богословскими ухищрениями снято, ликвидировано.

Таким образом, теория троиственности бога явилась как бы богословским, приправленным философией, компромиссом между единобожием, которое христианство заимствовало у иудейской религии, и остатками культов многобожья, распро-

страненными первоначально среди массы поклонников Иисуса Христа, не забывших еще свои прежние, языческие «кумиры».

Каково бы ни было, однако происхождение христианского триединого бога, бога с тройственной природой, какие бы промежуточные фазы ни прошло самое формирование образа христианского божества, по своему существу это — такое же дикарское, несмотря на все философские аксессуары, сопровождавшие его «сотворение», воззрение, как и многие другие богословские премудрости в христианстве. Принять их можно, только погасив разум. А этого-то всегда и добивались священнослужители. Недаром один из древних христианских богословов, принадлежащий к числу «отцов церкви», знаменитый Тертуллиан заявлял, что принципом истинного христианства должен быть девиз: «Верую, ибо бессмысленно». Поистине лучше не скажешь! Тот, кто хочет верить, должен оставаться слепым, а не требовать доказательств. На этом стоит всякая религия.

ТАЙНА СВЯЩЕННЫХ ПРЕДАНИИ

Дева Мария родила Иисуса и осталась девственницей. Это — невозможно! Но это было, говорят священнослужители.

Иисус был казнен и через три дня воскрес. Это — невероятно! Но это — факт, утверждают они.

Единица равна трем? Это — нелепо! Но для бога нет ничего невозможного, заявляют богословы.

В течение веков они нагромождали одну нелепость на другую, и, хотя каждая из таких нелепостей соответствовала уровню духовного развития своего времени, тем не менее, взятые вместе, в совокупности своей, все они объективно служили одной цели: помрачению сознания. В эксплуататорском обществе это необходимо для господствующих классов. Темного человека удобнее держать в повиновении. Он, не задумываясь, верит в самые невозможные вещи. И чем больше нелепостей вбито в его голову, тем труднее ему отрешиться от религиозного дурмана. Его нетрудно, например, убедить в том, что все несчастья, страдания, горести — неземного происхождения: все они идут от бога, карающего своих чад за грехи. Значит, чтобы избежать бед, надо неукоснительно слушаться священнослужителей, выражающих волю бога, выполнять церковные заповеди, жить праведной жизнью.

И по сей день богословы время от времени открывают все новые и новые «чудеса», якобы совершавшиеся всевышним. Делается это с единственной целью отвлечь трудящихся от борьбы за свои нужды, обратив их взоры к небесам.

Так, в 1950 г. римский папа Пий XII объявил о введении нового католического догмата: оказывается, дева Мария не только произвела на свет бога-спасителя, но и сама вознеслась на небо. В 1954 г. в честь богоматери был даже установлен особый католический праздник. Зачем? Пусть женщины — ведь они наиболее угнетены в эксплуататорском мире — молятся богоматери. Она заступница, она уж походатайствует перед своим сыном Христом о прощении грешников, детей земли. Не бороться, но молиться — вот настоящий смысл этой священной небылицы.

Иисус Христос терпеливо принял мученический венец, — так пусть же его пример служит образцом для подражания всем верующим. Своей смертью он освободил людей от греховности, обеспечил верующим в него спасение — к чему же еще самим заботиться об устранении зла на земле?

Таково истинное значение «тайн», скрывающихся за евангельскими и прочими «чудесами» христианства. Обо всех этих верованиях, как и о верованиях любой религии, можно сказать одно: они веками помогали и помогают донине господствующим классам капиталистических стран одурманивать трудовой люд. Право же, не далек был от истины средневековый римский папа Александр VI, высказавший однажды такое мнение о религии: «Любая религия хороша, но лучшая из них та, которая наиболее глупа». Во всяком случае, этот папа, на практике, впрочем, охотнее прибегавший к кинжалу и яду, чем к церковной проповеди, откровенно и цинично выразил корыстную заинтересованность сильных мира сего в оглушении народа при помощи религиозных нелепостей.

Однако, как мы отчасти уже убедились, сами-то такие нелепости, или фантазии — плод исторического развития общественного сознания. В своем изначальном виде они вовсе не создаются с целью умышленного обмана. Искусственные элементы привносятся в религию на каких-то более поздних стадиях ее существования. И христианство творилось у своих истоков разгоряченным воображением масс. Стихийное и поначалу туманное, неосознанное движение умов постепенно прокладывало себе более или менее четко очерченное русло: его направление не было случайным и произвольным, — оно определялось реальными обстоятельствами общественной и политической жизни своего времени. Вместе с тем, двигаясь

по этому руслу под их натиском и влиянием, фантазия масс впитывала в себя различные религиозные обычаи и представления предшествующих периодов истории, начиная с самых древних. Так возникли: обряд причащения — превращенное тотемное богоядение первобытных людей; легенда о непорочном зачатии — превращенный матриархальный миф первобытной поры; сказка о страдальческой смерти и воскресении христианского бога — сколок с древневосточных мифов земледельческих народов об умирающих и воскресающих богах... Все это, конечно, очень отдаленные истоки священных сказаний христианства.

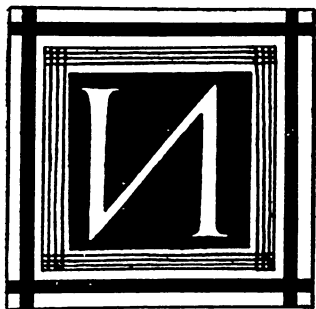
А знаем ли мы что-нибудь о его прямой предыстории?

ОЧЕРК ТРЕТИЙ
●
сыны света

История, о которой мы сейчас расскажем, случилась в Палестине более двух с половиной десятиков лет тому назад. Представьте себе выжженное солнцем плоскогорье к западу от Мертвого моря. Это Иудейская пустыня. Суровая, безрадостная земля! Летом, до октября месяца, здесь совсем не бывает дождей, жара же достигает чуть ли не 50 градусов. Когда-то, десятки тысяч лет назад, вся эта территория была покрыта водой. Но со временем вода высохла, оставив в наследство суше обильные отложения ядовитых солей. Они-то и обесплодили Иудейскую пустыню. Растет в ней лишь колючий кустарник.

Унылый однообразный пейзаж слегка оживляют немногочисленные оазисы да цепь скал, которая тянется западнее берега, в нескольких километрах от Мертвого моря. В скалах этих — сотни таинственных гротов, пещер. Зимние дожди там и сям разрушили породу, иные пещеры обвалились.... Обитают в гротах разве что крысы да летучие мыши, которые в поисках пристанища проникают сюда через щели.

Само море тоже безжизненно. Недаром оно называется Мертвым. Воды его настолько солонны, что не плавают в них рыба, не ползают по дну крабы, даже водоросли не растут.

Жили здесь тогда арабские кочевники-бедуины. Они пасли свой тощий скот — коз и овец, перегоняя их с пастбища на пастбище через пустынные районы, охотились на дичь и диких животных да нанимаются в проводники к путешественникам, туристам, искателям кладов, зачавшим с некоторых пор в этот мало привлекательный край, где, если верить евангелиям, Иисус Христос постился сорок дней.

Бедуины в массе своей не богаты. Мелкий скот — почти все их достояние. От него — и мясо, и молоко, и шерсть, и кожа. Каждая овца, каждая коза в стаде на счету. Однажды у пастуха Мухаммеда Дибла пропала коза. То ли она отстала

от стада, то ли заблудилась среди скал, то ли упала с кручи... Махнуть на пропажу рукой и продолжать путь, примирившись с потерей, было невозможно, и огорченный Мухаммед Диб отправился разыскивать заблудшее животное. Он взбирался на скалы, внимательно осматривал сверху окрестности, ничего не обнаружив, спускался вниз, обшаривал каждый куст... Тщетно! Козы нигде не было. Не провалилась же она сквозь землю? А почему бы и нет? Вот сколько здесь обвалившихся гротов! Внимание Мухаммеда Диб привлекла пещера. Она находилась возле остатков старинного поселения Кумран, ныне называемого Хирбет Кумран (по-арабски — развалины Кумрана), что в нескольких километрах южнее древнего города Иерихона и в 25 километрах к востоку от Иерусалима. Вход в эту пещеру был сверху. Вполне вероятно, подумал пастух, что неосторожная коза могла упасть в эту или такую же другую пещеру. Чтобы проверить свое предположение, Мухаммед начал кидать в пещеру камни. Но что это? Из глубины пещеры послышался странный звук, словно камень ударился о глиняный горшок и разбил его. Откуда в пещере взяться горшку? Обдирая кожу об острые камни узкой горловины, Мухаммед проник в пещеру. Сюда пробивался лишь слабый свет солнца. Но его было достаточно, чтобы разглядеть глиняные сосуды, стоявшие вдоль стены. Один, два, три, четыре... — целых десять горшков! Как они попали в пещеру и, главное, что в них? Коза погибла — ладно! Но, быть может, всемилостивый Аллах хочет вознаградить бедняка, похвалить его драгоценный клад?

Мухаммед стал один за другим разбивать горшки. В девяти, покрытых крышками, оказалось только зерно, почему-то красного цвета. Десятый, самый маленький по размеру, в отличие от прочих, был запечатан глиной. Последняя надежда... Удар палкой, горшок разлетелся вдребезги, но — увы! — там были всего-навсего кожаные свитки, обернутые в льняные просмоленные ткани. Когда пастух развернул одну из кож, оказалось, что она покрыта какими-то письменами... Что было делать бедному бедуину с явно старинной рухлядью? Хорошо хоть, что она кожаная! После некоторых колебаний — захватить ли находку или оставить на месте — Мухаммед Диб решил все же забрать свитки с собой: кожа наверняка пригодится, подумал он, ведь ремни пастушьих сандалий совсем уж истерлись.

Закутав свитки в шерстяной плащ, юноша отправился к двум своим товарищам-козопасам. Он рассказал им о случившемся, отрезал каждому по куску кожи на подвязки к сан-

далиям, а остальную часть свитков отнес к себе домой.

Мухаммеду даже и не приходило в голову, что его случайная находка вскоре взволнует весь ученый, да и не только ученый, мир.

СТАРИННЫЕ СВИТКИ И БИЗНЕС

Прошло два года монотонной пастушьей жизни. Напрасно Мухаммед Диб и его друзья-бедуины пробовали выручить хоть что-нибудь от своих кожаных свитков. Напрасно обращались они и в Вифлеем, и в Иерусалим, приносили кожи тамошним торговцам древностями. Все наотрез отказывались платить за них. Никто не хотел поверить, что свитки действительно старинные. Антикварам ведь нередко доводилось раскаиваться в приобретении предметов, которые выдавались за древние и которые, как потом оказывалось, были просто искусными подделками. Умудренные коммерческим опытом и былыми просчетами, торговцы не желали вновь попадаться впросак, да еще к каким-то полунищим бедуинам.

Нашелся, однако, человек, смекнувший, что к свиткам надобно приглядеться повнимательнее, что они, может быть, стоят куда дороже, чем просят за них их обладатели. То был настоятель православного сирийского монастыря св. Марка митрополит Афанасий. За полсотни фунтов он приобрел у бедуинов несколько кож и показал людям, знавшим толк в древних рукописях. Кое-кто из них поначалу тоже усомнился было в древности свитков. Как-то митрополиту пришлось даже услышать довольно резкие и обидные слова, притом из уст известного археолога: не к чему, мол, тратить время на эти свитки, ибо красная цена им — стертый грош! Но ученые, более углубленно изучившие свитки и более сведущие, пришли к другому выводу. Они прочитали текст одного из свитков: оказалось, то был отрывок из библейской книги пророка Исайи. Сличив затем древнееврейские письмена, начертанные на коже из кумранской пещеры, с такими же по языку и по форме ранее известными древнейшими надписями, сделанными на черепках и папирусе, эти специалисты установили, что кожаные свитки бедуинов имеют возраст около двух тысяч лет.

Библия в пещере Кумрана, начертанная на кожах две тысячи лет назад! Эта новость поразила даже знатоков из Иерусалимского университета. Ведь самая древняя из полных рукописей Библии, которой до тех пор располагала наука, была изготовлена всего лишь около тысячи лет назад!

Отец Афанасий между тем не терял времени даром. Подчиненные ему монахи получили задание: досконально обыскать пещеру, в которой побывал козопас Мухаммед Диб. Монахи ревностно взялись за работу. Их не остановила ни нестерпимая жара, ни нехватка воды. И было ради чего потрудиться: в пещере они нашли немало кусков от свитков с различными текстами на древнееврейском языке. Одним лишь отец Афанасий был огорчен: выяснилось, что в свое время бедуины продали ему только пять рукописей, а в кумранской пещере они нашли их целых семь! Остальные две попали к некоему вифлеемскому торговцу, который с выгодой сбывал коллекционерам предметы старины. И на этот раз торговец не прогадал: свитки приобрел у него профессор Иерусалимского университета Элезар Сукеник, большой специалист по палестинским древностям.

Пока Сукеник читал свои свитки, отец Афанасий, у которого на уме были далеко шедшие планы, обратился к нему за консультацией. Он хотел убедиться, может ли его приобретение принести барыш. Эта цель была достигнута: настоятель монастыря св. Марка окончательно уверился, что в его руках поистине ценные памятники старины — книга пророка Исайи и некоторые другие произведения. Профессор же, давший консультацию, сокрушался от досады при мысли, что замечательная находка оказалась разрозненной, причем у него самого — лишь меньшая часть рукописей. Но что было делать? Пока, во всяком случае, довольствоваться малым. И Сукеник довольствовался: он кропотливо расшифровывал свои свитки. В скором времени — осенью 1948 года — в научных изданиях стали появляться первые отрывки из рукописей.

Ну, а отец Афанасий? Он тоже развернул активную деятельность, правда, совсем не научного характера. Настоятель обители св. Марка делал бизнес. Он вступил в коммерческую сделку с американцами из школы восточных исследований в Иерусалиме. Пусть они сфотографируют рукописи на свитках, пусть напечатают их, но при условии, что половина выручки пойдет ему, отцу-настоятелю.

Этого святому старцу показалось мало. Через несколько месяцев (дело происходило все в том же 1948 году) он собственной персоной отправился в заокеанский вояж, упаковав в чемодан и кожаные свитки. Это была контрабанда. Митрополит знал, что нарушает закон, по которому все древние памятники, найденные в стране, составляют ее собственность.

В Нью-Йорке (вот куда занесло находку Мухаммеда Ди-

ба!) настоятель св. Марка запросил за свитки миллион долларов! Почему так дорого? Потому, что, как уверял митрополит, его свитком пророка Исайи якобы пользовался сам Иисус Христос!

Но надеждам сребролюбивого отца Афанасия не суждено было оправдаться. Пока он совершал свое торговое путешествие и искал достаточно щедрого покупателя, часть кумранских свитков уже успела увидеть свет: со старинной кожи древние письма постепенно перекочевывали с помощью обычного печатного станка на обычную бумагу. Появились в печати и первые посвященные свиткам статьи ученых. Все это несколько охладило интерес американских бизнесменов к древнему сокровищу из Палестины; оно потеряло в их глазах прелесть новизны. Митрополит Афанасий сумел получить в Соединенных Штатах лишь четверть того, на что рассчитывал. Достались же его свитки, к счастью, не бизнесменам, а ученым из Иерусалимского университета. Их купил сын умершего к тому времени профессора Сукеника — Йигаэль Ядин. Ему пришлось пустить в ход немало находчивости, чтобы в конце концов рукописи Иудейской пустыни совершили обратное путешествие в Палестину и попали в университетскую библиотеку.

ИСКАТЕЛИ РУКОПИСЕЙ

Все эти события совершились лишь четверть века назад. Сведения о находках в Кумране тогда же просочились в печать. О них заговорило радио. С 1949 года в Иудейской пустыне зазвенели лопаты — сюда из разных стран начали прибывать археологи. Тут были англичане и американцы, французы и бельгийцы. Они не без основания полагали, что кумранские свитки, в течение многих веков остававшиеся укрытыми от людского взора, — не единственное сокровище, которое таится в глубине пещер.

Ученым припомнились сообщения одного из «отцов церкви» Оригена Александрийского о каких-то рукописях на греческом и еврейском языках, которые он некогда обнаружил на берегах Мертвого моря. Припомнились и другие, более поздние данные о рукописях с библейскими текстами, случайно найденных в скале близ Иерихона в конце VIII века. В памяти историков всплыли также скудные, обрывочные рассказы средневековых писателей о некоей «пещерной секте», обитавшей в древности в Иудейской пустыне.

Все эти полузабытые факты теперь словно засветились но-

вым светом: спустя более тысячи лет они заставили обратить на себя внимание археологов.

В состязание с археологами, ринувшимися к берегам Мертвого моря, вступили местные бедуины: ведь к концу 1952 года за каждый квадратный сантиметр рукописи платили целый фунт стерлингов, причем цена продолжала подниматься! Было ради чего покинуть на время своих коз и овец, оставить их на попечение женщин, а самим уйти копать в толстых слоях мышиного помета, наполнявшего пещеры, и ворошить груды валявшихся там обломков! Бедуины основательно наловчились в поисках и даже кое в чем превосходили профессионалов археологов. Именно пастухи открыли один из важнейших рукописных кладов, первыми проникнув в грот, где находилось, как потом поняли, целое хранилище древних рукописей — несколько тысяч отрывков, составлявших в своей совокупности сотни произведений. Многие из них никогда до тех пор не были известны науке.

Наряду с учеными, в Палестину хлынули и всяческие охотники до легкой наживы. Их особенно окрылила весть о том, что в одном из медных свитков (в пещерах были и такие!) имеются указания на сказочные сокровища, будто бы спрятанные в незапамятные времена в скалах, — чуть ли не на двести тонн золота и серебра! Эти авантюристы, обуреваемые одной только жадностью, той же, которая томила и отца Афанасия, — разбогатеть, нанесли немалый ущерб некоторым пещерам, беспорядочно и грубо обшаривая их в поисках драгоценного металла.

И все же усилия искателей древних рукописей — и профессиональных ученых, и самодеятельных первооткрывателей из бедуинов — увенчались успехом. В одиннадцати пещерах — близ Хирбет Кумрана и в некоторых других местах неподалеку отсюда — были обнаружены многие тысячи кусков кожи, папирусов, пергамена, глиняных черепков и даже бумаги с начертанными на них отрывками еврейских, греческих и других рукописей на восьми языках.

Найдены были не только рукописи. Берега Мертвого моря оказались настоящей археологической кладовой! В хирбеткумранских развалинах, в полукилометре от пещер, нашли древние монеты, разнообразные орудия труда, предметы быта. В руки ученых попали... Да чего тут только не было: деревянные гребни и пуговицы, чашки из камня и чашки из дерева, обрывки тканей, пропитанные смолой, клочья белья, веревок, глиняные светильники, железные ключи и серпы, ножи и ножицы, гипсовые скамьи и даже бронзовые чернильницы с вы-

сохшими в них остатками чернил. Всего не перечислить!

Но главной находкой все же явились рукописи. Извлечь их стоило больших трудов. Иногда целые пещеры приходилось очищать от тысячелетних завалов. И пусть многие рукописи были попорчены временем и изуродованы крысами, а от некоторых вообще уцелели жалкие клочки и обрывки,— все найденное представляло исключительный интерес.

СВИТКОМАНИЯ

Едва только успели прочитать самую небольшую часть рукописей, как некоторые видные ученые Соединенных Штатов и Западной Европы провозгласили открытия в Иудейской пустыне эпохальными. Один французский историк высказал даже убеждение, что открытия эти произведут подлинную революцию, более того — каскад революций в истории религии. Эти оценки возбудили еще больший интерес к кумранским находкам в ученых кругах. Тотчас были основаны специальные журналы, чтобы печатать в них документы из Кумрана и исследования о них. В уже существовавших научных изданиях стали публиковаться десятки и сотни трудов, посвященных рукописям с берегов Мертвого моря. Полкам библиотек стало тесно от книг об этих рукописях. Начали даже созываться международные конгрессы кумрановедов (появилась и такая научная специальность). Сотни ученых-историков, филологов, нумизматов (знатоков старинных монет), археологов, палеографов (специалистов по рукописям) включились в работу над свитками.

Чтобы поощрить изучение рукописей из богатейшей пещерной «библиотеки», той самой, на которую наткнулись бедуины, правительство Иордании разрешило различным научным учреждениям вывезти из страны принадлежащие им документы и выставить их в музеях (конечно, уже после того, как все памятники будут прочитаны и изданы). Была организована особая комиссия в составе семи специалистов из США, Франции, Англии, ФРГ и других государств, которая занялась расшифровкой и печатанием материалов этой «библиотеки».

Интерес ученых к кумранским манускриптам передался и множеству людей, далеких от науки. Открытия в Иудейской пустыне явились сенсацией: они приковали к себе внимание всей мировой общественности. Газеты и журналы сообщали о свитках с берегов Мертвого моря в тысячах заметок и статей. Радио посвящало им серии передач. Телевидение демонстрировало фильмы о кумранских находках. Повсюду, словно

эпидемия, распространилась «болезнь», для которой остро slovy придумали даже особое наименование «свиткомания».

Кумранскими находками заинтересовалась также христианская церковь. Правда, это был интерес особого рода. Он был продиктован не жаждой новых открытий, а скорее страхом перед ними. Ватикан объявил, что изучать кумранские свитки опасно для дела веры. Немного позднее католические патеры поняли, что допустили тактическую ошибку, и постарались исправить неловкое положение, в которое поставили себя этим заявлением. Делу был дан обратный ход: церкви, мол, нечего страшиться кумранских рукописей, напротив, она испытывает глубокую радость по поводу того, что предстоит полная публикация всех текстов. Ватиканская библиотека даже приобрела 53 рукописных отрывка. Вслед за тем ученые отцы объявили, что древнееврейские рукописи, найденные в Иудейской пустыне, ничего, дескать, не меняют в прежних традиционных представлениях церкви об истоках христианства и о его божественном основателе, то есть об Иисусе Христе. В таком же духе высказались и иные православные богословы, вроде епископа Михаила Смоленского. А баптистский журнал «Братский вестник», хотя и откликнулся в 1960 году на кумранские открытия, но дабы не вводить «братьев» и «сестер» во Христе во искушение, обошел в этом отклике все острые вопросы, выдвинутые открытием кумранских свитков, все то, что повсюду привлекло к ним интерес и верующих, и атеистов.

Это — испытанные приемы церковнослужителей: когда они не в силах воспрепятствовать научным исследованиям, то стараются или использовать их результаты в интересах религии и церкви, или же как-нибудь умалить их значение. Но уже одно то, что и католические, и православные, и протестантские богословы забеспокоились, узнав о кумранских находках, говорит само за себя.

Какие же тайны заключали эти находки? По каким причинам церковь сперва испугалась, а затем возрадовалась им?

ПУТЬ К ПЕЩЕРНОЙ СЕКТЕ

За четверть века ученые разобрались в огромном рукописном материале, собранном на берегах Мертвого моря. Правда, далеко не все отрывки еще опубликованы, а некоторые просто не удалось пока и прочитать. Потребовалось немало трудов, чтобы рукописи стали доступными для ученых. Приходилось сперва восстанавливать тексты, складывая и подбирая друг к другу мелкие и мельчайшие кусочки кожи,

подгонять их «на глазок», соразмеряясь с формой краев. К тому же свитки нуждались в реставрации. Одни рассыпались, как только их брали в руки, другие были сильно покороблены, загрязнены и сморщены, черны от сырости, листы третьих слиплись так плотно, что их невозможно было развернуть. Понадобились время и терпение, чтобы разгладить и осторожно расчистить манускрипты, не повредив текст, восстановить и сохранить те, которые пришли в ветхость, словом, подготовить их для изучения. Только после этого можно было приступить к главному: к прочтению древних писем, к уяснению их смысла, связи различных отрывков. Эта задача в значительной степени решена: сейчас имеется изрядное число текстов, которые расшифрованы, прочитаны, изданы и переведены.

Мы знаем теперь, кто писал и переписывал свитки, кому принадлежали кожи, поразившие Мухаммеда Дибя, и часть других, открытых по его следам.

То были еврейские сектанты, жившие некогда на берегах Мертвого моря. Ученые знали о них кое-что и раньше по произведениям греческих и римских писателей, которые называли этих сектантов соответственно ессеями, или эссенами. Судя по всему, Кумран являлся центром общины эсенов.

Раскрыто и содержание их рукописей. Это — отрывки из Ветхого завета, священной книги эсенов, богословские трактаты или куски из них, а также всякого рода деловые документы, принадлежавшие сектантам (документы эти были найдены в пещерах, расположенных в нескольких километрах к югу от Хирбет Кумрана). Среди различных литературных произведений, записанных на коже и иных писчих материалах того времени, особенно интересны именно памятники, созданные самими эссенами: пояснения (комментарии) к библейским книгам; устав, в котором описывается организация общины эсенов, излагаются их религиозные взгляды и рисуются религиозные обряды; тексты молитв и песнопений.

Ученые сумели выяснить также, когда и по какой причине попрятали эссены все эти рукописи в глиняные горшки и укрыли их в пещерах. Но об этом — далее.

«УСТАВШИЕ ОТ ЖИЗНИ И ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ»

Кумранские рукописи и вещественные памятники намного расширили и во многом уточнили наши знания об эссенах. Некоторыми сведениями о них наука, как уже было сказано, давно располагала. Об эссенах упоминают в своих сочинениях разные древние авторы. Философ Филон из Александрии,

живший в конце I века до нашей эры — первой половине I века нашей эры, рассказывает, что в Палестине якобы проживает четыре тысячи эссенов. Они не имеют рабов и сами усердно работают на полях и в мастерских. У них устраиваются совместные трапезы, они пользуются общей одеждой и сообща изучают свои священные книги. Видный иудейский историк Иосиф Флавий (он умер на полвека позже Филона) тоже говорит об общности имущества у эссенов и о том, что они не ведают рабства.

В его сочинениях содержатся и разрозненные указания о том, каково было внутреннее устройство сектантских общин. Эссены делились будто бы на четыре категории — в зависимости от возраста; их общинами руководили особые должностные лица; судебные дела разбирались на собраниях, где участвовало не менее сотни человек.

Прославленный римский ученый и писатель Плиний Старший отмечает, что эссены отвергают плотскую любовь, не знают денег и живут среди пальм, то есть в сельской местности. Они избегают городов «из-за испорченности их обитателей». Он утверждает также, что секта эссенов существует уже много веков, не убывая в количестве: каждый день, говорит Плиний, к ним приходят новые люди, желающие вступить в общину. «Усталость от жизни и превратности судьбы» — вот что, по его словам, влечет их к эссенам.

В кумранских свитках ученые нашли подтверждение известиям древних авторов об эссенах. Вместе с тем здесь удалось почерпнуть множество новых сведений об этой секте, массу такого, чего ранее совершенно не знали. Благодаря кумранским рукописям нам хорошо известно теперь прежде всего, что эссены действительно жили трудом рук своих. Они занимались хлебопашеством, возделывали огороды и виноградники, разводили домашний скот и птицу, собирали мед диких пчел, ловили рыбу (в те времена природа этих мест была более щедрой, нежели сейчас). Были среди них и искусные мастера — гончары, кузнецы, солевары, пекари, переписчики. Эссены работали коллективно, считая зазорным безделье.

Из некоторых рукописей явствует и то, что отдельные группы эссенов владели общим имуществом. Всякий, кто вступал в их общину, передавал в ее полное распоряжение, как говорится в уставе, свои «знания, труд и имущество». При этом имущество новичка «смешивалось» с общинным не сразу, а только по прошествии двух лет. В эти два года он проходил испытательный срок. Вначале же новичок жил только на свои доходы, то есть сохранял свое имущество. Часть

его оставалась за ним и на второй год «послушничества», и лишь к третьему году все его достояние переходило в общее пользование, а сам он допускался к общему столу.

О совместных трапезах сектантов упоминает также их устав. О них свидетельствуют и вещественные памятники: в Хирбет Кумране археологи нашли такие помещения, как общая кухня, пекарня, кладовые, посудная, зернохранилища.

Из рукописей ученые узнали и много других интересных подробностей о жизни эссенов. Их община делилась на тысячи, сотни, полусотни и десятки. Всеми ее делами ведали священники — жрецы, надзиратели, судьи и другие должностные лица. Судьей не мог быть человек моложе 25 и старше 60 лет; предельный возраст надзирателей устанавливался тоже в 50—60 лет. Кроме того, имелся совет общины, состоявший из трех жрецов и 12 мирян, а также судебная коллегия.

В кумранской общине существовали строгие правила подчинения младших старшим — по возрасту и по положению. Среди сектантов царила суровая дисциплина. Устав предусматривал различные наказания за всевозможные, даже самые малые, провинности. Если кто перебивал речь товарища, его отлучали от общины на 10 дней; если член общины по своему усмотрению покидал собрание, то он также подвергался 10-дневному отлучению; а попробуй кто-нибудь плюнуть на пол в помещении, куда сошлись единоверцы, срок отлучения достигал уже 30 дней. Непочтительное обращение со жрецом влекло за собой отлучение на год... Таких правил в уставе записано немало: наказывали за гнев и раздражительность, за брань, за несправедливую жалобу, за произнесение проклятия. Тот, кто пытался подорвать авторитет общины или ее должностных лиц, изгонялся вон.

Обо всем этом можно было бы и не рассказывать так подробно, если бы не некоторые особо примечательные обстоятельства, связанные с историей эссенов. Одно из них заключалось в том, что кумранская община, как видно из рукописей, называлась «Новый завет» или «Новый союз». Это может показаться странным, — и в самом деле, тут есть от чего удивляться! Какая-то заброшенная иудейская секта называлась так же, как христиане именовали позднее и по сей день именуют свои священные книги — евангелия и другие призывающие к ним!

Что было общего у эссенов с христианами, у сравнительно небольшой палестинской секты, канувшей в историю, и мировой религии, уже в отдаленные времена подчинившей своему влиянию миллионы людей в разных странах?

Здесь мы вынуждены ненадолго прервать нить нашего повествования и объяснить, каким образом возникла секта эссенов. Тогда станет понятным, почему, собственно, она называлась «Новым заветом». Иудея в те отдаленные времена находилась под властью Римского государства. Она была одной из римских «провинций», по-нашему — колоний. Завоеватели — римляне жестоко угнетали ее трудовое население.

Тяжело жилось под властью Римской державы простым людям Иудеи — рабам и свободным, землепашцам, пастухам и ремесленникам. Но им приходилось терпеть не только от римлян. Свои, иудейские цари, ставленники Рима, свои богачи и жрецы также высасывали пот и кровь из единоплеменников.

Сколько раз народ пытался разогнуть спину и скинуть двойное ярмо! Но силы всегда оказывались слишком неравными. Рим беспощадно подавлял мятежи. Их участников подвергали мучительным пыткам, а затем казнили, распиная на столбах, врытых в землю. И после этого все снова оставалось по-прежнему.

При таких обстоятельствах многими в Иудее стало овладевать отчаяние. Охваченные безнадежностью, люди искали выхода для своего недовольства. Самым простым было уйти, бежать с насиженных мест. И действительно, рабы и бедняки нередко уходили прочь из городов и деревень. Куда? В глухие, заброшенные, пустынные районы страны. Они селились здесь и старались никогда не возвращаться даже и в мыслях к ненавистному, покинутому ими миру. Они стремились всячески отгородиться от этого мира, причинившего им столько бед. Отчаявшиеся, «утомленные жизнью», они уже не надеялись на избавление от земных невзгод собственными силами. Люди религиозные, они целиком уповали теперь на помощь свыше, на небесное спасение.

И чтобы заслужить его, пришельцы, поселившиеся в пустыне, устраивали свою жизнь в новых местах совсем на иной основе, чем та, к которой они были привычны прежде. Эти люди не только жили иначе, но невольнo по-другому и думали о земных делах, обо всем, что совершается в здешней жизни. У них возникли и другие верования. Они обособливались таким образом от несправедливого мира всеми своими мыслями, и телесно, и духовно, порывали если не целиком, то частично с прежними религиозными верованиями и представлениями. Они как бы отпадали, откалывались от офици-

альной иудейской религии, то есть становились по отношению к ней сектантами.

Вот такой отгородившейся, обособившейся от внешнего мира иудейской сектой были эссены, избравшие для своего поселения пустынные области на северо-западном побережье Мертвого моря. Эссенов называли впоследствии «пещерной сектой» не столько потому, что они сами, видимо, жили в пещерах или в шатрах вблизи них, сколько по местам находок их рукописей, которые обнаруживали именно в гротах скал Иудейской пустыни. Сами же себя они именовали «Новым заветом» или «Новым союзом».

Именуя себя таким образом, кумраниты хотели подчеркнуть свое глубокое отличие от правоверного иудаизма, от той религии иерусалимских жрецов, которая освящала отвергнутые кумранскими сектантами несправедливые общественные порядки. Ведь в основе официальных иудейских верований лежала идея, по которой некогда между богом и «избранным им» народом Израиля был заключен «договор», изложенный в Ветхом завете. Кумраниты, отвернувшись, отпавшие от иудаизма, отказывались признавать многие положения, или условия этого «договора» в том виде, как их объясняли иерусалимские жрецы. Обособившись, отвергнув устройство того мира, в котором жили раньше, эссены тем самым как бы подчиняли свою жизнь некоему новому «договору», новому порядку вещей. Поэтому-то самих себя они и стали называть людьми «Нового завета».

Но почему все-таки это название совпало с христианским Новым заветом? Или, может быть, такое совпадение — случайность?

Чтобы разобраться в этих вопросах, нам придется остановиться на верованиях и обрядах эссенов.

«ПУСТЬ БОДРСТВУЮТ ТРЕТЬ НОЧЕЙ ГОДА»

Эссены были иудейской религиозной сектой. Ветхий завет, несмотря на отрицание ряда положений «договора», почитался ими как священная, данная богом книга. Именно поэтому в кумранских рукописях содержится большое число отрывков из Ветхого завета. Иные даже переписаны во многих экземплярах. По той же причине важное место среди рукописей занимают и комментарии к Ветхому завету — к книгам Бытия и Псалмов, к книгам пророков — Исаяи, Наума, Михея, Аввакума и других.

Кумранские богословы считали, однако, нужным составлять особые пояснения к Ветхому завету потому, что эссены толковали его во многом по-своему, не так, как иудейские жрецы, славившие бога Яхве в храме Иерусалима. Будучи иудейской сектой, исповедуя, как и прочие иудеи, единобожие, придерживаясь «закона Моисея», эссены ведь осуждали и отвергали общественные порядки, царившие в римской Иудее. Чтобы выразить свое отрицательное отношение к этим порядкам, они отказывались участвовать в официальном храмовом богослужении в Иерусалиме, изобрели свой собственный календарь, не похожий на тот, который был принят в стране, отмечали свои религиозные праздники, не совпадавшие с праздниками правоверных единоплеменников. У них сложилась целая система воззрений, обрядов, молитв, отличных от тех, которых придерживались правоверные. Даже покойников сектанты хоронили по-своему.

Каждый сектант должен был твердо знать и неукоснительно исполнять религиозные установления общины. Делами веры эссены занимались по ночам. Днем у них на это не было времени: они же с раннего утра до самого захода солнца трудились на полях, в виноградниках, ухаживали за скотом, работали в мастерских... В уставе прямо предписывалось: «пусть... бодрствуют треть ночей года»!

В ночные часы эссены собирались вместе, усердно читали и перечитывали Ветхий завет, старались докопаться до его «божественной» сути, подолгу разбирали трудные и неясные места. В эти часы ночных бдений читались молитвы, изучались произведения, написанные самими сектантами. Здесь же, на молитвенных собраниях, приобщали новичков к религиозным воззрениям общины, знакомили с эссенскими обычаями.

Главные черты воззрений эсенов определялись тем, что они всячески подчеркивали свою обособленность от мира, который находился за пределами их общины. Люди, не входившие в нее, в глазах сектантов были нечестивцами, отщепенцами, «сынами погибели». Себя же эссены считали «сынами благодати».

Основное отступление эсенов от взглядов официального иудаизма заключалось в следующем. По религиозным верованиям этих сектантов, мир с самого начала был разделен на два царства: царство света и справедливости, с одной стороны, и с другой — царство тьмы и нечестия. Царством света правит архангел Михаил, царством зла — князь тьмы Велиал. Из людей к царству света принадлежат только сами эссены — «сыны света». Все же прочие люди — «сыны тьмы».

Между этими двумя царствами идет извечная борьба (одно из произведений сектантов, начертанное на кожаном свитке, даже называется «Война сынов света против сынов тьмы»). Сектанты верили, что борьба эта неминуемо завершится победой «сынов света», а царство зла навсегда погибнет. Пока же «сыны света» должны во имя торжества добра, грядущего по воле божьей, полностью отделиться от людей зла, от свойственного им стяжательства, нечестия, лжи, гордости, обмана, жестокости, нетерпеливости, разврата, бранной речи — словом, от всяческой «кривды».

Религиозные взгляды, подобные кумранским, когда весь мир разделяется на два начала, противостоящие друг другу в качестве доброго и злого, в науке называют дуалистическими (от латинского «дуо» — два). Кумранский дуализм служил выражением того, что сектанты осуждали несправедливые земные порядки. Но, как и любая религиозная секта, эссены не призывали покончить силою с ненавистным им земным нечестием. Они довольствовались пассивным осуждением его, то есть просто отворачивались от мира «сынов тьмы». Ведь эссены — это были люди, «утомленные жизнью», отчаявшиеся, надеявшиеся на избавление с помощью сверхъестественного, небесного вмешательства. Устав общины гласил, что следует «отвечать кротостью высокомерным и сокрушенным духом людям насилия, своевольникам и стяжателям», что «надлежит отдалиться от нечестивых и ждать нашествия на них суда божьего». Царство света восторжествует, по верованиям эсенов, не в результате активной борьбы с миром нечестия, а лишь в итоге божественного заступничества за «сынов благодати», избранных всевышним. Бог вмешается на их стороне «в конце дней» — в то время, которое сам он в своей высшей мудрости сочтет наиболее подходящим для вмешательства в земные дела.

Но чтобы подготовить эту победу царства света и самим подготовиться ко «дню гнева», надобно блюсти чистую, достойную жизнь. И самое главное — надо отделиться от «поселения людей кривды», «уйти в пустыню и приготовить там путь богу», как сказано в кумранском уставе. Каким же образом это возможно сделать?

«НИКОМУ НЕ ВОЗДАМ ЗЛОМ»

Мы уже обратили внимание на то, что свою общину эссены называли «Новым заветом», то есть как бы по-христиански. Если мы еще ближе приглядимся к воззрениям, а затем к об-

рядом эссенов, то окажется, что в них тоже имелось немало сходного с верованиями и обрядами христиан. Правда, дуализм — основа всех воззрений эссенов — отличает их от христианских. Да и не только это, а и кое-что другое, о чем речь еще впереди. Но зато...

В евангелиях прославляется всяческая бедность и нищета — материальная, а равно и духовная. Человеку, который соблюдал все заповеди, но не знал, как поступить, чтобы удостоиться вечной жизни, Иисус посоветовал: «Пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим: и будешь иметь сокровище на небесах» (Матф., гл. 19, ст. 21). По другому евангелию, Иисус якобы возглашал: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь» (Лука, гл. 6, ст. 21). А в первом послании апостола Павла коринфянам говорится: «Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значущее избрал бог, чтобы упразднить значущее» (Коринф., гл. 1, ст. 26—28).

«Малые сии», «младенцы» противостоят в евангелиях «мудрым и разумным». Такое противопоставление мы находим и в евангелии от Матфея (гл. 11, ст. 25) и в евангелии от Луки (гл. 10, ст. 21), причем в первом из них, где приводится так называемая нагорная проповедь Христа, читаем: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное» (гл. 5, ст. 3).

Знакомясь с кумранскими текстами, ученые обратили внимание на то, что и в них проповедуются примерно такие же идеи. Часто члены секты здесь прямо именуются «нищими», «бедняками», «простецами», «малыми», — ну точно, как в евангелиях. В одном из текстов даже употреблено выражение «нищие духом»!

В евангелиях решительно обличается и осуждается богатство. Мы только что упоминали о том, что, судя по евангелию от Матфея, Христос требовал от тех, кто хотел следовать за ним, прежде всего отказа от собственности («Не собирайте себе сокровищ на земле»... — Матф., гл. 6, ст. 19). Но примечательно, как евангелист формулировал это требование: «Не можете служить богу и мамоне», — говорит Иисус (Матф., гл. 6, ст. 24), подразумевая под «мамоной» деньги, или богатство вообще. Это — армейское слово. Его нет в Ветхом завете, зато оно встречается в кумранских рукописях.

«Послушайте, вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях

ваших, находящихся на вас»,— сказано в одном из ранних апостольских посланий (Иаков, гл. 5, ст. 1). «Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение,— обращается к богачам евангелие от Луки.— Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете» (Лука, гл. 6, ст. 24—25). А в евангелии от Матфея провозглашается: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство божие» (Матф., гл. 19, ст. 24).

В кумранских памятниках сплошь и рядом встречаются точно такие оценки богатства. Стяжательство, по воззрениям кумранских сектантов,— первый признак того, что человек, склонный к нему, принадлежит «миру кривды»: «Награбленного имущества не желает моя душа»,— гласит устав общины. Лишь бедные унаследуют землю и наслаются миром в конце времен,— утверждает кумранский комментатор Ветхого завета. Здесь, как и в евангелиях, отчетливо проступает, стало быть, «философия нищеты»: оправдывается бедность, предается проклятию богатство.

Это и понятно. Свое обособление от мира зла эссены выражали не только в уходе в пустыню. Всей своей жизнью они отвергали то, что почиталось «сынами погибели». Богатство для сектантов было равнозначно нечестию. Лишь бедность дает возможность избранным «сынам благодати» отделиться от «царства кривды». Только тот, кто отказывается от богатства, кто живет в бедности, трудом своих рук, может рассчитывать на спасение в те дни, когда грянет победа царства света над царством тьмы! Как тут не вспомнить гордых слов автора Второго послания Павла фессалоникийцам: «Мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день». «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»,— завещал он своим читателям (Фессал., гл. 3, ст. 10).

В этих пунктах взгляды эсенов сходились с христианами.

Мало того, в евангельской проповеди звучат те самые слова и выражения, которые применяли иудейские сектанты: «нищие духом» и прочие. Такого рода совпадения и мыслей, и понятий, которыми они высказаны как в христианских священных книгах, так и в кумранских рукописях, довольно часты и касаются они не только вопросов бедности и богатства.

«Теперь — ваше время и власть тьмы»,— заявляет Иисус своим гонителям (Лука, гл. 22, ст. 53). Документы кумранитов точно также называют тех, кто не принадлежит к их общине, «людьми тьмы», людьми, живущими «под властью»

тьмы». В то же время христиане в евангельских текстах именуют себя «сынами света» (Лука, гл. 16, ст. 8; Иоанн, гл. 12, ст. 36), то есть так, как и кумраниты, причем, подобно последним, они противопоставляют себя в этом смысле «сынам тьмы»: «Ибо все вы сыны света и сыны дня: мы не сыны (ни) ночи, ни тьмы»,— пишет автор первого послания к фессалоникийцам (Фессал, гл. 5, ст. 5). А послание к римлянам призывает: «Отвергнем дела тьмы, облечемся в оружие света» (Римл., гл. 13, ст. 12).

Кумранские сектанты верили, что дела сынов света и сынов мрака предопределены богом от века: «И прежде чем ты создал их, ты знал их деяния на веки веков, и ничто не будет сделано и известно без твоей воли»,— гласит благодарственная молитва эссенов. Христианский Новый завет тоже исходит из того, что все было предопределено богом,— даже сама смерть Иисуса Христа: «Сын человеческий идет по предназначению» (Лука, гл. 22, ст. 22).

И эссены, и христиане считали себя божьими избранниками. И те, и другие держались «теории» пассивного выжидания конца времен. И те, и другие были сторонниками непротивления злу. «А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»,— читаем в евангелии от Матфея (гл. 5, ст. 39). И в кумранском уставе, который, правда, предписывал «ненавидеть всех сынов тьмы», говорится: «Я никому не воздам злом, а добром преследую мужа, ибо богу принадлежит суд над всем живым, и ему принадлежит воздаяние».

Таких близких, сходных не только по смыслу, но и по тексту мест в кумранских рукописях и в Новом завете выявлены сотни! Христианские священные книги, записанные со слов самого сына девы Марии его учениками (так учит церковь), оказывается, имеют какого-то двойника!

И ПРЕЛОМЛЯЛИ ХЛЕБ...

Однако сходство между эссенами и христианами не ограничивается областью их религиозных воззрений и вытекающей из них морали. Во многом сходны были и порядки, господствовавшие в общинах эссенов и у ранних христиан.

И там, и здесь практиковались совместные трапезы. И у тех, и у других в некоторых случаях существовала общность имущества: «Все же верующие были вместе и имели все

общее: и продавали имения, и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого», — читаем в «Деяниях апостолов» (гл. 2, ст. 44—45) об этих коллективистских порядках в отдельных общинах первых христиан. Таковую же картину, как мы видели, рисует и кумранский устав. В нем предусматривается суровое наказание новичку, который, вступая в общину, утаит что-либо из своего имущества: такого человека «следует отделить» от прочих на один год и к тому же он «будет наказан на четверть пищи» (а в одном из свитков, где содержится какой-то вариант устава, сказано даже — «на половину пищи»!).

Нечто похоже, надо полагать, было и среди ранних христиан. Об этом говорит, например, евангельская притча, рассказываемая в «Деяниях апостолов» (гл. 5, ст. 1—10). Некто по имени Анания и его жена Сафира продали землю, но утаили от своих братьев по общине — христиан — часть вырученных денег. В этом их уличил апостол Петр. И что же? Едва только он указал на них перстом, как оба пали бездыханными: господь лишил их жизни в наказание за утайку имущества. Он поступил, как видим, даже более сурово, чем действовали бы в подобном случае кумранские сектанты. Но нам интересна не эта деталь, а тот факт, что и христианские памятники, и кумранские документы свидетельствуют об определенных тенденциях к совместному владению имуществом, проявлявшихся как у христиан, так и у эссенов.

Сходство простиралось также и на многие религиозные обряды кумранских отшельников и последователей Христа.

При раскопках развалин Кумрана помимо кухонь, кладовой, трапезной, писчих мастерских (скрипториев) и других подсобных помещений были обнаружены бассейны и цистерны, а также остатки водопроводных сооружений, с помощью которых наполнялись эти водохранилища. Вода собиралась в цистерны не только для того, чтобы пить ее, утоляя жажду, а бассейны служили отнюдь не для обучения плаванию новичков. Эссены совершали здесь один из своих важнейших обрядов — обряд омовения водой. Это было нечто вроде христианского крещения.

Вероятно, немногие из читателей этой книги знают, что столь привычное верующим слово «крещение» есть просто русский перевод греческого глагола «баптидзо», что означает всего-навсего «погружать» например, в воду, а также «лить», «наполнять», «поливать» (в этом значении, впрочем, слово «баптидзо» употребляется редко). Уже в седой древности люди думали, что вода обладает магической, очистительной си-

лой против всего «злого», то есть вредоносного. Эти первобытные представления о магической силе воды в измененном виде вошли во многие древние религии, существовавшие до христианства. Так, в храмах персидского бога Митры помещались купели, в которых жрецы «смывали грехи» с тех, кто принимался в эту веру. Ритуал омовения практиковался также в Египте: ему подвергались те, кого посвящали в таинства богини Исиды. Обрядовое омовение было принято и в Палестине.

По рассказам евангелий, первым, кто пустил в ход водное крещение, был предтеча Иисуса — Иоанн, прозванный Крестителем. Проповедуя покаяние среди палестинских иудеев, он крестил их в реке Иордане, заявляя при этом, что «идет за мною сильнейший меня, у которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви его» (Марк, гл. 1, ст. 7): он имел в виду Иисуса. Иоанн же якобы крестил в Иордане и самого Иисуса (Марк, гл. 1, ст. 9).

Впоследствии крещение стало одним из важнейших христианских таинств. Оно перешло в него из тех религий, на которые христианство, как мы уже видели раньше, опиралось при своем возникновении. Кумранские тексты показывают, что этот обряд практиковали и эссены. Они совершали крещение в бассейнах, в мелких речушках и водоемах, которые в те времена имелись в немалом числе на территории, занимаемой ныне Иудейской пустыней, и от которых теперь остались лишь высохшие русла. При этом эссены считали, что омовение, или, что то же самое, крещение, имеет силу только при условии, если до погружения в воду человек, принимающий эту священную процедуру, покается и очистится внутренне. У эсенов крещение было повседневным обрядовым действием, тогда как христиане, введя у себя этот обряд, установили такой порядок, при котором крещение принималось человеком лишь один единственный раз в жизни. В этом заключалось одно из различий крещальной практики эсенов и христиан. Но подождем говорить о различиях. Сейчас для нас существенно сходство. В крещении элемент такого сходства налицо, хотя христиане вкладывали в это таинство иное содержание.

Чтобы закончить об этом, укажем еще и на такое интересное совпадение: Иоанн Креститель, судя по евангелию от Матфея, проповедовал в той же Иудейской пустыне (Матф., гл. 3, ст. 1), где жили кумранские сектанты. Есть предположение, что этот евангельский персонаж жил на самом деле (его упоминает Иосиф Флавий) и едва ли сам не являлся членом «пещерной секты» или, по крайней мере, находился в каких-то связях с эссенами.

Помимо крещения сходство обрядов эссенов и христиан проявлялось в обычае благословлять хлеб и виноградный сок во время коллективных трапез. Ту и другую церемонию производил у эссенов жрец. В кумранских свитках говорится, что никто не должен протягивать руку за хлебом до того, как жрец свершит обряд благословения его. Эта процедура эссенов напоминает, с одной стороны, иудейский религиозный обычай благословения хлеба и вина, а с другой — в ней уже имеется что-то, пусть отдаленное, от христианского причащения. Вспомним, что перед тем, как дать верующим вкусить лепешку, которая затем должна превратиться в плоть Христову, и вино, которому суждено сделаться истинной кровью господней, совершающий таинство благословляет эти «святые дары».

Но довольно сопоставлений! Пора же, наконец, и ответить на вопрос, откуда это сходство — и в названии «Новый завет», и в верованиях, и в морали, и в обрядах, и даже в словах и выражениях кумранских текстов и священных книг христианства? Чем объяснить это сходство?

«СЫНА БОЖЬЕГО НЕ ПРИЗНАЮТ...»

Примерно лет триста спустя после того, как в пещерах Кумрана были укрыты рукописные свитки эссенов (когда это произошло, мы расскажем в другом месте), об их обладателях вспомнили два христианских писателя. Это были «отцы церкви» — знаменитый Иероним и менее известный Филастрий. Среди того, что они писали об эссенах (видимо, на основе каких-то более старых сочинений, о которых мы ничего не знаем), встречаются два чрезвычайно интересных сообщения.

Если верить Иерониму, то, оказывается, эссены считали, что «всяческому воздержанию» их научил «сам Христос». А Филастрий, живший несколько раньше Иеронима, писал о вере эссенов так: «Христа, как господа, сына божьего, они (то есть эссены) не ожидают и не признают, что он уже возведен как бог в «Законе» и «Пророках», но ждут его, считая только пророком или справедливым человеком».

Значит, по мнению этих церковных писателей, эссены, во-первых, полагали, что начало их вере и основание самой общине было положено Христом, а, во-вторых, что этот Христос был вовсе не богом и не сыном божьим, а только пророком, то есть человеком, наделенным даром предвидения событий и к тому же «справедливым». Получается, что хотя эссены верили в Христа, да только это была вера не в того Христа, которо-

му поклоняются христиане. В глазах эссенов Христос был лишь основателем их секты, «справедливым» сыном земли, а отнюдь не небес. Это — не Христос, превращающий воду в вино (Иоанн, гл. 2, ст. 3—9) и обрекающий на бесплодие смоковницу (Марк, гл. 11, ст. 13—14), не Христос евангелистов. Это — кто-то другой. Но кто же? И почему этот другой тоже зовется Христом? Не кроется ли здесь чего-либо такого, что может помочь установить, был или не был на самом деле «тот» Иисус Христос? Нет ли в рукописях с берегов Мертвого моря следов земной жизни евангельского Христа?

Как оно ни огорчительно для верующих людей, но мы должны сказать, что в этих свидетельствах двух «отцов церкви» об эссенском «Христе» невозможно отыскать опоры для богословского учения о сыне девы Марии от святого духа — Иисусе Христе как основоположнике христианской религии.

Эссены, веровавшие в то, что царство света одержит победу над царством тьмы, как и многие другие иудеи, да и вообще восточные народы, страдавшие от римского ига, — жители Египта, Малой Азии и прочих восточных провинций Римской империи, — возлагали свои надежды на некоего чудесного избавителя от несправедливости. Такую фантастическую форму нередко принимали на Востоке мечты угнетенных, но бессильных что-либо изменить людей, мечты об освобождении.

Они не рассчитывали на свои силы. В кумранской молитве откровенно признается, что сам человек бессилен против зла: «И что же представляет собой человек? Земля он, из праха сотворен и в прах его возвращение... а я есть прах и пыль. И о чем я могу помыслить без твоего желания и что подумаю без воли твоей, и как укреплюсь без того, чтобы ты не поставил меня?»

Но раз человек — «прах и пыль», то вырвать его из «царства погибели» может — так думали на Востоке — лишь чудесный избавитель. По-еврейски он именовался «мешиах», или «мессия». Свою веру в спасителя христиане тоже во многом переняли из восточных религий, в том числе из иудейских мессианистических верований, которые христианством были, правда, переделаны и переосмысленны на новый лад, но в основе своей восходили к старым восточным воззрениям.

Евангелия, созданные уже к началу II века нашей эры, были написаны на греческом языке, а греческое слово «Христос» есть лишь перевод еврейского «мессия». В таком значении его употребляет еще евангелие от Иоанна (Иоанн, гл. 1, ст. 41). Так что известиям Филастрия и Иеронима о «Христе» эссенов удивляться не приходится. Эти писатели, рассказывая

об эссенах, употребляли слово «Христос» в его первоначальном смысле — «мессия». «Отцы церкви» прекрасно понимали, что «мессия» эссенов — это не христианский бог, и ошибаться в этом они не могли.

В мессию же эссены действительно верили. Как же они себе его представляли?

КУМРАНСКИЙ УЧИТЕЛЬ

Разбирая кумранские тексты, ученые натолкнулись в некоторых из них на упоминание о некоем учителе справедливости. При этом их поразили черты сходства справедливости с евангельским Иисусом Христом (которого, кстати сказать, евангелие от Матфея тоже называет учителем) (Матф., гл. 9, ст. 11).

Если сопоставить между собой те кумранские тексты, в которых говорится об этом человеке, то выясняется следующее.

Учитель справедливости — его-то и считали основателем «Нового завета» — был жрецом, которого якобы послал бог. Бог послал его людям из «остатка Израиля», «чтобы вести их по пути его сердца». Учитель справедливости наставлял избранных в новом учении, которое он воспринял от самого бога и которое, как утверждал учитель, даст им спасение. Учителя преследовал какой-то «нечестивый жрец». Учитель подвергся каким-то мучениям и в конце концов погиб. У него были сторонники, но имелись и противники, которые не поверили в то, чему он учил от имени бога. Некие люди «из дома Авессалома» изменили учителю и были немые, то есть равнодушны, когда учитель терпел муки, выпавшие на его долю по проискам «нечестивого жреца». Люди, верные учителю, шли за ним, несмотря на то, что им тоже приходилось страдать за него. Бог наградил их за это спасением. Те, кто остались верными учителю, ожидают его пришествия как мессии «в конце дней»: бог поручит им «суд над всеми народами» по их преступлениям.

Таковы сведения об учителе справедливости, которые наука в состоянии почерпнуть в кумранских свитках. Сведения эти, как видим, очень расплывчаты и туманны. Не названы даже имена учителя и «нечестивого жреца», который его преследовал; не сказано, что за муки перенес учитель, и о самой смерти его прямо не говорится: о ней можно лишь догадываться по контексту. О приверженцах учителя и о тех, кто изменил ему, тоже упоминается в самых общих чертах.

И все же многое в отрывочных и скудных словах кумран-

ских манускриптов об учителе справедливости напоминает рассказ евангелий об Иисусе Христе, не правда ли?

Он, как и Иисус, послан богом, он — «помазанник божий», то есть мессия; он учит новой вере, терпит мучения от своих гонителей-жрецов и погибает, кем-то преданный, чтобы в «конце дней» явиться волей божьей и судить людей по их проступкам; вера в него спасительна. Правда, кумранский учитель не бог, а человек, тогда как евангельский Иисус Христос прежде всего «сын божий». Кроме того, учитель эссенов лишь в будущем должен прийти в роли мессии, а сын святого духа и девы Марии уже побывал в грешном мире и пролил свою кровь за его обитателей. Но все-таки, повторяем, сходство между этими двумя образами, хоть и отдаленное, несомненно есть.

МОНЕТЫ И ЧЕРНИЛЬНИЦЫ

Это сходство тотчас уловили те ученые, которые занимались расшифровкой кумранских рукописей. Нашлись среди них такие, кто сразу же, как только были прочитаны тексты об учителе справедливости, провозгласили во всеуслышание — одни в печати, другие в беседах по радио: в пещерах Кумрана найдены достоверные свидетельства о жизни евангельского Иисуса Христа! Учитель справедливости — это-де и есть не кто иной, как сам Иисус Христос! Тот, существование которого с таким упорством отрицали целые поколения вооруженных многообразными знаниями исследователей истории религии, наконец, отыскался. Он отыскался в манускриптах Иудейской пустыни! Значит, он жил на самом деле, следовательно, кумранские находки посрамляют всех, кто в него не верил.

Так поспешили объявить иные ученые, близкие к церкви. Легко представить себе то волнение, которое вызвала эта весть в самых различных, особенно церковных кругах! Однако вскоре уже стало ясно, что торжествовать по поводу всего этого причин не было. Преждевременную радость «первооткрывателей» в священнических одеяниях погасил свет науки.

Дело в том, что как только в распоряжение исследователей попали свитки «пещерной секты», перед ними встала задача: определить возраст этих свитков, узнать, к какому времени они относятся, когда были написаны? Задача эта оказалась не из легких.

В самих кумранских текстах почти никаких сколько-нибудь определенных указаний на этот счет нет. Как быть? Преодолеть эту трудность помогли знания, опыт, настойчивость са-

мых различных специалистов, искавших ответа на вопрос.

Взоры ученых, естественно, устремились к вещественным памятникам, найденным в развалинах Хирбет Кумрана и в других близлежащих районах (там же, где и обрывки рукописей). Прежде всего произвели «опрос» монет — во время раскопок их было обнаружено много сотен. Часть находилась в глиняных горшках (тут были целые клады), часть досталась археологам в разрозненном виде. На монетах в те времена обычно чеканились изображения правителей страны и обозначались их имена. Время правления иудейских царей и римских наместников историкам хорошо известно из сочинений древних авторов. Поэтому-то и решено было обратиться к молчаливым свидетелям из бронзы, золота и серебра за ответом на вопрос, когда были созданы рукописи? Монеты были очищены от грязи и ржавчины заботливыми руками нумизматов. Оказалось, что они принадлежат к разным периодам, но среди них встречались экземпляры, которые были отлиты при иудейском царе Иоанне Гиркане, а он правил в последние десятилетия II века до нашей эры.

Значит, уже в те далекие времена секта эссенов была!

К такому же выводу пришли и «мастера лопаты» — археологи. По своим, только им одним известным приметам они заключили, что эссенская «столица» — Кумран, — собственно, и возникла, стали заселяться в конце II века до нашей эры.

Археологи отыскиали здесь некое помещение, которое, судя по скамьям и чернильницам, находившимся в нем, предназначалось для переписывания эссенских книг — «священных» и всех остальных. Причем оказалось, что эта писчая мастерская, или скрипторий, существовала уже в начальный период истории Кумрана. Следовательно, и рукописи изготовлялись еще во II веке до нашей эры!

Выводы нумизматов и археологов встретили поддержку палеографов, изучавших внешние особенности рукописей. Ведь по своему виду рукописи были неодинаковы. В разные времена эссены писали различными шрифтами. Орфография также определенным образом менялась. Палеографы пристально сравнивали рукописи друг с другом. Они сличали их с другими, изученными раньше манускриптами, время создания которых уже было определено. И вот, рассортировав свой материал, ученые убедились, что часть кумранских рукописей вполне может быть отнесена ко II веку до нашей эры.

Ну, а текст, содержание кумранских рукописей — неужели из него нельзя было почерпнуть хотя бы каких-нибудь намеков на исторические события, даты или имена, которые помогли бы определить, когда были созданы рукописи?

Лишь кое-что, очень немногое, но зато примечательное.

Среди рукописей «пещерной секты» встречаются, о чем уже упоминалось, комментарии к различным частям Ветхого завета. Особенно много комментариев (или мидрашей) к библейским книгам пророков. Видимо, они были наиболее популярны у эссенов. Одни мидраши уцелели только в отрывках, другие сохранились в полном виде. В числе последних оказался обширный комментарий к книге «малого» пророка Аввакума. Он начертан на двух кожаных свитках общей длиной почти в полтора метра, а шириною в 13 сантиметров. Это как раз те свитки, которые были найдены в пещере, где первым побывал Мухаммед Диб. Составлен комментарий в мистическом духе, очень туманно. В нем то и дело попадаются иносказательные выражения, аллегории, какие-то невнятные намеки на различные исторические события, касающиеся эссенов и всей страны. В этом мидраше упоминается учитель справедливости и нечестивый жрец — губитель его, о котором автор комментария, разумеется, пишет враждебно, как и вообще об иерусалимских жрецах. Предсказывая будущее, он заявляет, что бог ниспослет на них жрецов иерусалимских, кару в конце дней: их несправедливо накопленные богатства достанутся заморскому народу «киттим». «Киттим» обрушатся на страну, принеся ей страх и ужас. Они явятся подобно внезапно налетевшему орлу, «чтобы пожрать все народы и не насытиться».

Что же это за «киттим», о нашествии которых с таким страхом пишет кумранский комментатор книги Аввакума? Слово это доставило ученым порядком хлопот. Им пришлось немало поломать голову над загадочным наименованием. Были высказаны самые различные предположения. В конце концов большинство историков склонилось к следующему.

Народ «киттим», который «идет только для грабежа, устремив лицо на Восток», грозный «киттим», который конями своими растопчет страну,— это римляне, притом римляне не императорской, а республиканской эпохи. Их возглавляют отнюдь не цари, а «правители» — «мошелим». По-видимому, комментируются события конца 60-х годов I века до нашей эры. Еще в 64 году до нашей эры римские войска под командованием прославленного полководца Гнея Помпея соверши-

ли завоевательный поход на Восток. В числе других стран они подчинили власти Рима Сирию и Палестину. В 63 году до нашей эры Помпей вступил в Иерусалим. Именно тогда Иудея вошла в состав римских владений в качестве части новой провинции — Сирии.

Отзвуки этих событий, полагают историки, и отразились в кумранском мидраше, комментарии к книге Аввакума. Значит, сам мидраш был написан где-то около середины I века до нашей эры, уже после занятия римлянами Иерусалима.

Так, с разных сторон атаковала наука кумранские рукописи. И, атакуя, приходила к выводу: не исключено, что время создания одних рукописей I—II век до нашей эры, других — несколько более позднее — I век до нашей эры.

СЛОВО — ЗА АТОМОМ

Исследования историков, археологов, нумизматов, палеографов, филологов позволили установить, таким образом, любопытную вещь. Среди кумранских рукописей, созданных в разное время, имеются, оказывается, и такие, которые написаны задолго до времени рождения евангельского богочеловека Иисуса Христа.

Вскоре после начала раскопок в Иудейской пустыне в изучение манускриптов включились представители еще одной науки, на первый взгляд весьма далекой от истории. То были... физики.

Физика, наука наук нашего времени, прокладывающая путь в неведомые дали и звездного, и атомного мира, умеет ныне направлять свои всеведущие лучи и в глубокую древность. Физики взяли пещерные свитки на анализ в свои лаборатории. Подобно тому, как медики исследуют под микроскопом пораженные болезнью клетки человеческого тела, так и физики решили изучить материал, в который были обернуты сочинения кумранских сектантов: то были, как мы уже знаем, куски просмоленных льняных тканей.

Физика располагает особыми методами, с помощью которых можно приблизительно установить возраст материи, сотканной даже тысячи лет назад. Для этого используются мирные атомы. Если упрощенно представить себе, как производится такая операция определения возраста древнего материала, то суть ее такова.

Лен — растение, как и все живое, он содержит углерод. Растения, жизнедеятельность которых поддерживается обменом веществ, постоянно обновляют свои запасы углерода.

Среди запасов этих имеется и особый радиоактивный углерод, который тоже расходуется и пополняется заново, пока растение живет. Когда же оно погибает, обмен прекращается, и оставшийся радиоуглерод постепенно распадается. Как говорят физики, происходит распад радиоактивного изотопа углерода. Так вот, физики вычислили время этого распада. Они определили также, сколько содержится радиоуглерода в одном грамме всякого живого организма. Зная концентрацию радиоуглерода в каком-либо образце, который подвергается изучению в лаборатории, физики могут узнать, к какому времени относится любой самый старинный материал из органического вещества, найденный археологами где угодно — на земле, под земле или в водных глубинах.

Этот способ исследования органических остатков называется радиоуглеродным. Он-то и был применен для установления возраста кумранских льняных тканей, облекавших кожаные свитки. В результате было выяснено, что лен, который послужил сырьем для этих тканей, был выращен примерно между серединой II века до нашей эры и началом III века нашей эры. Конечно, это весьма большой промежуток времени — чуть ли не в четыреста лет! Но, как бы он ни был велик, вывод физиков показывал все же, что кумранские рукописи вполне могли быть созданы еще и во II веке до нашей эры.

Все это значит, что основатель пещерного «Нового завета», если допустить его реальное существование, признать именно тем самым учителем справедливости, о котором рассказывает в свитках Мертвого моря, жил и действовал намного раньше божественного сына девы Марии. Ведь иные кумранские манускрипты почти на сто лет «старше», чем этого следовало бы ожидать, если бы учитель справедливости и евангельский Иисус Христос являлись одним и тем же лицом!

Таким образом, результаты исследования манускриптов в физических лабораториях тоже оказались мало утешительными для тех, кто поторопился обнаружить евангельского «сына человеческого» в кумранских свитках.

КОГДА СПРЯТАНО?

Кстати, те самые молчаливые свидетели, которые первыми позволили определить время изготовления кумранских рукописей, то есть монеты, помогли также установить — и довольно надежно — дату укрытия этих манускриптов в прибрежных пещерах.

Из множества монет, попавших в руки археологов в Хир-

бет Кумране, пять самых поздних, найденных как раз в тех местах, где находились вещи эссенов, относятся к 68—69 годам нашей эры. То было время, когда Иудея была охвачена пламенем восстания против Рима: уже третий год шла впоследствии ставшая знаменитой в древней истории Иудейская война.

Летом 68 года римские легионы оккупировали побережье Мертвого моря. Они потопили восстание народа в потоках крови. Страна подверглась опустошению. Иерусалим был взят, разгромлен и почти полностью разрушен. Такая же участь постигла многие другие города провинции. Их жителей безжалостно истребляли или продавали в рабство.

Каратели не пощадили, разумеется, и эссенов. Археологи, производившие раскопки Хирбет Кумрана, установили, что население его оказало упорное сопротивление римской солдатне. Реальная жизнь, как это нередко случалось в истории, оказалась сильнее религиозных предписаний. Хотя сектантский устав и требовал не противиться злу, но ведь римляне в глазах сектантов были «сынами погибели». Они получили отпор. Но город был все же взят, предан огню и превращен в груды развалин. Часть эссенов, видимо, погибла; те, кто остались в живых, спаслись бегством. А перед тем, как уйти отсюда, беглецы и укрыли в пещерах, то что было для них особенно дорогим — свои священные книги и всевозможные документы, которые считали наиболее ценными. Монеты свидетельствуют о том, что это случилось именно на третьем году антиримского восстания в Иудее.

Так стали известны обстоятельства, при которых рукописные свитки и прочие манускрипты были замурованы в прибрежных пещерах.

КУМРАНСКИЕ НАХОДКИ — ПРОТИВ БОГОСЛОВИЯ

Мы рассказали о кумранских рукописях и попытались установить, на чьей стороне эти памятники в споре, пошло ли христианство от евангельского спасителя или же образовалось помимо него, сложилось, как и все прочие религии, на определенной исторической почве. Конечно, для атеистов никаких сомнений в этом вопросе не было и нет: выводы науки, сделанные еще до кумранских открытий, построены на достаточно прочной основе фактов. Однако иные из верующих людей, узнав об этих открытиях, сочли возможным думать, что, дескать, наука изменила свое мнение. Теперь, когда мы ознако-

мились с подлинными результатами кумранских находок, должно быть очевидно, что на вопрос, нет ли среди прочих тайн «пещерной секты» такой, которая посрамила бы безбожников, ответ может быть только один — отрицательный: нет, такой тайны там не скрыто.

Напротив, все, что удалось прочитать в свитках «Нового завета», говорит в пользу правоты научных взглядов на происхождение христианства и подтверждает ошибочность тех воззрений, которых придерживается церковь и ее приверженцы.

Кумранские находки, по сути дела, мало что прибавляют к прежним представлениям исследователей об Иисусе Христе. Ведь «учитель справедливости» иудейских свитков — это вовсе не христианский спаситель, не «учитель» евангелий, не «сын божий». Он годится ему в дедушки, если не в прадедушки. Это какой-то «Христос до Христа», то есть до евангельского Христа. Стало быть, никаких новых доказательств историчности именно евангельского богочеловека рукописные тайны «Нового завета» не содержат.

Зато кумранские находки указывают на нечто иное, совсем неожиданное для тех, кому дороги церковные догмы: Кумран подрывают позиции богословов в вопросе об Иисусе Христе и о возникновении христианства. Почему?

Оказывается, почти все или во всяком случае очень многое из того, о чем повествуют евангелия, почти все, чему, если верить им, учил богочеловек Иисус, поплатившийся за свои поучения смертью на кресте, почти все, чему будто бы после этого стали поклоняться последователи Христа, — уже знала, исповедовала и чтילה иудейская секта «Нового завета» за сотню или более лет до небесного откровения, якобы провозглашенного евангельским спасителем. Разве не вытекает отсюда с полной очевидностью, что небесное откровение, которым будто бы поделился Христос с людьми в Палестине и которое затем стало достоянием десятков поколений верующих, это такая же сказка, как и остальные религиозные сказки различных народов земного шара? Ведь тот факт, что почти все установления христианства, его моральные нормы, его обряды, его верования уже имелись в кумранском «Новом завете», неопровержимо говорит, что никакого откровения свыше для появления христианства совершенно не требовалось. При возникновении своем оно отличнейшим образом могло обойтись и действительно обошлось без небесного вмешательства. Христианам достаточно было перенять у эссенов и подобных им сект, расплодившихся во множестве на угнетенном римлянами

Востоке, их верования, их нравственность, их культ — все, вплоть до образа мессии.

Иначе говоря, кумранские рукописи явно показывают, что у христианства были земные предшественники, на которых оно опиралось, у христиан имелись свои духовные отцы и деды, взгляды и религиозную практику которых они перенимали и переносили в свои общины. Предтечей христианства являлось эссенство, предтечей фантастического бога христиан Иисуса Христа — кумранский «учитель справедливости». Возможно, что это личность реальная, что какие-то факты из биографии учителя справедливости послужили исторической подоплекой евангельских рассказов о Христе. Впрочем, пока еще тоже трудно сказать наверняка, был ли учитель справедливости на самом деле или его сотворила фантазия сектантов «Нового завета». Фактом, однако, остается то, что главные черты образа христианского спасителя сформировались еще до того, как возникла христианская религия.

Теперь становится понятными и те удивительные совпадения «и в мыслях, и в словах» эсенов и первых христиан, о которых уже было рассказано. Вот откуда, следовательно, и «Новый завет», и «нищие духом», и «мамона», которой нельзя служить, служа богу, и «сыны света», которые никому «не воздают злом», и все прочее, что так роднит христиан и людей «пещерной секты».

Как всполошились христианские богословы, когда стало ясно, что кумранские находки льют воду на мельницу тех, кто дерзостно отрицает бытие евангельского богочеловека Иисуса Христа! Было бы еще полбеда признать, что никаких подтверждений того, что евангельский спаситель существовал на самом деле, в кумранских рукописях нет. Беда — и самая настоящая для ревнителей чистоты веры (в рясах ли, сутанах или профессорских мантиях) — заключалась в другом. Кумранский учитель справедливости поколебал — и сильно поколебал — религиозные представления относительно «сына божьего». Правда, и до кумранских открытий известны были различные палестинские «мессии», в большом числе появлявшиеся во времена возникновения христианства. Однако после прочтения даже части кумранских текстов сделалось очевидным, что у богочеловека, оказывается, был предшественник, история которого явилась словно бы репетицией той драмы, что довелось пережить евангельскому Христу, а истины, возглашенные сыном девы Марии, уже за сто с лишним лет до него были провозглашены у эсенов.

Но коль скоро дело обстоит таким образом, церковное

учение о богооткровенности христианских истин и об Иисусе — сыне божьем, посланном во спасение милосердным отцом-вседержителем, подрывается в одной из своих самых существенных основ. Получается, что истинный христианин никак не может и не должен признавать кумранского учителя справедливости тождественным евангельскому спасителю!

Было отчего схватиться за голову богословам, которые вначале рассчитывали опереться на свидетельства кумранских свитков и выдать учителя справедливости за Иисуса Христа.

И вот, не сговариваясь, служители божьи кинулись выручать главный церковный догмат. Чего только не было сказано и написано во спасение богооткровенности христианства!

Одни объявили, что, видимо, Иисус Христос в юности своей, между 12 и 30 годами жизни, о которых евангелисты хранят странное молчание, жил среди кумранских сектантов и там усвоил их учение и обряды. Этим-де и объясняется сходство христианства с эссенством. Другие решили принести в жертву науке Иоанна Крестителя, признав, что это он воспринял откровения кумранского «учителя справедливости» и последовал за ним, а отнюдь не проповедовал что-то свое. А что касается евангельского спасителя, то он — так выходило из путаных разъяснений некоторых богословов — все равно был глашатаем божественной истины, хотя его приход непостижимо был, дескать, предсказан и подготовлен кумранским «учителем». Третьи, вроде православного епископа Михаила Смоленского, следовавшего, впрочем, мнению, высказанному уже прежде, склонялись к тому, что сын девы Марии и святого духа лишь пользовался «словосочетаниями» иных эсенов, дабы сделать свое учение более понятным. Впрочем, ученый епископ, сам себе противореча, утверждал, что до Христа никто не учил и даже не говорил так, как он, что, несмотря на все совпадения с кумранскими текстами, реченное Иисусом было «глаголом божьим». Четвертые направили свои усилия на то, чтобы всячески затушевать сходство между эссенством и первоначальным христианством. Эти богословы стали доказывать, что между иудейским «Новым заветом» и христианством гораздо больше различий, чем сходства.

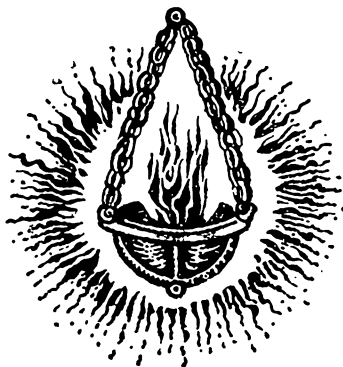
Безусловно, различия имеются, и немалые. Религия эсенов — это еще не христианство. Эссены были сектой, отгораживавшейся от «нечестивого мира», от «сынов погибели». Свое учение они исповедовали как бы сами для себя. Христианство же обращалось со своей проповедью ко всему миру и вербовало себе сторонников среди всех языков и племен. В основе воззрений эсенов лежал дуализм. Христианство его преодолело.

ло. Отвергло оно и призыв ненавидеть всех «нечестивцев».

Но при всех этих и иных различиях невозможно ни отрицать огромное сходство эссенства с христианством, ни оспаривать того, что учение эсенов, да и вся их религиозная практика в целом, оказали исключительное влияние на формировавшееся в Палестине христианство, включая легенду о Христе.

Тщетно стараются богословы вырыть пропасть между кумранским «Новым заветом» и его идейным наследником — христианством. Это делается не ради спасения истины от грозящей ей опасности, а только во имя того, чтобы внести успокоение в умы верующих. Церковников волнует, как бы результаты исследования кумранских свитков (а исследование продолжается и каждый год приносит новые открытия) не потрясли в корне богословского учения о происхождении христианской религии. Недаром же, как мы видели, нашлись служители культа, пытавшиеся сначала замолчать выводы, к которым ведет изучение манускриптов с берегов Мертвого моря: оно-де опасно для веры!

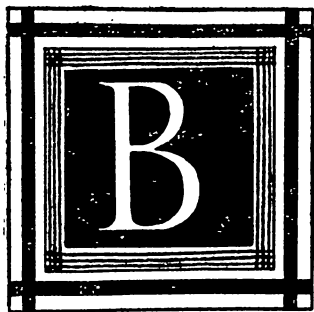
Мы стоим совсем на иной точке зрения: оно полезно для истины. Истина же в том, что евангельский Иисус Христос — это миф, а не история, но христианство, как и всякая другая религия, имеет свою земную историю, у которой ничего общего нет с небесным откровением. Верно понять ее можно только в свете науки. Разработка рукописного наследства «Нового завета» принесла новые данные для торжества научного знания. Она подтвердила то, в чем атеисты давно убеждены: религиозные догмы, в том числе и богооткровенности христианства, покоятся на ложных основаниях. Кумранские находки на стороне науки; они еще раз говорят о несостоятельности церковных догм, которыми по сей день стараются полонить души священнослужители.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ
●
ЕВАНГЕЛИСТЫ,
БОГОСЛОВЫ, АТЕИСТЫ

от уже в течение почти полутора столетий идут споры между церковью и наукой о происхождении христианской веры. Служители церкви с амвонов и университетских кафедр, в книгах и журналах, а иногда даже выступая по радио и телевидению, находящемуся в распоряжении Ватикана, твердят: христианство дано людям сыном божьим Иисусом Христом, он стоял у порога религии, названной его именем. Об этом-де непрерываемо свидетельствуют евангелия — сочинения, якобы написанные по божьему внушению, а ведь в них подробно излагается биография Иисуса Христа — от его рождения до его воскресения после смерти, которой он искупил первородный грех, несмываемым пятном лежавший на потомстве Адама и Евы.

Так или примерно так говорят церковнослужители о появлении христианства, опираясь на евангельские рассказы. Они целиком связывают начало этой религии с жизнью и деятельностью богочеловека Иисуса Христа, полностью выводят ее из божественного откровения. Христианство было дано людям свыше, а евангелия — боговдохновенные книги — вот к чему вкратце сводятся теории богословов о появлении христианской веры.

Ученые, основываясь не на предвзятых суждениях о богооткровенности религии, а на выявленных наукой исторических фактах, возражают богословам по всем пунктам. Строка за строкой исследовав евангелия и письменные памятники, дошедшие от времен раннего христианства, сопоставив его с другими религиями древности, с ее философскими воззрениями, они заявляют: нет, христианские верования возникли вовсе не благодаря откровению божьему, вовсе не потому, что сын божий сошел с небес, дабы возвестить людям свет нового учения, а сложились постепенно в течение нескольких веков. Они выросли на вполне земной почве, образовавшись путем слия-

ния и длительной переработки, переплавки религиозных представлений разных народов Римской империи, главным образом — иудейского единобожия и веры в небесного спасителя — мессию. Христианская религия, доказывают атеисты, зародилась как религия рабов, вольноотпущенников, бедняков, угнетенных и обездоленных слоев империи. Не имея достаточно сил сокрушить ненавистные рабовладельческие порядки, испытав не раз неудачу в борьбе с ними и утратив всякую надежду на возможность устройства лучшей земной жизни, они обратились к религии, выработали систему утешительных религиозных представлений, поверили в загробную жизнь, в посмертное воздаяние и в то, что его обеспечит им помазанник божий, чудотворец-спаситель, праведник, посланный творцом мира.

Образ этого художника и праведника уже раньше, задолго до появления христианства, вырисовывался в воображении народов, угнетенных Римом.

Одним казалось, что посланец небес уже приходил на землю, но не был понят и погиб во имя спасения людей. Другие еще пребывали в ожидании его прихода «в конце дней». Словам, фантастические детали этих представлений были различными, — одинаковой являлась их земная основа, или, как выражаются ученые, их исторические предпосылки. И в этом — главное при объяснении истоков христианства наукой: новая религия поднялась на земном фундаменте. Она родилась не сразу, не вдруг, не упала с неба в готовом виде, а возникла, подобно многим другим религиям, в результате продолжавшегося десятки и сотни лет слияния, переплетения, переделок различных мифов, созданных людской фантазией, которая творила эти мифы в поисках хотя бы иллюзорного, мнимого избавления угнетенных от нужды и бесправия, от ужасов действительной жизни. Христианство появилось как своего рода сложный сплав религиозно-философских идей, как их синтез. В своих верованиях и представлениях христиане очень многое почерпнули в других, ранних и современных периоды возникновения христианства, религиозных учениях. К этому были добавлены некоторые элементы философских теорий, сильное влияние которых христианство испытывало на протяжении долгого времени, например учения александрийца Филона о божественном логосе — посреднике между богом и человеком. Недаром Энгельс называл Филона «отцом христианства». Конечно, свое влияние эти теории оказывали не в их первоначальном, а в упрощенном, вульгаризованном, сильно переиначенном виде...

Но как же все-таки быть с евангельскими рассказами об Иисусе Христе? Неужели это одни только мифы и ничего более?

ЛИШЕННЫЙ БИОГРАФИИ

Евангелия, составная часть Библии, священной книги христиан — это боговдохновенные произведения, утверждают церковнослужители, не приводя в пользу своего мнения никаких доказательств и требуя от верующих слепо принимать его как религиозную аксиому. Нет, возражают ученые, Евангелия — это человеческий документ, творение людей, литературные памятники, имеющие свою длинную, хотя и довольно путаную и не во всем еще разгаданную историю.

Тщательно изучив текст и содержание евангелий, историки давно уже пришли к заключению, что эти произведения в их нынешнем виде, во-первых, были написаны вне Палестины, то есть не там, где возникло христианство, и, во-вторых, явились итогом многих литературных переработок. А повествования евангелистов о рождении, жизни, смерти, не говоря уж о воскресении Христа, абсолютно недостоверны. Они недостоверны уже потому, что в них слишком много ошибок против истории и вообще слишком много всяческих несуразиц и противоречий.

В чудеса, которые евангелисты приписывают Иисусу, не верят сегодня даже многие богословы.

В земной биографии сына божьего, как она рассказывает в евангелиях, царит невообразимая разноголосица. Если по Матфею дедом Иисуса был Иаков («Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус» — Матф., гл. 1, ст. 16), то по Луке — Илия (Лука, гл. 3, ст. 23). Евангелие от Матфея передает, что родители Иисуса, спасая младенца, жизни которого якобы грозила опасность от царя Ирода, бежали в Египет (Матф., гл. 2, ст. 13—15). Евангелие от Луки ни словом не упоминает о бегстве в страну пирамид. Судя по нему, Иисус после рождения остался жить в Иудее. Евангелия от Матфея и от Марка детально повествуют о том, как Иоанн Креститель крестил Иисуса в реке Иордане (Матф., гл. 3, ст. 13—16; Марк, гл. 1, ст. 9—10). Из евангелия же от Луки явствует, что Иисус крестился без всякого содействия Иоанна, который в тот момент находился в темнице, брошенный туда царем Иродом (Лука, гл. 3, ст. 19—21). Евангелисты свидетельствуют, что на Голгофе вместе с Иисусом были распяты два разбойника. По словам Луки, один из них был настроен

против Иисуса, «злословил его», а другой, напротив, молился Иисусу и «унимал» первого разбойника (Лука, гл. 23, ст. 39—42). А в евангелии от Матфея говорится, будто и тот, и другой «поносили» Иисуса (Матф., гл. 27, ст. 44). И такие расхождения — на каждом шагу. Даже дата рождения Иисуса Христа — и та различна у разных евангелистов. Один относит ее (если перевести эту датировку на принятую ныне систему летосчисления) к 7 году нашей эры, говорят, что Иисус родился в те дни, когда «вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле» и «эта перепись была первая в правление Квириния Сирией» (Лука, гл. 2, ст. 1—2). Другие датируют рождение Христа временем царствования в Иудее Ирода — «во дни царя Ирода» (Матф., гл. 2, ст. 1), который, что тоже известно из истории, умер в 4 году нашей эры, то есть за четыре года до появления на свет Христа, как датирует это событие евангелие от Луки.

Содержание Иисусова учения также излагается в разных евангелиях по-разному. Встречаются даже случаи, что один и тот же евангелист передает его и так, и эдак. Остается непонятным, скажем, предписывал ли Иисус своим последователям в самом деле быть милосердными (Лука, гл. 6, ст. 36) или грозил ввергнуть грешников, «делающих беззаконие», в геенну огненную, где «будет плач и скрежет зубов» (Матф., гл. 13, ст. 41—42), учил ли он почитать родителей или, напротив, призывал проникнуться к ним ненавистью (ибо кто не сделает этого, «тот не может быть моим учеником» — Лука, гл. 14, ст. 26). В одном случае Иисус Христос требует от своих последователей оставить отца и мать и прилепиться к жене своей, а в другом, совсем наоборот, объявляет, что тот, кто оставит жену ради него, Христа, «наследует жизнь вечную» (Матф., гл. 19, ст. 5—6; там же, ст. 29).

Невозможно представить себе, что столь противоречивые взгляды мог высказывать даже один и тот же человек, а тем более — «всеведущий бог», посланец небес! Учение евангельского Христа на поверку оказывается смесью разнородных наставлений, зачастую несовместимых между собой.

Евангелия не заключают в себе ни одного подлинного свидетельства о богочеловеке Иисусе Христе. С этим выводом соглашаются ныне и некоторые богословы. Всячески стараясь уберечь веру в Христа от научной критики, они тем не менее признают, что на базе евангелий не только невозможно установить хронологию жизни Иисуса, но и вообще дать ее сколько-нибудь последовательное описание.

Мало того, что из евангелий нельзя ничего толком узнать о сыне девы Марии,—ни о его жизни, ни о его учении,—евангельский богочеловек предстает в высшей степени загадочной, а точнее сказать, мифологической фигурой и в других произведениях периода раннего христианства.

Известны несколько литературных памятников, подобно евангелиям, написанных на греческом языке и вместе с ними входящих в Новый завет — вторую часть Библии. Это — «Деяния апостольские», где рассказывается об участии последователей Христа после его распятия и рассматриваются апостольские послания, то есть письма, якобы направленные учениками Иисуса отдельным лицам, христианским общинам или всем христианам (таких посланий насчитывается двадцать одно) и затрагивающие различные вопросы вероучения, организации и быта первых христиан. Как «Деяния», так и послания, по разысканиям ученых, относятся в основном ко II веку нашей эры, причем «Деяния» словно продолжают евангелие от Луки и являются самым поздним по времени произведением из тех, что входят в Новый завет. Напротив, послания, судя по их содержанию, были созданы раньше евангелий — одни в конце I века, другие уже в начале II века. Кроме того, в Новом завете имеется еще одно литературное произведение, которым он и замыкается: «Откровение Иоанна». Это, вероятно, древнейшее из дошедших до нас христианских писаний. Его датируют приблизительно концом третьей четверти I века нашей эры.

Так вот, во всех этих памятниках ранней христианской литературы черты евангельского богочеловека Иисуса Христа либо вовсе не проступают, либо, если и заметны, то весьма бледно.

Автор «Откровения Иоанна» заявляет, что он «свидетельствовал слово божие и свидетельство Иисуса» (Откр. Иоанна, гл. 1, ст. 2), то есть вроде бы видел Иисуса Христа. Однако, рассказывая об откровении, якобы посланном ему через ангела самим богом, он передает лишь «видение», бывшее ему в «день воскресный» на острове Патмосе: он увидел посреди семи золотых светильников «подобного сыну человеческому», причем облик его был совершенно фантастичным. «Глаза его и волосы белы, как белая волна, как снег и очи его — как пламень огненный; и ноги его подобны халколивану, как раскаленные в печи; и голос его — как шум вод многих. Он держал в своей деснице семь звезд, и из уст его выходил острый

с обеих сторон меч; и лицо его — как солнце, сияющее в силе своей» (Откр. Иоанна, гл. 1, ст. 14—16). Дальше воображение Иоанна разыгрывается еще сильнее: он лицезрит бога, восседающего на своем небесном престоле и радугу вокруг престола, видом похожую на смарагд. «И от престола исходили молнии, и громы, и гласы, и семь светильников огненных горели над престолом...» В правой руке у бога Иоанн разглядел «книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями». Никто «не мог ни на небе, ни на земле, ни под землею раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее». Потом явился «агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей» (Откр. Иоанна, гл. 4, ст. 2—3; гл. 5, ст. 1, 3, 6). Он смог снять печати, и тогда те, кто окружал престол всевышнего, затаили в честь агнца хвалебную песнь, в которой говорилось: «...Достоин ты взять книгу и снять с нее печати; ибо ты был заклан, и кровью своей искупил нас богу...» (там же, ст. 9).

Совершенно ясно, что Иисус, представший автору «Откровения» в образе агнца с семью рогами и семью очами, ничего общего не имеет с евангельским богочеловеком, который бродит, проповедуя, по разным местам Иудеи, исцеляет немощных, чудесно спасает от голода тысячи человек несколькими буханками хлеба... Это — чистейший плод религиозной фантазии, никак не соприкасающийся с «сыном божьим» евангелистов.

В постольских посланиях мы также не найдем рассказов ни о рождении Христа от девы, ни о чудесах, которые он якобы совершил. Иисус рисуется здесь небесным существом, призванным избавить людей от греха, посредником между богом и людьми. Его облик довольно неопределенен, несмотря на то, что апостол Петр, например, если верить евангелиям, принадлежал к числу 12 учеников Иисуса. Да и сам он говорит о себе в посланиях: «Я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе» (I Посл. Петра, гл. 5, ст. 1); мы, подчеркивается в другом месте, возвестили об Иисусе «не хитросплетенным басням последую, но бывши очевидцами его величия» (II Посл. Петра, гл. 1, ст. 16). Значит, этот апостол-то уж во всяком случае должен был не только непосредственно видеть учителя, но и многое знать о нем. Между тем в посланиях Петра конкретные факты жизни и смерти «сына человеческого», по сути дела, отсутствуют. Упоминаются только смерть и воскресение Иисуса, да и то расплывчато, а в первом послании автор пишет об Иисусе как о «непорочном и чистом агнце» (I Посл. Петра, гл. 1, стр. 19), то есть при-

бегают к тому же мифическому образу, который нам уже встречался в «Откровении Иоанна». Впрочем, какие-то скудные черты или, точнее сказать, следы биографии Иисуса проскальзывают в некоторых посланиях, приписываемых апостолу Павлу: здесь говорится о том, что Иисус «родился от смертной женщины», «подчинился закону», «умер за грехи наши... погребен был... и воскрес в третий день» (Послание к галатам, гл. 4, ст. 4; 6 Послание коринфянам, гл. 15, ст. 3—4). Все это, однако, тоже очень обще, фрагментарно.

Реальные события земной жизни евангельского богочеловека несколько не раскрываются и в тех сочинениях периода раннего христианства, которые, будучи признаны церковью, по различным причинам не были ею включены в Новый завет. Автор сочинения под названием «Пастырь», созданного во II веке нашей эры и приписываемого некоему Герму, изображает «сына божьего» в сверхъестественном обличье: скала и ворота в царстве небесном... В сочинении, именуемом «Учение двенадцати апостолов», Иисус оказывается рабом божьим, создателем виноградной лозы, через которого бог даровал людям бессмертие на том свете — и только. Получается, таким образом, что все эти памятники со своей стороны не проливают какой-либо свет на историю земной жизни богочеловека евангелий: она словно ускользает от их авторов.

МОЛЧАТ ЛИ СОВРЕМЕННОКИ?

Ко всему сказанному нужно добавить следующее любопытное обстоятельство. Почти ни один из писателей — историков, философов, политических деятелей того времени, когда якобы жил богочеловек, не упоминает ни единым словом о жизни Иисуса Христа. Каким образом и почему это могло произойти? Вопросы такого рода давно волнуют и атеистов, и богословов, и просто верующих людей, едва только они пытаются задумываться над ними.

Были раньше и сейчас есть ученые, которые решают проблему прямолинейно, в лоб, разрубают «гордиев узел» истории христианства сплеча: коль скоро данные евангелий об Иисусе целиком недостоверны и в раннехристианских сочинениях он рисуется фантастическим существом, говорят эти исследователи, и коль скоро хорошо известные авторы, творившие в I веке нашей эры, когда, по евангелиям, жил и проповедовал Иисус, хранят о нем молчание, значит, никакого Иисуса Христа не было. Евангельский Иисус Христос — это от

начала до конца мифическая фигура. Такое решение проблемы на первый взгляд может представляться привлекательным своей простотой и категоричностью, даже заманчивым, поскольку оно как будто решительно посрамляет церковную догму и, по-видимому, солидно укрепляет позиции атеистов. Не было Христа — и весь сказ! В самом деле, чего проще? Отвергнуть его историчность, объявить Христа химерой — и дело с концом! Ведь у церкви таким образом отнимается главный аргумент ее учения о возникновении христианства: если богочеловек Иисус не существовал в действительности, то вся богословская версия происхождения христианской религии, исходящая именно из того, что эту религию принес людям сын девы Марии, спустившийся с небес на землю по слову бога, разлетается в прах, словно карточный домик, и, следовательно, атеизм торжествует очевидную для всех победу!

Имеется, однако, группа ученых, в том числе марксистов, советских и зарубежных, которые в результате более пристального и всестороннего изучения древних текстов склоняются к мысли, что проблема не столь проста, как это считают сторонники мифологической теории. Эти ученые все более настойчиво и все более доказательно выдвигают тезис о том, что у христианства был свой основатель, подобно тому, как имели своих основателей ислам или буддизм. Конечно, нет и быть не может никаких сомнений в отношении того, что образ богочеловека Иисуса Христа, каким он вырисовывается из евангельских книг, в своих основных чертах действительно мифологичен. Тут полностью правы те, кто отвергает историческое существование евангельского сына девы Марии. Рождение от святого духа, чудеса, воскресение из мертвых — все это принадлежит религиозному мифотворчеству, а не реальной истории. Тем не менее категорически отвергать самую возможность исторического зерна в евангельских повествованиях — значило бы впадать в антиисторическую крайность, ибо при этом пришлось бы отбрасывать и такие факты, которые прямо или косвенно указывают на то, что у истоков христианства все же стоял человек, возможно, являвшийся одним из его основателей.

Конечно, это был не бог, воплотившийся в человеческое обличье и опустившийся с небес на грешную землю, а обыкновенный смертный, быть может, какой-нибудь иудейский религиозный реформатор, вроде кумранского «учителя справедливости», возомнивший себя пророком и положивший начало новой вере. При современном запасе наших знаний мы не в состоянии сказать об этом человеке что-либо определенное.

Сведения о нем более чем скудны. И все же нельзя не считать-ся с сохранившимися, хотя и смутными, фрагментарными преданиями об основателе христианства. Такие предания, вернее, их обрывки уцелели в различных нехристианских и христианских литературных памятниках, часть которых относится примерно к тому же времени, когда были созданы евангелия, часть — к более раннему или к более позднему периоду.

В одном случае «свидетелем» выступает знаменитый римский историк начала II века нашей эры Тацит. Рассказав о том, как сумасбродный император Нерон приказал поджечь в 64 г. Рим, а затем обвинил в поджоге христиан, Тацит пишет: «Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат». И далее он продолжает: «Подавленное на время, это зловерное суеве-рие (Тацит рассуждает, конечно, с позиций, враждебных христианству, как римлянин) стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев» (Тацит, «Анналы», 15, 44). Сказано не так уж много, но это немногое говорит, по крайней мере, о том, что к началу II века нашей эры предание об основателе христианства было известно и в кругах римской интеллигенции, к которым принадлежал историк.

В другом случае говорится о некоем обманщике Иисусе Христе, сыне нищей пряжи и римского солдата Пантиры; мать Иисуса была уличена в прелюбодеянии, муж — плотник выгнал ее из дому, во время скитаний она тайно родила сына, который, выросши, принужден был служить поденщиком в Египте. Такой рассказ передает враждебный христианству писатель Цельс в труде «Правдивое слово», написанном около 180 г. нашей эры.

В третьем случае повествуется о палестинском кудеснике Иисусе, сыне Пандиры и египетской завивальщицы волос Марии. Этот кудесник был то ли побит камнями, то ли повешен накануне пасхи в городе Лидде. Об этом сообщается в произведении еврейской религиозной литературы — Талмуде, созданном в III—V веках нашей эры.

Разумеется, на основании столь расплывчатых и в достаточной мере сбивчивых известий невозможно реконструировать жизнь человека по имени Иисус или тем более представить себе его взгляды. Однако и вычеркивать эти сведения полностью из истории тоже неосторожно: история требует делкатного обращения с фактами.

Евангелия, развивают далее свой тезисистики, стараю-

щиеся оценить все крохи более ранних упоминаний об Иисусе-человеке, видимо, возникли не на пустом месте, а базировались на каких-то устных преданиях и письменных произведениях, связывавших появление новой веры с неким Иисусом. Сравнительно недавно в Египте обнаружили папирус, содержащий евангельский фрагмент, который по тексту совпадает с евангелием от Иоанна и который, как считают специалисты, написан где-то во второй четверти II века. У христианского писателя середины II века Юстина упоминается о каких-то «Словах Иисуса». Эти изречения не сохранились, однако из отрывков, которые приводит Юстин, видно, что они содержали и эпизоды, отчасти вошедшие позднее в евангелия, и такие, которые сюда не вошли. Другой христианский писатель — Папий из города Гиерополя, старший современник Юстина, тоже отмечает существование устных преданий и письменных свидетельств об Иисусе Христе. Он называет записи изречений Иисуса, сделанные на арамейском языке и затем переведенные на греческий.

Все эти устные предания и письменные памятники могли стать в той или иной мере источником для евангельских рассказов. Опутывающая их густая мифологическая паутина, следовательно, скрывает все же, по всей вероятности, некое реальное историческое зерно: деятельность иудейского проповедника, носившего имя Иисус и, надо думать, прозванного своими сподвижниками Христом.

Возможно, полагают ученые, придерживающиеся такой точки зрения, основателем христианства был один из многих религиозных проповедников и «пророков», которые появлялись в пору римского владычества на Востоке сотнями и каждый провозглашал себя мессией. Не исключено, что этот Иисус даже обращался к своей аудитории с речами, похожими по содержанию на речи евангельского Христа, что его проповеди вызвали какие-то волнения в народе, что сам он был арестован, судим, казнен. Не было бы ничего невероятного и в том, что участь Иисуса послужила отдаленным прообразом и основой для евангельских рассказов, составители которых, однако, жившие несколько позднее и далеко от тех мест, где совершались излагавшиеся ими события, утопили реальные факты в мифотворчестве. Они заменили действительную историю религиозным вымыслом.

Разумеется, это только гипотезы, но ведь наука знает немало гипотез, получивших затем подтверждение и ставших научными истинами. Почему бы не допустить, что и подобная гипотеза со временем обретет доказательную силу, большую,

чем имеет ее в настоящее время? Для подобного допущения есть основания.

Одно из них заключается в том, что «молчание века» об Иисусе Христе — факт, которым так часто аргументируют приверженцы мифологической школы, доказывая, что-де никакого Христа не было, в свете некоторых новых данных оказывается не таким уж беспросветно глухим, как думали прежде. Выясняется, что это молчание все-таки нарушает, по крайней мере, один писатель I века нашей эры, а именно знаменитый историк Иосиф Флавий, иудейский аристократ, взятый в плен римлянами и перешедший на их сторону в то время, когда войска императора Нерона, которыми командовал Веспасиан, в конце 60-х годов оккупировали его родную страну. Его сочинения «Иудейская война» и «Иудейские древности» в своей значительной части посвящены событиям истории этой страны в период римского владычества. Они написаны по-гречески, и события доведены в них до времени самого Иосифа Флавия (он умер в 100 г.).

В «Древностях» историк дважды упоминает некоего Иисуса, причем один раз, в XVIII книге этого труда, в следующем контексте: при наместнике Понтии Пилате, говорится здесь, «жил Иисус, человек мудрый, если только его можно назвать человеком. Это был мессия».

Разбирая данное место повествования Иосифа Флавия, ученые давно уже пришли к выводу, что оно является позднейшей вставкой или, как принято говорить у специалистов, интерполяцией, а вовсе не принадлежит Иосифу Флавию. И в самом деле, каким образом верующий иудей, жрец, с детства воспитанный в официально-религиозном духе, мог выражать сомнение в человеческой природе Иисуса и даже называть его мессией, то есть мыслить совсем на христианский манер? Известно к тому же из рассказа самого Иосифа Флавия об истории восстания Иудеи против римлян, что он вообще считал мессией римского полководца Веспасиана. Иосиф Флавий заявил об этом пленившему его полководцу, будущему императору.

Исследователи установили также, что фраза об Иисусе-мессии вкраплена в «Древности» каким-то благочестивым переписчиком из христиан намного позднее, где-то в конце III или скорее в начале IV века нашей эры: переписчик-христианин, видимо, не смог смириться с молчанием Иосифа Флавия о богочеловеке Иисусе и, полагая, должно быть, что тот забыл сказать о нем, внес от себя «исправление» в текст переписывавшегося им сочинения. Эта фраза очень пригодилась впо-

следствии деятелям церкви, которые на протяжении многих веков опирались на «свидетельство» Иосифа Флавия, считая, что уж оно-то великолепно подтверждает реальное существование Иисуса Христа именно как небесного посланца, мессии. Ценность этого подтверждения, с точки зрения богословов, особенно велика потому, что оно исходит от нехристианина. В том, что данный текст вполне достоверен, богословы нисколько не сомневались, и заподозрить в нем благочестивую подделку, разумеется, никому в голову не приходило. Подделка была установлена скрупулезными исследованиями беспристрастных ученых, дороживших прежде всего и единственно научной правдой.

Недавно, однако, историкам стали известны новые факты, которые несколько меняют взгляд на повествование Иосифа Флавия. Был найден сделанный в средние века арабский перевод «Иудейских древностей», выполненный, видимо, с какой-то другой, не дошедшей до нас, редакции этого сочинения. В переводе отсутствует интерполированный текст, то есть та самая вставка, которая была сделана неким переписчиком несколько веков спустя после создания «Иудейских древностей», но Иисус, живший при Пилате, упомянут. Ученые обратили также внимание и на следующую важную деталь. С «Древностями» Иосифа Флавия был хорошо знаком Ориген Александрийский, писатель-богослов, живший в начале III века. Среди его сочинений имеется труд под названием «Против Цельса». То был римский критик христианства, писавший, как мы уже знаем, во II веке нашей эры. Он высмеивал христиан, в частности за то, что они многократно переделывают евангелия, «чтобы иметь возможность отвергнуть изобличения». Ориген, полемизируя с Цельсом, приводит выдержки из его труда, по которым он нам только и известен. Между прочим, Ориген в ходе этой полемики упрекает Иосифа Флавия в том, что тот не считал Иисуса мессией. Заметьте — не считал! Разве не следует из этого, что сам-то Ориген читал сочинение Иосифа Флавия в таком виде, где еще не было фразы об Иисусе Христе как о мессии, то есть где еще не было сделанной позже благочестивой вставки? В сохранившейся до нас редакции «Древностей», содержащей позднейшую вставку, этот труд цитируется уже Евсевием, тоже одним из «отцов церкви», в его «Церковной истории», написанной в IV веке.

Итак, Иосиф Флавий не принадлежит к числу «молчальников». Он писал об Иисусе, знал о его существовании, причем писал именно о человеке по имени Иисус (историк упоминает Иисусова брата), о не о боге. Нарушенное новейшими иссле-

дованиями «молчание века» дает лишний аргумент в пользу гипотезы об историчности основателя христианства.

К слову сказать, такой большой и глубокий знаток истории христианства как Энгельс склонен был предполагать, хотя и с большой осторожностью, что Иисус и его ученики, названные позднее апостолами, о которых рассказывается в евангелиях, существовали в действительности. Об одном из ученых, считавшем эти рассказы абсолютно легендарными — Бруно Бауэре,— Энгельс писал, что тот «хватил через край», что на самом деле (так полагал Энгельс) за недостоверными новозаветными рассказами скрывается какая-то историческая почва.

«РЕЛИГИИ СОЗДАЮТСЯ ЛЮДЬМИ»

Как бы ни относиться к этой гипотезе, необходимо, во всяком случае, непременно иметь в виду следующее. Сам по себе вопрос о личности Иисуса Христа, о том, был ли такой человек, участвовал ли он в создании христианской религии или его выдумали евангелисты, не имеет решающего значения ни для исторической науки, ни для богословия. Можно отставивать взгляд об историчности основателя христианства и вместе с тем твердо стоять на позициях атеизма. Как писал видный советский ученый академик С. Д. Сказкин, признание существования проповедника, который послужил прототипом Иисуса Христа, ни в коей мере не делает христианство менее ложным. И действительно, ведь признают же атеисты, например, Мухаммеда историческим лицом, хотя его реальный образ до предела затемнен легендами, которые превратили этого арабского религиозного и государственного деятеля, стоявшего у истоков ислама, в фантастического чудотворца и пророка! А Будда? Многие исследователи считают его исторической личностью, несмотря на то, что биография Будды (его настоящее имя Сиддхартха Гаутама), составленные 500—600 лет спустя после него, тоже изобилуют сверхъестественными подробностями и мало достоверны. И разве ислам или буддизм становятся более истинными и приобретают большую прочность, если признается историчность их основателей? Конечно, нет!

«Религии создаются людьми,— писал в свое время Ф. Энгельс,— которые сами ощущают потребность в ней и понимают религиозные потребности масс». Это верно и по отношению к христианству. То обстоятельство, что атеизм ничего не теряет, признав историчность человека, в числе других стоявшего у колыбели христианства, хорошо понимают, со своей сто-

роны, кое-кто из современных богословов. Стремясь любыми средствами оградить от «безбожного атеизма» идею богооткровенности христианства, — а ведь это в конечном счете главное для служителей церкви в данном вопросе! — некоторые современные теологи готовы пойти на уступки атеизму во второстепенном, пожертвовать историчностью евангельского Христа как человека во имя спасения наиболее важного в богословской концепции происхождения христианства, а именно, положения, что христианство дано людям богом. Можно, говорят эти богословы, вполне оставаться христианином и не считая евангельского Иисуса Христа создателем христианского вероучения. Другими словами говоря, христианин может, с их точки зрения, обойтись и без признания доподлинности существования земного сына девы Марии. Лишь бы в умах и душах верующих остался жить образ того, кто облагодетельствовал человечество божественной верой, т. е. образ «искупителя», принесшего себя в жертву и принявшего крестную муку ради избавления людей от лежавшей на них греховности.

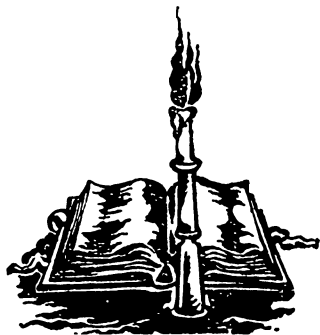
Следовательно, сегодня атеистов и богословов по существу разделяют в первую очередь вовсе не различие толкование вопроса об историчности или неисторичности Иисуса Христа, — не о том ведется главный спор. В противоположность самым «передовым» теологам, атеисты решительно отвергают тезис, который верные церкви богословы хотят утвердить любой ценой и вопреки здравому смыслу: тезис, будто Иисус Христос — это воплотившийся в человеке сын божий, будто его проповедь была единственной в своем роде в истории человечества, будто она имела, как принято говорить, уникальный характер, будто евангельские повествования — слова самого бога, открывшего людям истинную веру, будто никогда до этого ничего подобного нигде и никем не было проповедуемо. Вот где коренятся непримиримые расхождения взглядов!

Отсюда с полной очевидностью явствует: не существует сколько-нибудь основательных причин, чтобы напрочь оттачивать предположение некоторых ученых о том, что формирование христианской религии в Палестине происходило с участием реально жившего проповедника по имени Иисус, которого его последователи чтили как мессию (Христа) и деятельность которого затем в мифологизированной форме (соответствовавшей уровню религиозных представлений эпохи) получила отражение в евангелиях и в других новозаветных произведениях.

Правда, тут нужна одна серьезная оговорка. Мотивом для отвержения такой гипотезы может служить лишь относитель-

ная скудость (но все же не полное отсутствие!) фактов, говорящих в ее пользу. Их действительно в распоряжении историков еще крайне мало — против этого возражать не придется. Однако ныне число фактов, освещающих такие глубокие пласты предыстории христианства, которые еще четверть века назад историкам, как говорится, и не снились, непрерывно растет и можно бесспорно надеяться на дальнейшие открытия.

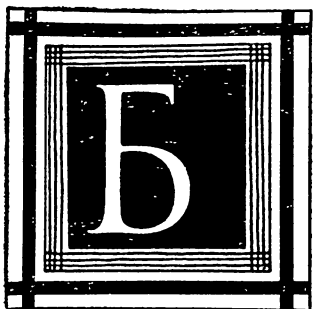
В самом деле: находка Мухаммеда Дибя, о которой было рассказано в предыдущем очерке, явилась лишь удивительной сенсацией XX столетия. Мог ли кто-нибудь предвидеть, что пройдет лишь около четверти века и уже при жизни нынешнего поколения возникнет целая наука — кумранистика?.. Специалистами в области этой науки написано к сегодняшнему дню более семи тысяч трудов! Тексты Кумрана продолжают публиковаться — и не только на западноевропейских языках. Не так давно появился первый перевод некоторых из этих текстов на русском языке. Советские кумрановеды вносят существенный вклад в познание еще не раскрытых до конца «тайн» предыстории христианства, все более активно включаются в научные изыскания, призванные окончательно рассеять мглу, все еще окутывающую ее истоки. Каков бы ни был характер будущих новых открытий, ясно тем не менее одно: позиции защитников «божественного откровения» полностью рухнули под напором науки, и чем дальше, тем труднее будет служителям религии и церкви брать души в плен, скрепляя жалкие обломки этих позиций с помощью богословских теорий, явно доказавших свою несостоятельность.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ
●
в царстве теней

ыл ли кто-нибудь в потустороннем мире, представление о котором занимает очень важное место в христианстве, как, впрочем, и в некоторых других религиях,— к примеру, в иудаизме и в исламе?

Оказывается, нашлись такие путешественники, которые побывали в призрачном царстве, называемом служителями церкви «тем светом». Имена «любопытных» путешественников почти никому не известны. Это главным образом монахи и отшельники, которых христианская церковь объявила за их особые заслуги перед богом святыми: святой Альберик, святой Патрик, святой Тнугдал, святая Тереза и другие...

Мнимых путешествий в загробный мир совершалось в средние века очень много. Каждый монах, отправлявшийся странствовать по «тому свету», считал своим долгом рассказать о виденном. Так были созданы описания бесчисленных загробных хождений — «видения». Их авторы большей частью сами были людьми религиозными, полными наивной, слепой веры. К тому же они, как и подобает истым монахам, являлись аскетами, то есть всячески умерщвляли свою плоть: морили себя голодом, питаясь одними сухарями с водой, облачались в режущие тело власяницы, ходили босыми даже зимой — и все это в надежде снискать «милость божью». Нет ничего удивительного в том, что разум этих «святых» людей помрачался вдвойне, а в их истощенном от длительных голодовок мозгу рождались всевозможные болезненные фантазии: заснув, иноки оказывались на «том свете», о котором помышляли денно и нощно. А затем, пробудившись, ночные посетители загробного мира вещали о своих «видениях». Богословы, обработав на собственный лад рассказы монахов-схимников, выдавали их за истину, открытую-де самим богом, за подлинную правду о «загробном мире», который рисовался столь же веществен-

ным, как и земной мир, и даже казался еще более реальным: ведь он считался нетленным.

Именно на основании таких путешествий «потусторонний мир» считается досконально изученным церковниками. Не ознакомится ли и нам хотя бы с некоторыми результатами их изысканий? Это поможет лучше узнать, как именно церковь брала в плен души верующих людей.

РЫЦАРЬ ТНУГДАЛ И БОЖЕСТВЕННОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Одно из наиболее известных «видений» — рассказ о путешествии по «тому свету» средневекового рыцаря Тнугдала из Ирландии, жившего более восьмисот лет назад. Как и другие феодалы — его собратья по мечу, Тнугдал был жестокосердным притеснителем крепостных, кичливым и задиристым воином, хватавшимся за меч при всяком удобном случае, вспыльчивым и скорым на расправу и к тому же — порядочным развратником. Время свое Тнугдал проводил главным образом в бранных потехах да веселых, подчас непристойных пирушках с такими же молодцами, как и сам он, благо о хлебе насущном задумываться не приходилось: господ-сеньоров кормил труд мужиков. С точки зрения служителей церкви, Тнугдал являлся большим грешником, ибо он не только не заботился о вечном спасении души своей, но и — что было всего огорчительнее для алчных епископов и аббатов — «церкви божии не почитал».

Все свое добро Тнугдал использовал не так, как бы, по мнению священников, надо было: его богатства уплывали не в монастырские подвалы и скапливались не в епископских кладовых, а растрачивались на бранные дела и всякого рода увеселительные затеи. Все, что имел рыцарь, он раздавал, если верить его биографу, сказочникам, скоморохам и песенникам «ради брэнной славы». Разумеется, господь бог не мог стерпеть такого зла. Явив милосердие, он решил наставить Тнугдала на праведный путь. С этой целью всевышний решил показать ему «тот свет»: пусть, дескать, грешный рыцарь узрит, какая участь ждет в загробном мире тех, кто в своей земной жизни не оказывал должного почтения святой католической церкви и ее установлениям.

В один прекрасный день, когда Тнугдал собирался угостить на славу своего приятеля, он был внезапно поражен смертельным недугом: рыцарь даже «не сумел поднести ко рту протянутой руки». Едва успев поручить свое оружие сидев-

шей рядом с ним супруге приятеля («Храни мою секиру,— сказал он,— ибо я умираю»), Тнугдал свалился замертво прямо у стола, за которым сидел, и его «бездыханное тело упало, точно в нем никогда не было души». В доме, да и во всем местечке поднялась невероятная суматоха, слуги засуетились, унося яства, оруженосцы завопили от страха, «плачет господин, укладывают тело, бьют тревогу, сбегается духовенство, дивится народ...» Однако — поразительная вещь! — хотя Тнугдал как будто и скончался (все признаки смерти были налицо), но сердце его продолжало биться: «легкое тепло в левой стороне груди ощущалось теми, кто внимательно ощупывал тело». Поэтому хоронить столь необычайного покойника не рискнули. И не стоило этого делать. Прележав замертво три дня и три ночи — «от десятого часа четвертого дня, то есть среды, до того же часа субботы» — по свидетельству биографа, Тнугдал ожил, а затем, придя в себя, поведал присутствующим о том, что с ним за это время произошло. Оказывается, с рыцарем приключилась престранная история, и вот какая.

«Когда душа моя,— рассказывает Тнугдал,— сбросила тело и познала, что оно мертво, затрепетала она в сознании греховности своей...» Вскоре Тнугдалова душа увидела вокруг себя множество нечистых духов; приблизившись к ней, черти заскрежетали зубами и, терзая своими черными когтями собственные щеки, принялись издевательски припоминать ей земные прегрешения Тнугдала: «Питательница раздоров, любительница распрей, почему не чваньешься? почему не блудодействуешь? где суета твоя и суетная веселость? где смелость твоя, с которой нападала ты на многих? что же ты теперь, как бывало, не мигаешь глазами, не топаешь ногой, не тычешь перстом, не замышляешь зла в развращенности своей?» В этом миг на помощь несчастной Тнугдаловой душе прибыл лучезарный ангел, ниспосланный милосердным богом. Выполняя волю творца, ангел велел душе Тнугдала последовать за ним в преисподню: там «ты претерпишь немного из того, что должна была бы претерпеть, если бы не помогло тебе милосердие нашего спасителя». Со словами: «Следуй за мной, и все, что я покажу тебе, удержи в памяти, ибо вновь должна ты возвратиться в тело свое», — ангел двинулся в путь, увлекая за собой Тнугдалову душу.

После длительного странствования в кромешной тьме, освещаемой лишь сиянием ангела, путешественники очутились в долине, «весьма ужасной и мрачной, и покрытой смертной мглою». Эта долина, как вскоре выяснилось, была не чем иным, как адовой бездной, точнее, одним из ее отделений.

Зрелище, которое увидел здесь Тнугдал, то бишь его душа, было довольно тяжким. Долина «была полна горящих угольев и покрыта железною крышкой толщиной, как казалось, в шесть локтей, которая раскалением превышала ярко горящие уголья. Зловоние же там превышало все мучения, какие душа до сих пор претерпела». В этой зловонной камере казнились души убийц. «Спускалось на эту доску множество несчастнейших душ и там сжигались, пока, наподобие жира, поджариваемого на сковороде, не растоплялись окончательно и, что хуже всего, не проливались сквозь означенную доску, как воск просачивается сквозь сукно, и возвращались к мучениям на горящих угольях». Мало того, ангел-поводырь пояснил Тнугдалу, что это — лишь первое наказание для совершивших убийство или участвовавших в таком злодеянии, «затем они предаются худшим карам, которые ты увидишь».

Продолжая прогулку по аду, путники подошли к высокой, «весьма страшной и пустынной горе». «Проходящим по ней открывалась чрезвычайно узкая тропа. С одной стороны этого пути был огонь зловонный, темный и серный, с другой — холодный снег и ужасный ветер с градом». Тут же стояли палачи, державшие «наготове вилы железные раскаленные и трезубцы преострые, коими они кололи души, хотевшие пройти, и гнали их на муки». А муки в этом отделении ада — еще более ужасные, чем в первом: здесь наказуются те, кто повинен в злых кознях и вероломстве. Сперва бесы-истязатели бросают грешные души в кипящую серу; после того как они достаточно долго прокопятся в ней, их прокалывают вилами и трезубцами и швыряют в геенну огненную. Насмотревшись вдоволь на жестокие страдания клятвопреступников, коварных интриганов и подобных им грешников, душа Тнугдала, объятая страхом, и ее путеводитель пустились в дальнейшую дорогу. Чего только они не повидали в аду! Жаркое пламя, которое никогда не гаснет: грешники горят в нем веки вечные, но так и не могут целиком сгореть, а копятся из века в век; бездны, наполненные бурлящей от кипения смолой, нечистотами, гноем, червями; тут же, рядом — ледяной холод... Черти, радуясь добыче, вилами протыкают грешные души, то бросают их в пламя, то окунают в ледяную воду, льют в глотки расплавленный свинец, погружают в ямы с нечистотами, разрывают на части раскаленными щипцами, прокалывают языки крючьями и, зацепив за язык, снова тащат на вечные пытки... Мучительно казнились скупцы, воры, грабители, обжоры, блудники. В конце концов путники добрались до самой глубины ада, где грешников истязал сам повелитель преиспод-

ней — «князь тьмы», или дьявол — огромное человекоподобное чудище, черное, как ворон, с хвостом и множеством рук: их было у него, по словам Тнугдала, «не менее тысячи, и каждая рука — длиною около ста локтей, а толщиной в десять; когти же были железные и длиннее воинских пик, столько же когтей было на ногах. Клюв у него чрезвычайно длинный и толстый, хвост же весьма жесткий и длинный и для поражения душ усеянный колючими иглами». Это чудище постоянно пребывает в великой ярости, которую и изливает на несчастных. Дьявол «простирает все руки свои к толпе душ и, набрав полные пригоршни, сдавливают их, подобно тому, как поселянин, мучимый жаждой, выдавливает гроздь, так что ни одна душа не может уйти невредимой, чтобы не быть разорванной или лишенной головы, рук, ног... Тогда он, точно вздыхая, дует и разбрасывает все души в разные стороны геенны», со дна которой вырывается зловонное пламя. После этого «свирепый зверь снова вдыхает воздух», «стягивает обратно все души, которые только что рассеял, и пожирает попадающихся ему в рот вместе с дымом и серой».

В обиталище сатаны (а ему прислуживают мириады «духов тьмы») грешники получают, так сказать, вторую, основную порцию уготованных им страданий. Ангел, сопровождавший Тнугдала, счел нужным еще раз объяснить ему, кто именно казнится в логове «князя тьмы»: тут не только прелюбодеи или гордецы, не принесшие покаяния, но прежде всего — человекоубийцы, воры и разбойники, а также те, кто отрицает Христа. Все они «принуждены бесконечно страдать вместе с самим «князем тьмы».

Вид страшных пыток и мучений, претерпеваемых грешниками, довел душу Тнугдала до такого ужаса, что она взмолилась поскорее увести ее прочь отсюда, тем более что среди мучеников заметила «много родичей, друзей и знакомых». И ангел, который, подчиняясь желанию всевышнего, хотел лишь малость припугнуть Тнугдала, вывел его душу из адского пекла, а затем, совершив с ним осмотр райских городов, приказал рыцарской душе вернуться в ее телесную оболочку. Тогда-то и произошло возвращение Тнугдала к жизни.

МЕРА УСТРАШЕНИЯ

Рассказы такого рода в изобилии фабриковались монахами — и на то имелись свои причины. Было бы не совсем верно считать «видения» лишь порождением болезненной фантазии аскетов. Сама фантазия эта являлась определенным образом

направленной, и «видение» рыцаря Тнугдала в этом отношении довольно показательны.

Служители церкви, конечно, в первую очередь радели о том, чтобы сеньоры не испытывали «беспокойства» от подвластных им крепостных крестьян: их старались смирять проповедями и наставлениями на тему «раб да повинуется господину своему». И хотя церковнослужители выполняли свою миссию в интересах феодальных землевладельцев, оберегая их замки от «красного петуха», а их самих — от мужицкого гнева, рыцари, разнузданные и своевольные, далеко не всегда платили церкви «добром за добро». Напротив, ей приходилось в пору феодальной раздробленности немало терпеть от благородных графов и герцогов, особенно, если высокий титул того или иного сеньора не подкреплялся достаточными, с его точки зрения, земельными владениями и всякого рода иными материальными благами. В большинстве своем рыцари оставались равнодушными к призывам церковнослужителей вроде Бернара Клервоского, требовавшего: «Презирай земные богатства, дабы ты мог приобрести небесные». Ради приобретения земных богатств они не только с готовностью отправлялись воевать в дальние страны, но и у себя на родине со спокойной совестью шли на нарушение заповеди «не укради».

И это не удивительно. Ведь неотъемлемой чертой феодала была расточительность: он должен был уметь щедро, не считая, раздавать и растрачивать богатства. Что же это за герцог или граф, который не в состоянии содержать свиту прихлебателей, устраивать пиры для вассалов, принимать гостей, раздавать подарки? Престиж и влияние сеньора определялись численностью его вассалов и подданных. Богатство было ему необходимо для поддержания своей «чести». Щедрость — «госпожа и королева» рыцаря!

Церковь была богатейшим землевладельцем в средние века. Поэтому ее поместья являлись весьма соблазнительной приманкой для рыцарей, прежде всего тех, которые сами не унаследовали имений, а вынуждены были довольствоваться громкими титулами да парой коней. Недаром эти рыцари, которых расплодилось в ту пору великое множество, носили прозвища «безземельный», «неимущий», «голяк». Не питая уважения к чьей-либо собственности, они не стеснялись, как гласит документ XI века, нападать на невооруженных клириков, монахов или монахинь», не останавливались перед тем, чтобы «причинить вред общинам каноников¹.., а также землям

¹ Каноники — священнослужители при крупных церквях.

и владениям, коими церкви... невооруженные клирики, монахи и монахини пользуются». Нападая на церковные и монастырские поместья, рыцари захватывали драгоценности, хлеб, скот и птицу, опустошали винные погреба... Зачастую «грабители и тати» — так называет их один летописец-монах — захватывали церковные здания, превращали их в склады награбленного и похищенного, а то и в опорные пункты для дальнейших набегов.

Выразительную характеристику рыцарским ватагам, разбойничавшим на больших дорогах, дал однажды римский папа Лев IX: «Я видел,— писал он,— этот буйный народ, вероятно яростный и нечестием превосходящий язычников, разрушающий повсеместно церкви божии, преследующий христиан, которых они иногда заставляли умирать в страшных мучениях... Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин».

Церковь, конечно, принимала меры, чтобы смирить буйствовавших «голяков» и «безземельных». Съезды духовенства (соборы) выносили строгие постановления о «соблюдении нерушимого мира». В этих постановлениях им предписывалось не захватывать чужое имущество, не чинить какого-либо насилия, особенно над клириками, монахами и монахинями, не причинять ущерба храмам божьим. Виновных в нарушении соборных постановлений церковные власти карали за «святотатство», на них налагали двойные штрафы. Все это хоть и помогало, но ненадолго.

Вот тогда-то, не рассчитывая на то, что удастся сковать алчность и своеволие щедрых за чужой счет грзфов и виконтов постановлениями соборов о «божьем мире», усостить их, церковнослужители и пустили в ход свою изоощренную благочестивую фантазию. Досужие обитатели монастырей стали придумывать страшные повести о геенне огненной. Они были призваны запугать не только крепостных, если бы те вздумали бунтовать против своих господ, но и Тнугдалов всякого ранга и звания, утратить их зрелищем посмертных мук.

Слаб показался совести упрек.

Придумали вдобавок вилы в бок,

А сверх того — немало всякой дури:

Чудовищ, змей, драконов, гарпий, фурий,

Кипящие озера со смолой,

Бичей удары и геенны пламя,

И дьяволов с копытами, рогами

Любая мука вечна, нет другой, —

такими словами поэт-просветитель определил смысл и назначение рассказов об адских муках. Так появились на свет потусторонние странствования, в числе которых одно из наиболее

важных по своим подробностям — странствование рыцаря-ка-толика Тнугдала.

Познакомимся теперь с другим «видением», из которого черпали свои познания о загробном мире служители православно й церкви.

О СТАРИЦЕ ФЕОДОРЕ И ЕЕ ГОСПОДИНЕ ВАСИЛИИ

Если верить старинным преданиям, с тысячу или несколько более лет тому назад жила в Константинополе старица Феодора. Она была служанкой знаменитого константинопольского кудесника первой половины X столетия — «святого» старца Василия, прозванного Новым (в отличие от другого «святого», жившего на много веков раньше, — Василия Великого). Об этом Василии Новом, человеке весьма практическом и ловко прикрывавшемся личиной святости, не стоило бы и упоминать, если бы не одно обстоятельство: со старицей Феодорой произошли удивительные чудеса, и именно благодаря дарованиям ее господина они получили широкую известность в Византии и соседних с ней странах Европы, в том числе и на Руси.

Старец Василий и впрямь обладал немалыми талантами, судя по его биографии, составленной учеником «святого» — Григорием. Однажды этот угодник божий переплыл на дельфине море; так, по крайней мере, рассказывает Григорий. Тот же сочинитель «Жития Василия Нового» говорит, что достаточно было «святому» Василию, помолившись, прикоснуться к тяжелобольному, как страдалец немедля выздоравливал. Блаженный Василий помимо всего прочего был еще и прорицателем. Он умел предсказывать будущее византийским вельможам, в домах которых был своим человеком. Предсказывал он, конечно, так, как того требовали интересы константинопольских аристократов: их заботы и тревоги вещей старец неплохо учитывал. Зная, кому и как угодить, Василий не без успеха пускал в ход таланты прорицателя и чудотворца. За все свои угодные сильным мира сего деяния «маг» и «кудесник» снискал себе славу человека, который пользуется особым расположением всевышнего.

К помощи удивительных талантов старца и вздумал как-то прибегнуть его друг и ученик — тот самый Григорий, который впоследствии, где-то во второй половине X века, составил жизнеописание Василия Нового. По-видимому, этот молодой

человек был одержим бесом любознательности. Во всяком случае, когда служанка Василия Нового — Феодора скончалась, Григорию захотелось во что бы то ни стало узнать, как покойница чувствовала себя при кончине, а главное, что случилось с ней, вернее, с ее душой, потом, то есть после смерти. А кто мог быть лучше в курсе всего этого, как не «святой» Василий, которому Феодора служила верой и правдой много лет?

По обыкновению, «святой» обратился к богу, который до сих пор выручал его во всех затруднительных обстоятельствах. Всевышний и на этот раз внял молитвам Василия Нового. Господь бог явил свою милость любопытному Григорию на следующую же ночь, устроив так, что старица Феодора сама предстала Григорию... во сне. Тут-то она и открыла ему, как ее душа «разлучилась от тела», как она претерпела смертные страдания и «что видела по своей кончине».

Этот рассказ Григорий тоже передал в своем жизнеописании Василия Нового. Для служителей православной церкви рассказ Григория стал таким же неиссякаемым источником сведений о загробном мире, как «видение» рыцаря Тнугдала и множество других, сходных с ним, — для католических церковников.

МЫТАРСТВА ПО ДОРОГЕ В РАЙ

Феодора еще только успела приблизиться к часу своей кончины, как ее обступили бесчисленные злые духи: лица их были черны, как сажа и смола, очи горели, как угли огненные...

Тут же явились и добрые духи — два светозарных ангела. Между теми и другими разгорелся спор из-за души старушки. Черти, как видно, собирались утащить Феодорину душу в адское пекло, у ангелов же намерения были совсем иные. Черти обосновывали свои притязания тем, что, мол, Феодора содеяла множество «злых дел» во дни своей юности. Ангелы, со своей стороны, решительно отражали бесовский натиск, указывая на обилие «добрых дел», сотворенных Феодорой в ее последующей жизни. Весь этот спор, заметим, происходил еще в то время, когда Феодора была жива-живехонька, хотя уже, как говорится, и дышала на ладан. Препирательству злых духов с ангелами положило конец появление уродливой костлявой смерти: взяв секиру, она, как повествует Григорию видение, отсекла сперва ноги Феодоры, потом ее руки, голову. В довершение всего смерть влила в уста Феодоры какой-то

горький раствор, в результате чего «душа», «не имея сил стерпеть горечи, содрогнулась и вышла из тела, как бы силою оторванная от него».

Спавшему Григорию, разумеется, не пришло на ум спросить рассказчицу: как же так, голова уже была отсечена от тела, а в него еще смерть влила какой-то колдовской состав, чтобы изгнать душу из телесной оболочки? Григорий продолжал слушать Феодору. А фантазия покойницы разыгрывалась все сильнее и сильнее.

После того как Феодорина душа была исторгнута из телесной темницы, ее немедленно подхватили ангелы, дабы увлечь в рай. Правда, черти не желали безо всякого упускать добычи из рук, но в распрю бесов и ангелов вмешался земной господин Феодоры — «святой» Василий. Он заявил, что бог, по его, Василия, молитвам, отдал ему Феодорину душу; пусть ангелы забирают ее и следуют с ней в райскую обитель. Черти завопили, но воля бога — закон.

Однако и после вмешательства чудотворца Василия, чары которого, видимо, имеют силу не только на земле, но и на «том свете», дорога в рай для души Феодоры была далеко не расчищена от препятствий. Оказывается, ангелов с их ношей и здесь подстерегали особые злые духи-мытари. Они требовали с каждой души, влекомой к небесам, в том числе и с Феодориной, платы, или выкупа за всякий грех, совершенный человеком при жизни. Эти заставы, которые преграждают душе путь к небу и на которых дежурят зловредные бесы, называются, как объяснила Феодора спящему Григорию, мытарствами (от слова «мыто» — подать), всего таких мытарств на райской дороге, как видно из ее же рассказа, два десятка. В чем состоит выкуп бесам? «Греху», за который мытарь тянет душу к ответу, нужно противопоставить «благое дело»: если оно перевесит, выкуп считается уплаченным. А если нет? О, черти сговорчивы, и лучше всего об этом знал «святой» старец Василий. Чтобы облегчить Феодоре прохождение через мытарства, он поступает так, как, верно, не раз поступал в многогрешной византийской столице — городе, славившемся мздоимством и сребролюбием своих чиновников. Препоручая ангелам Феодорину душу, он дал им мешок, наполненный чистым золотом, сказав при этом: «Когда будете проходить воздушные мытарства и лукавые духи начнут истязать душу сию, выкупайте ее этим из долгов ее. Благодатью божьей я богат и много собрал сокровищ трудами и потом своим,— и вот дарю я мешок душе сей, послужившей мне». Получив мешок со столь звонкими аргументами, перед которыми, как

полагает Василий, никакие мытари небесные не устоят, ангелы с Феодорой пустились в дальнейший путь.

Началось хождение по мытарствам. Сперва «нас встретили духи первого мытарства, на котором судят за грехи языка, за всякое слово праздное, бранное, бесчинное, скверное». Уже тут ангелам пришлось запустить руки в мешок с золотом и отсыпать чертям малую толику «того, что было даровано преподобным отцом моим Василием». Засим Феодора таким же образом проследовала через мытарства лжи, далее — через мытарства клеветы и чревоугодия. Здесь навстречу опять выбежали «злые духи». Одни из них держали блюда и сковороды с яствами, другие же чаши и кружки с питием, и «пища та и питие были подобны смердящему гною и нечистым испражнениям». Снова зазвенели золотые монеты — причем, по свидетельству Феодоры, в «немалом» числе, — и процессия тронулась дальше, ввысь: миновали мытарства лени, воровства, сребролюбия, гордости, ярости и гнева — всех не перечислить. Наконец, путешественники достигли своей цели — «святой обители», которая заранее была уготована богом преподобному Василию: ведь после своей земной кончины он должен был попасть в рай. Здесь-то и беседовала Феодора с крепко спавшим автором «Жития Василия Нового».

ЦЕНА ЗАСТУПНИЧЕСТВА

В рассказе о путешествии старицы Феодоры в рай бросается в глаза любопытное обстоятельство: его героиня — простая служанка, женщина, принадлежащая к разряду тружеников. Ей удастся благополучно пройти через заставы, преграждающие путь в рай, главным образом благодаря заступничеству своего щедрого господина, чье золото и на «том свете» оказывается столь же всесильным, как и на грешной земле. Тем самым делаются очевидными поучительный смысл и непосредственный адресат повествования: оно явно рассчитано было на простых тружеников, на то, чтобы убедить их в необходимости верою и правдою служить своим господам при жизни — в этом случае они наверняка могут рассчитывать на хозяйскую поддержку в загробном мире, без которой им не суждено проложить своей душе дорогу в райские пределы.

Что же касается самих «мытарств», то служители православной церкви придумали сказки о тернистом пути, ведущем в рай, с корыстной целью. Православная церковь и по сей день учит: чтобы душа покойного преодолела мытарства и была взята богом в рай, она нуждается в помощи с земли, а

именно — в помощи со стороны духовенства. Помощь эта состоит в молитвах, читаемых за усопшего, в частых поминовениях его перед богом, в колокольном звоне, в молитвенных песнопениях. Все эти обязанности заступничества за душу, расставшуюся с телом, перед небесным владыкой духовенство берет на себя, но, разумеется, за плату, вносимую родственниками умершего христианина.

На этом условии священники охотно соглашались поддерживать его душу в потустороннем путешествии, и даже если ее обладатель был не безгрешен в земной жизни — вымолить у бога прощение грешнику, дабы душа его удостоилась райского блаженства. Для большей верности заступничества православный священник снабжает покойника особой сопроводительной грамотой: в правую руку мертвеца, если он «скончался в вере», вкладывается разрешительная грамота — в ней как бы удостоверяется, что покойный был православным, что он погребен, как того требует религия, и — это важнее всего — что он внес церкви необходимую мзду. Во время молитв священник постоянно напоминает всевышнему о добрых делах «подопечного». Благоклонно выслушивая своих хорошо оплаченных родственниками покойного земных слуг в рясах, господь милостиво определяет душе, с помощью тех же слуг мнящейся мытарства, теплое местечко в раю.

Такова нехитрая подоплека предрайских «мытарств». Впрочем, в православной церкви учение о странствовании души грешника после его смерти разработано в довольно общем виде. Католическая церковь преуспела в этом направлении гораздо больше: в XV в. Флорентийский собор принял в качестве официального догмата католицизма целую теорию о существовании особого отдела загробного мира — чистилища, где души умерших грешников могут очищаться от грехов, которые не были искуплены ими при жизни, и затем, очистившись, удаиваться рая. Средствами очищения душ служат «испытания», которым в чистилище подвергаются эти души, а в особенности молитвы, творимые на земле близкими, родичами покойного и, конечно, в первую очередь духовенством. В искусстве собирать приличную мзду за молитвы католические священнослужители всегда показывали образец усердия...

ВОСЛЕД ПОЭТУ

Повесть рыцаря Тнугдала о путешествии по аду и рассказ старицы Феодоры о странствованиях по мытарствам дополняют друг друга. В одном описана дорога в рай, усеянная пре-

градами-мытарствами, в другой нарисован ад. Список христианских путешественников по загробному царству не исчерпывается этими двумя именами. Конечно, все рассказы католических и православных святых, посещавших «тот свет» во сне — одни в течение ночи, другие, впад в длительный летаргический сон, — чистейшая фантазия. Это очевидно каждому здравомыслящему человеку. Тем не менее, опираясь именно на такие фантастические домыслы, христианские ученые-богословы подробно разработали целую систему представлений о «том свете», его устройстве и назначении.

Этими богословскими представлениями в начале XIV века по-своему воспользовался Данте Алигьери, автор знаменитой «Божественной комедии», о которой бегло уже говорилось в начале нашей книги. Хотя великий итальянский поэт, живший на грани средневековья и нового времени, в эпоху раннего Возрождения, во многом был далек от сурового монашеского аскетизма и того пренебрежения к земным радостям, которые церковь в его время предписывала верующим людям, а к тому же являлся активным борцом против папства, препятствовавшего национальному единству Италии, все-таки он не в малой степени еще разделял и старые, традиционные воззрения богословов на мир и прежде всего на загробный мир. Силой своего изумительного поэтического воображения Данте, человек несомненно верующий, как и все в ту эпоху, нарисовал его так живо, что ни один рассказ, даже самого изощренного из схимников, людей «святой жизни», не сравнится по яркости и выразительности с вдохновенными описаниями флорентийца.

Правда, Данте, горячо любивший жизнь во всех ее проявлениях, сам активно участвовавший в политической борьбе у себя на родине, расценивал происходящее на «том свете» часто совсем не так, как святые Тугдалы, Патрики и Терезы. Мы увидим, что, обличая, например, корыстолюбие церкви, ее пап и кардиналов, называя апостольский престол «кровавой и грязной клоакой», поэт помещает в ад, рисующийся его воображению, нескольких пап и многих других представителей католического духовенства. С другой стороны, в раю оказываются еретики, осужденные церковью, — калабрийский монах Иоахим Флорский, провозгласивший скорое наступление мира правды на земле и философ Сигер Брабантский, магистр Парижского университета, за вольнодумство брошенный в папскую темницу и убитый по повелению папы. Да и вообще поэт, предвестник гуманистического мировоззрения, рисовал «тот свет» сквозь призму человеческого восприятия, в высшей степени реалистично, без богословской мистики. Тем не менее

картины, созданные Данте, по своим общим контурам в принципе соответствуют католическим, богословским изображениям «того света», так что по ним хотя бы отчасти можно составить себе представление о том, чему учила церковь, устрашая верующих загробными муками.

Подчеркнем, однако, что определенная близость дантовских фантазий и богословских конструкций католицизма — это близость лишь общих контуров: многое, рассказанное Данте о географии «того света», о распределении мук и блаженств, о последовательности ступеней ада и о причинах, по которым души попадают на ту или иную ступень, в то или другое отделение загробного мира, вовсе не укладывается в рамки католического вероучения и даже подчас граничит с «вольнодумством».

Данте совершил свое вымышленное путешествие в загробный мир в 1300 году, когда ему было 35 лет. Как рассказывает сам поэт, дело происходило так:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каким образом попал он в лес, этого поэт никогда не мог вспомнить, ибо именно в ту минуту, когда он сбился с дороги, им овладел сон. Выбравшись было затем из темной лесистой долины, Данте неожиданно подвергся нападению трех зверей: то были пантера, лев и волчица. Спасения ради пришлось вернуться обратно в лес. Вдруг навстречу Данте вышел римлянин Вергилий, автор прославленной поэмы о приключениях Энея, основателя легендарной Трои, где рассказывалось, между прочим, и о сошествии героя в ад.

Данте попросил у своего великого собрата по искусству защиты от хищников:

«Спаси,— воззвал я голосом унылым,—
Будь призрак ты, будь человек живой!»
Он отвечал: «Не человек; я был им...»

Великодушный римлянин, которого, как выяснилось, послала возлюбленная Данте, прекрасная девушка Беатриче (она тоже давно умерла и пребывала в раю), тотчас, однако, предложил ему свою поддержку. Чтобы избежать клыков волчицы, сказал Вергилий, есть лишь одно средство: Данте должен последовать за ним, Вергилием, в загробный мир.

Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу.

И поэт-флорентиец, подав руку поэту-римлянину, своему избавителю, вступил вместе с ним в таинственный «тот свет».

Данте двинулся в мысленное странствование по загробному царству, искренне веря в его реальность. Соображения, которые он высказывает в своей поэме о топографии потустороннего мира, — это соображения религиозно убежденного человека, переплетающиеся там и сям с поэтическими вымыслами, это как бы его гипотезы и догадки, слитые с фантазиями, причем те и другие неразрывно связаны с современными поэту представлениями об устройстве мира и земли.

Действительно, устройство мира Данте представлял себе согласно воззрениям своей эпохи, подтвержденным церковными авторитетами и опиравшимся на суждения признанных церковью ученых древности — Аристотеля и Птолемея. Вселенная рисовалась в средние века, примерно, таким образом. В ее центре — земля. Вокруг нее обращаются планеты и солнце — каждое светило на своем небесном своде. Посредине обитаемой части земли, или, по-нашему, северного полушария (которое, однако, в соответствии с системой мира, нарисованной Аристотелем и Птолемеем, пребывает «внизу»), находится священный город Иерусалим, где жил и умер евангельский Иисус Христос, а по краям, в равном удалении от Иерусалима, — река Ганг (на востоке), текущая с запада на восток, Геркулесовы столпы (по-нашему, Гибралтар) и испанский город Кадикс (на западе). Остальная часть земного шара покрыта водами океана.

В подземной бездне помещается ад — самое главное отделение «того света», а где-то на высоте, на девяти небесах, окружающих землю, расположено второе такое отделение — рай. Есть и еще одно отделение загробного мира — чистилище, где души умерших грешников могут очищаться от грехов, которые они не искупили при жизни и, очистившись, попасть в рай. Это представление — особенность католического вероучения. Православие и протестантизм отвергают учение о существовании чистилища.

Ад, безусловно, основная часть христианского потустороннего мира. По теориям богословов, ад образовался во времена сотворения мира, когда всемогущий господь низверг на землю взбунтовавшегося против него мятежного ангела Люцифера. Бунтовщик был сброшен вниз: стремглав полетел он головой вперед, пробил земную оболочку, внедрился в глубь земли и навсегда застрял в ее середине. При этом Люцифер остался в живых, но превратился в дьявола. Вот вокруг него-то и разместилось адово подземелье. Оно представляет собой, в изображении Данте, громадную пропасть в виде воронки, сужающейся книзу. Заостренной своей частью она вы-

ходит прямо в центр Земли (сюда помещал ад сам Фома Аквинский!), а верхней, широкой — почти к поверхности северного полушария. Внутри этой гигантской воронки — девять важнейших отделов, расположенных один под другими концентрическими кругами: Они образуют своего рода отдельные ступени ада. В аду протекают реки, соединяющие эти круги друг с другом, однако каждый круг предназначен для наказания особой категории грешников, в каждой всевышний по особому казнит тех, кто в своей земной жизни вел себя не так, как угодно богу, причем более тяжкие грешники размещены ниже от поверхности земли. Описания девяти кругов ада, всей его топографии выполнены поэтом в такой степени рельефно и детально, что позднее комментаторы его «Комедии» смогли прямо-таки графически изобразить царство теней: они начертили схему адовой воронки, исчислили длину кругов, высоту подъемов, направление маршрутов, которыми проходили во время своего загробного странствования Данте и его провожатый. Все это ученые-дантоведы сделали, основываясь на конкретных указаниях поэта, чуждого всякой расплывчатости.

Однако мы не станем вдаваться в подробности топографии дантова «того света». Нас интересует в первую очередь другое: за что и каким именно образом мучаются здесь бесплотные тени, которые, впрочем, у Данте имеют облик живых человеческих существ? Об этом флорентийский поэт повествует гораздо более обстоятельно, чем святые отшельники, которым, при всем их благочестии, явно не доставало воображения.

«ЗДЕСЬ НУЖНО, ЧТОБ ДУША БЫЛА ТВЕРДА»

Еще у входа в адскую воронку Данте увидел начертанные над ним в вышине скорбные и полные отчаяния слова: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Вот врата, ведущие в ад. В его преддверии томятся души тех, кто еще не успел переправиться через адскую реку Ахерон, и души ничтожеств, проживших жизнь «без хулы и без хвалы», слабых и нерешительных, тех, кто не изведал «ни славы, ни позора смертных дел». Их даже пропасть ада не принимает, так же, как и ангелов, оставшихся в стороне при схватке архангела Михаила с восставшим против бога Люцифером. Нейтральным нет места ни в аду, ни в чистилище, ни в раю.

Они не стоят слов: взгляни — и мимо! — так Вергилий говорит о них Данте.

Преддверие ада не было предусмотрено средневековым богословием. Эта часть геенны огненной целиком принадлежит к сфере дантовой фантазии, по-своему исправлявшей и дополнявшей богословские представления.

Автор «Комедии» отступает от католической традиции и дальше, рассказывая о том, как он со своим поводырем спустился в первый круг ада. Лодочник-перевозчик Харон, старик, «поросший древней сединою», обрисованный некогда в Вергилиевой «Энеиде» и превращенный Данте в беса, переправляет сюда души через мутный Ахерон. Здесь, в первом кругу, на краю ада, у страшного срыва, находится Лимб: в его мерцающем полусвете-полумраке пребывают тени язычников-праведников, живших «до христианского ученья». В их числе Данте узнает выдающихся поэтов Греции и Рима — Гомера, Горация, Овидия, Лукана, прославленных античных философов — Демокрита, Платона, Сократа и многих других. Несмотря на все их заслуги перед человечеством, дорога в рай им закрыта церковью:

...Не спасут
Одни заслуги, если нет крещенья,
Которым к вере истинной идут.

Понимая это как человек веры, Данте, вскормленный творениями греко-римской культуры, не в силах, однако, заточить античных поэтов и мудрецов в ад. Ведь на них нет вины за то, что они чтили «бога не так, как мы должны». Идя вразрез с богословскими канонами, Данте поселяет их в Лимбе, где, собственно, они не подвергаются мучениям, где зеленеет луг, бежит приветливый родник и где души праведных язычников лишены только одного — лицемерия бога. Сюда же Данте, провозвестник гуманистических идей, поместил, кстати, и мусульман, обладавших превыше всего ценными им высокими качествами ума и сердца, отвагой и благородством духа, — египетского султана Саладина, не раз наносившего поражения воинству римских пап, крестоносцам, и видного арабского философа Аверроэса, который, между прочим, отрицал загробную жизнь...

Настоящие мучения начинаются во втором кругу ада, куда спустились из Лимба наши путешественники.

Он менее, чем тот,
Но больших мук в нем слышен стон печальный.

В густом мраке, в тьме крошечной воеет неистовая буря.

...Адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.

В этом диком вихре безостановочно пролетают души тех, кто осужден за грех «сладострастия». Среди них — прекрасная Франческа да Римини и ее возлюбленный Паоло. Выданная замуж за хромого и уродливого синьора Римини, Франческа влюбилась в его красавца брата Паоло. Муж убил и ее и ее возлюбленного. И вот они оба, познавшие все счастье «греховной», плотской любви, — в аду.

Тут же, во втором круге, многие герои и героини древности и средневековья, страдающие за свою невоздержанность. Как верующий католик, Данте карает всех их в аду: ведь церковь осуждала прелюбодеяние! Как человек гуманистического склада, поэт сострадает жертвам любви. Прослушав рассказ прекрасной Франчески, он лишается чувств от сострадания к ней и ее возлюбленному:

...И мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.

Третий круг ада. Входящих встречает отвратительное существо — трехголовый пес Цербер, «хищный и громадный». Его не прекращающийся лай режет слух путников. Под эту «собачью» музыку мучаются обжоры: на них валит снег, сыплется тяжелый град, льет гной, и нет избавления от муки.

Еще ниже спускаются Данте с Вергилием — в четвертый круг. Здесь терзаются скупцы и с ними — расточители. Идя стеной друг на друга, они тащат на себе невероятные тяжести, сшибаются и с воплем бредут назад,

...крича друг другу
«Чего копить?» или «Чего швырять?» —
И двигаясь по сумрачному кругу,
Шли к супротивной точке с двух сторон,
По-прежнему ругаясь сквозь натугу;
И вновь назад, едва был завершен
Их полукруг такой же дракой хмурой.

Отправить в ад скупцов, тех, кто предавался «излишествам алчности», а также и тех, кто «расходовал не в меру», Данте в определенной мере предписывала официальная церковная доктрина, расценивавшая корыстолюбие как грех. На эту тему не раз высказывались и древние «отцы церкви» и средневековые богословы, осуждавшие страсть к накопительству. «Обладающий излишним, — учил блаженный Августин, — владеет чужим имуществом». Другой «отец церкви» Климент Александрийский, хотя и считал, что обладание богатством само по себе не препятствует спасению, однако лишь при условии, что богач выкинет из души «неверные мнения относительно богатства, жадность и стремление к нему, скорби о нем». В

свою очередь «ангелический доктор», как именует католическая церковь за его богословскую ученость Фому Аквинского, объявлял корыстолюбие грехом, «в силу которого человек стремится приобрести или сохранить больше богатства, чем ему необходимо».

Однако Данте предал смертным мукам скупцов и мотов в своей «Комедии» не только потому, что как убежденный католик следовал подобным взглядам, не только потому, что отстаивал средневековую религиозную мораль, отвергавшую грех корыстолюбия. Поэту в еще большей мере претил дух жадности и стяжательства, дух первоначального накопления, овладевавший все глубже жизнью современной ему Италии и пагубно сказывавшийся прежде всего на положении народа. Алчность, превратившая золото в кумир, жажда наживы, овладев сердцами, развязали самые низменные инстинкты. Стяжательские устремления захлестнули и духовенство во главе с папством. Церковь — это открыто утверждали «еретики», выражавшие настроения и чаяния трудового люда, — сошла «с праведного пути», погрязла в приобретательстве; ее необходимо, говорили они, лишить богатств, вернуть ко временам раннего христианства.

Примерно таким же образом оценивал положение и Данте. Он с ненавистью относился к миру стяжательства. Поэт обличал его, осуждал обуявшую современников «слепую корысть», «безмерную жажду обогащения», справедливо полагая, что она порождает взаимные распри и убивает в людях все человеческое. Он возмущался, что «местом торга сделан храм».

Воззрения Данте как бы соприкасались в этом пункте с «еретическими» взглядами, были созвучны настроениям народных масс. Он протестовал против буржуазной алчности и скаредности, взваливавшей непосильное бремя эксплуатации и нищеты на землепашцев, виноградарей и мастеровых, бичевал мир наживы, в котором попираются истинно человеческие начала, а все, поддавшиеся страсти к наживе, преисполняются жгучей ненавистью и бессмысленно бьются между собой. Вот потому-то Данте и обрек на адские муки тех, «кто недостойно тратил и копил».

Между прочим, в четвертом кругу ада немало римских пап и кардиналов. Данте не остановился перед тем, чтобы поместить сюда высоких сановников церкви, а с ними и множество прочих лиц духовного звания.

«Те — клирики с пробритым гуменцом;
Здесь встретишь папу, встретишь кардинала,
Не превзойденных ни одним скупцом».

Данте хочет узнать в толпе теней каких-либо знакомых ему людей, однако Вергилий, к которому он обращается, говорит:

«Тебе узнать их не дано:
На них такая грязь от жизни гадкой,
Что разуму обличье их темно».

Как видим, и здесь дантово представление об адожителях лишь отчасти совпадает, но во многом и существенно расходится с католическим. То же самое можно сказать и об изображении поэтом всех остальных кругов преисподней.

Из четвертого Данте и Вергилий незаметно попадают в пятый круг. Здесь, в багрово-черном омуте ручья, впадающего в Стигийские болота, мучаются гневливые.

Была свирепа их толпа нагая.
Они дрались не только в две руки,
Но головой, и грудью, и ногами,
Друг друга норовя изгрызть в клочки.

Отсюда видны раскаленные каменные башни адского града Дита, с которого открываются нижние круги ада, где мучаются наиболее тяжкие грешники. Вход в него охраняют кровавые и бледные фурии, обвитые зелеными гидрами, и голова Медузы, обращающей всякого, кто взглянет на нее, в камень. Сам Вергилий бледнеет перед этой преградой, но над адскими безднами появляется небесный вестник, по воле которого перед путниками раскрывается и этот, шестой круг.

В могилах, раскаляемых ползущими огнями, казнятся еретики и их руководители — ересиархи.

Была раскрыта каждая могила,
И горестный свидетельствовал стон,
Каких она отверженцев таила.

Тут же, в горящей земле, те, кто отвергал бессмертие души, «эпикурейцы», в том числе император Фридрих II и епископ болонский Оттавиано дельи Убальдини, а на краю обвала над седьмым кругом — папа римский Анастасий II, которого церковное предание изображает святым.

В седьмом круге мучаются насильники, убийцы, грабители. Это прежде всего те, кто убивал других людей: полководцы, вроде Александра Македонского или Аттилы, притеснители-тираны, жаждавшие крови и золота. Они беспомощно барахтаются в кипящих волнах кровавой реки Флегетона, образующей первый пояс седьмого круга. Как только эти жалкие тени пытаются вылезти на берег, их поражают стрелами чудовища, скачущие вдоль берега, полулюди, полукони — кентавры.

В седьмом кругу, кроме этого пояса, есть еще два других.

Второй наполняют самоубийцы: они наказаны тем, что превращены в деревья, которые терзают хищные птицы-чудища с женским обликом — гарпин. Это — лес самоубийц. В третьем поясе того же круга, в пустыне, «где нет роста живого», обитают те, кто запятнал себя насилием против бога и природы — богохульники, ростовщики, те, кто предавался половым извращениям (содомиты).

Кто был повержен навзничь, вверх лицом,
Кто, съжившись, сидел на почве пыльной,
А кто сновал без усталости кругом.
Разряд шагавших самый был обильный.

Всех их поливает непрерывный огненный дождь.

Особенно тяжело достается здесь ростовщикам, которые сидят над обрывом седьмого круга «в горе молчаливом». Среди них Данте узнает своих соотечественников — флорентийских менял и ростовщиков.

Из глаз у них стремился скорбный ток;
Они все время то огонь летучий
Руками отстраняли, то песок.
Так чешутся собаки в полдень жгучий,
Обороняясь лапой или ртом
От блох, слепней и мух, насевших кучей.

Причисляя ростовщичество к тягчайшим грехам, Данте, с одной стороны, тоже следует церковной доктрине: «Взаимы давайте, не ожидая ничего», — гласит евангелие (Лука, гл. 6, ст. 35). Доход ростовщиков считался в средние века аморальным и греховным. Отдача денег в рост не раз осуждалась богословами, проповедниками, церковными соборами, папскими декретами. Поступая таким образом, церковь руководствовалась представлениями, выработанными христианством, — о том, что собственность не должна приносить доход, да и вообще земная активность не может иметь целью умножение богатства: главное для христианина — спасение души. На практике, впрочем, церковные осуждения затрагивали лишь мелких ростовщиков, а крупные, включая итальянских банкиров, пользовались даже покровительством папства, прибегавшего к их услугам.

С другой стороны, поэт, осуждая ростовщический процент, бичует его как одно из проявлений ненавистной ему алчности, власти золота, как извращение человеческой природы, ибо ростовщик ведь торгует в сущности временем — божьим творением, являющимся общим достоянием. Именно поэтому Данте сопоставляет французский город Каорсу, денежные люди которого были известны своими ростовщическими опера-

циями, с библейским городом Содомом, уничтоженным божьим гневом за противоестественные пороки его жителей. С точки зрения Данте,

...Ростовщик чернит пороком
Любовь Творца.

...Превозмогая ужас, поэт спускается со своим провожатым еще ниже, в восьмой круг. Сюда низвергается крутой водопад, и путников переносит на себе Герийон — дракон с чело-вечьей головой, чудовище, символизирующее обман. В вось-мом кругу — десять ям, или Злых Щелей. В каждой из них казнятся лжецы и обманщики. В одной обольстителей стегают длинными кнутами рогатые черти, обрушивая на избиваемых страшные удары, которые наносят глубокие раны. В другой льстецы принимают «ванну» из зловонных испражнений. В третьей — еще более удивительное зрелище. Какие-то суще-ства воткнуты головой в землю; их ноги торчат наружу, об-жигаемые змеящимся пламенем. Всякий вновь появляющийся здесь заталкивает своего предшественника глубже в землю. Это те, кто при жизни торговал церковными должностями, получал и продавал доходные церковные местечки вместе с со-ответствующим саном. В числе этих грешных душ — папа римский Николай III Орсини, признающийся Данте:

...Я так жадно
Копил добро, что сам в кошель зажат.

На очереди — современник поэта жадный Бонифаций VIII. Услышав голос Данте, Николай III решил, что это Бонифа-ций VIII, пришедший его сменить за три года до срока. Данте хочет здесь сказать, что Бонифацию VIII за его деяния еще при жизни уготован ад. Под Николаем III

...Набилось их изрядно,
Церковных торгашей, моих предтеч,
Расселинами стиснутых нещадно.

Данте и тут выступает гневным обличителем современного ему папства, избравшего себе в супруги алчность. Поэт изли-вает свои мысли в «речах громогласных», обращенных к като-лическим пастырям его эпохи:

Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных...
Сребро и золото — ныне бог для вас.

Обращаясь к Николаю III, который, слушая его, корчится и дрыгает ногами, «совестью иль гневом уязвленный», Данте го-ворит:

«Торчи же здесь: ты пострадал за дело;
И крепче деньги грешные храни...»

А стоящий рядом Вергилий

Глядел с улыбкой благосклонной;
Как бы довольный тем, что так правдив
Звук этой речи, мной произнесенной.

Четвертая яма предназначена для колдунов и прорицателей. Головы у них вывернуты назад; от боли они все время плачут, и слезы из глаз капают на спины. В кипящей смоле пятой ямы варятся лихоимцы и прочие преступники, виновные в нарушении служебного долга. Как только они пробуют выбраться из своего варева, тотчас черти подхватывают их на вилы.

Шестая яма: тут изнывают под тяжестью одежды из позолоченного свинца лицемеры. В седьмой яме — воры, их пожирают змеи. В восьмой — дурные советники, каждый заключен в огромный гудящий огненный столб. Девятая яма — место казни политических интриганов и лжерелигиозных вероучителей. Их все время бьет мечом демон. Между прочим, тут — Мухаммед, основатель ислама. В десятой яме задыхаются в собственном зловонии подделыватели документов.

Спуск двух поэтов продолжается. Гигант Антей, один из тех, кто некогда восстал против Зевса, низводит их в девятый, последний круг ада. Здесь терзают изменников и предателей. Этот круг — ледяное озеро. В него вливается еще одна адова река — Коцит. Здесь тоже четыре отделения: в одном казнятся убийцы близких родичей, в другом — предатели отчизны, в третьем — предавшие друзей, в четвертом — те, кто восстал против бога. Сам повелитель преисподней Люцифер грызет в своей тройной пасти убийц Цезаря — Брута и Кассия, изменивших первому римскому императору, и Иуду Искарiota, предавшего Иисуса Христа.

Таков дантов ад. Точностью своей топографии, яркостью красок, обилием и изощренностью мук, уготованных для грешных душ, он намного превосходит убогие выдумки святых отцов. Распределение же грешников за их провинности по тем или иным адским кругам во многом не согласно у Данте с официальным, церковным учением. Было особенно большой смелостью упрясть в адское пекло видных руководителей католической церкви, пап римских, считавшихся безгрешными. Ад «Божественной комедии» лишь в принципе, по идее воспроизводит традиционный ад христианских церковников. Зачастую поэт наполняет принятую схему совсем иным содержанием, имеющим мало общего с католическим учением о «том свете».

Впрочем, и фантазия монахов, и фантазия поэтов имела один общий источник — реальную жизнь. Почти все адские муки, описываемые и в «видениях», и в поэме Данте, взяты авторами этих описаний из действительности. Жизненная канва только разрисовывалась в большей или меньшей степени фантастическими узорами.

И в самом деле, разве пытки и истязания, на которые якобы осуждены грешники в аду, не напоминают во многом те мучения, которые на деле испытывали по воле феодального правосудия десятки и сотни тысяч людей в средние века? Несомненно, фантазия о геенне огненной и в жестокие времена рыцаря Тнугдала и в не менее жестокую эпоху Данте навевала сама жизнь. Тогда ведь наяву сжигали заживо на кострах, поджаривали в камерах пыток, закапывали живыми в землю, бичевали хлыстами, бросали в сырые подземелья, вырывали языки, отрезали уши, вешали и четвертовали. Воображению оставалось не так уж много работы, чтобы свести в единую картину адских мучений самые изощренные приемы, которые применяли средневековые судьи и палачи для расправы со своими бесчисленными жертвами.

Сохранилась поэтическая легенда о разговоре двух сестер-итальянок, жительниц города Вероны, с Данте, которого они повстречали однажды на улице: знаменитый поэт жил в городе одно время после того, как был изгнан из родной Флоренции своими политическими противниками. Вот как передает эту легенду немецкий поэт прошлого века Эмануэль Гейбель в своей балладе «Дант».

Шел по улице Вероны как-то раз поэт великий,
Тот, которого изгнали флорентийские владыки.
Шел он, в думу погруженный, и услышал голос звонкий;
Это девушка сказала маленькой своей сестренке:
«Это — Данте Алигери, побывал он в безднах ада,
На челе его высоком — гнев и горькая досада.
Столько ужасов он видел, столько скорби душу гложет,
Что, наверно, улыбаться никогда уж он не сможет».
Данте, услышав, обернулся: «Разве нужно непременно,
Чтобы позабыть улыбку, опуститься в мрак геенны?
Все, что пел я, все страданья, боль и ужас нашей жизни,
Видел я на этом свете, во Флоренции, в отчизне».

Очень меткое наблюдение высказал по этому поводу один комментатор «Комедии», заметивший, что у Данте «ад в то же время Флоренция». Недаром он «так переполнен флорентинцами, что туда не могут пробиться грешники из тогдашнего довольно обширного мира».

Чего стоят все описания ада (о рае мы уж не рассказываем: он обычно рисуется в общих и довольно однообразных чертах в виде благоухающего сада, в котором «спасенные» предаются ничегонеделанию), говорить не приходится. Это сказки и очень наивные. Но каким образом они появились на свет, иначе говоря, как возникла религиозная вера в загробный мир?

Приоритет в создании этой религиозной выдумки тоже не принадлежит христианским богословам средневековья. Сказки о загробном мире сложились десятки тысяч лет назад, в первобытные времена. Первобытные люди имели превратное представление о мире и о самих себе. Их воображение населяло природу духами, которые якобы и управляют всем, что в ней происходит. Считалось, что каждый человек тоже имеет некоего двойника-душу: во время сна и после смерти она покидает тело. Куда же девается этот двойник, отрываясь от своей телесной оболочки? Первобытные люди, почитавшие умерших родственников и к тому же боявшиеся мертвецов, были убеждены в существовании какого-то загробного мира. Загробный мир, по их представлениям,— это и есть то место, куда переселяются души и где они пребывают после смерти тела.

Верования некоторых отсталых народов — а по ним можно до некоторой степени судить и о верованиях первобытной эпохи — показывают, что нашим далеким предкам жизнь в «стране без возврата» рисовалась очень похожей на земную. Североамериканский охотник-индеец из племени алгонкинов был уверен в том, что, перейдя в страну умерших, его душа будет там вести тот же образ жизни, к которому сам он привык на земле: так же, как и в этом мире, она будет охотиться за лосями и бобрами, вернее, за их душами, также будет гоняться за ними по снегу на лыжах, то есть на душе лыж.

Разным народам этот загробный мир представлялся по-разному — в зависимости от того, в каких условиях они сами жили. Большое значение имели, в частности, способы погребения покойников, которые практиковались в тех или иных странах. Многие хоронили своих мертвецов в пещерах: недаром ученые-археологи находят здесь древнейшие захоронения. Естественно, что и представление о загробном мире у таких племен складывалось очень мрачное: «тот свет» рисовался им в виде темного подземного обиталища. Со временем к этой «тьме крошечной» фантазия добавила бушующее пламя: такую картину нетрудно было нарисовать тем, кто воочию видел огнедышащие вулканы, спасался от страшных извержений

или наблюдал горячие источники, вытекающие прямо из земли. Так складывалась одна группа первобытных представлений о «том свете», которые в позднейших религиях выступили уже в виде фантастической «геенны огненной» со всеми ее ужасами. Характерно, что и некоторые христианские богословы, как католические, так и православные, местоположением ада считали жерла вулканов. Были, однако, в седой древности народы, которые, напротив, загробное царство представляли себе светлым и солнечным и притом помещали его не под землю, а в заоблачные выси. Такие взгляды тоже имели свои земные корни: ведь не все хоронили покойников в пещерах. Некоторые народы устраивали погребения на вершинах гор, прямо под палящими солнечными лучами. Какой же иной могла рисоваться им загробная жизнь, кроме как светлой, протекающей где-то над облаками, среди яркого солнечного сияния?

Так уже в первобытные времена религиозная фантазия породила разные представления о загробном мире, и материалом, из которого строились эти фантастические выдумки, была живая действительность.

Характерно при этом вот что: первобытным людям и в голову не приходило, что души покойников попадают на «том свете» в разные условия, что одни будто бы блаженствуют в тепле и сытости, наслаждаясь солнечным светом, а другие пребывают в мрачном подземелье в холоде и голоде. В те отдаленные времена еще не было неравенства среди людей, живших родовым строем, и загробный мир тоже представлялся одинаковым для всех. Правда, были добрые и злые духи: души сородичей и души врагов. Первые помогают живущим, вторые приносят бедствия, но в остальном на «том свете» все равны.

Прошли десятки тысяч лет. Исчезла обособленность родов и племен. Образовались устойчивые племенные союзы и народности. А главное — в обществе появились богачи и бедняки, рабовладельцы и рабы, люди, обладающие властью, и люди, лишенные прав. Изменялась общественная жизнь, и представления о загробной жизни тоже постепенно изменялись.

С объединением людей в большие коллективы появлялись общие представления, в которых как бы сливались воедино прежние «тьма кромешная» подземного царства и сияющие горные обитатели заоблачной «страны без возврата». И что особенно важно, в новых условиях стало казаться — а жрецы (то есть служители религии в древних государствах) всячески поддерживали и развивали такие представления, — что посмертная судьба людей тоже различна.

О душах богачей заботятся их оставшиеся в живых род-

ственники, снабжая умерших пищей и питьем, давая им «в путь» оружие, коней, рабов (их убивали и клали в могилу знатного человека вместе с прочим инвентарем). Конечно, душа богача и на «том свете» будет жить в таком же довольстве, в котором он провел земную жизнь, и, конечно, она попадет в светлое солнечное царство.

Иная участь ждет душу бедняка. Его нищие родичи ничем не могут ей помочь, они и сами ведь живут впроголодь. Бедняка снаряжают в загробный мир очень скудно. И, разумеется, сам он не оправится с теми препятствиями, которые встретят его на «том свете», сам он не одолеет ни узких тропинок, ведущих меж крутых обрывов к светлым горным вершинам, ни козней злых духов. Душа бедняка неизбежно будет ввергнута в глубь земли, в «тьму кромешную» и навеки исчезнет там.

Так, в религиях раннего классового общества произошло разделение загробного царства на рай и ад. Рай оказался предназначенным для богачей, ад — для бедняков, а «тот свет» рисовался светлым счастливым — для первых, мрачным и ужасным — для вторых.

Позднее жрецы, чтобы как-то утешить бедняков и примирить их с земными страданиями, с нищетой и несправедливостью, придумали сказки о том, что посмертная судьба зависит в первую очередь от того, как люди вели себя при жизни, то есть были ли добрыми праведниками или запятнали себя преступлениями-грехами. Праведникам — так стали учить религии, сформировавшиеся в классовом обществе в пору его зрелости, — загробная жизнь станет как бы посмертной наградой за их земные заслуги, грешники же получают после смерти справедливое возмездие за свои грехи. Такие взгляды возникали и распространялись в разное время у древних египтян, индусов, евреев, среди греков, римлян и других народов. Чем невыносимее становились тяготы жизни трудового люда и чем меньше было надежды на то, что удастся изменить земные порядки, тем больше жрецы старались укреплять слепую, но утешительную веру в то, что страдальцам-беднякам сторицей воздастся на «том свете» вечным блаженством и, напротив, тем, кто «здесь» причиняет страдания — богачам и насильникам — «там» суждено подвергаться тяжким мучениям.

БОГАЧУ АД, БЕДНЯКУ — РАЙ

О том, кто и за что очутится после смерти в раю, а кто — в адском пламени, писали уже авторы евангельских книг. В евангелии от Луки рассказывается притча о некоем богаче

и нищем Лазаре. Богач всю жизнь провел в роскоши и каждый день устраивал пышные пиры. Лазарь был нищим и лежал у ворот его в струпьях; он питался крошками, падающими со стола богача, то есть объедками, и «псы, приходя, лизали струпья его» (Лука, гл. 16, ст. 21). Но вот нищий умер, и ангелы отнесли душу его на небеса. Когда же умер богач, душа его попала в ад. Мучаясь в аду, он обратился с просьбой к праотцу Аврааму умилосьердиться и послать к нему Лазаря, «чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем». Но Авраам отказался выполнить просьбу богача: «Вспомни,— ответил он ему,— что ты получил уже доброе в жизни своей, а Лазарь — злое: ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь». Между раем и адом, добавил Авраам, имеется большая пропасть, «так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лука, гл. 16, ст. 24—26).

О рае и об аде в этой назидательной притче говорится лишь в очень общих чертах. Из нее ясно, однако, что беднякам надлежит искать утешения в мысли о том, что они, подобно нищему Лазарю, удостоятся вечного блаженства в раю, а богачи, вдоволь насладившиеся жизнью, получают наказание в адском пламени.

В дальнейшем усилиями средневековых христианских богословов и монахов рай и в особенности ад обросли многими фантастическими подробностями. Но первоначальная, дохристианская основа всех этих сказок уцелела. А главное, сохранился основной классовый смысл представлений об аде и рае. В чем же он заключается? Зачем нужны были, да и сейчас нужны церковникам ад и рай? Зачем до сих пор служители христианского культа распространяют подобные сказки среди верующих? И не только священники — католические, православные, протестантские; этим занимаются и мусульманские муллы, и еврейские раввины, хотя и на свой лад.

Нельзя думать, что фантастические рассказы, которые сочиняли в средние века святые путешественники в несуществующий загробный мир,— это одни лишь пустые бредни, болезненные галлюцинации, игра воображения. За выдумками христианских богословов кроется враждебная трудящимся политика правящих классов. Цель, с которой придумывали побасенки о рае и аде, была вполне определенной. Ту же цель преследовали и преследуют поныне церковнослужители, распространяющие эти фантазии в своих проповедях и поучениях — пусть несколько на иной манер, с иными акцентами, чем во времена Тнугдалов и Феодор, пусть сами эти проповеди

и поучения преподносятся сегодня, в частности, католикам, не столько с амвона, сколько с помощью кинофильмов, радио- и телевизионных передач.

В классово-антагонистическом обществе церковь всегда была и по сей день остается опорой эксплуататоров. Она использует и в свою очередь сама насаждает вековые предрассудки, чтобы укреплять господство правящих классов. Для сохранения власти эксплуататоры используют испытанное средство — политику кнута и пряника. В руках церкви кнутом служит распространяемый ею среди верующих страх перед ужасами ада, пряником — вселяемая ею надежда на посмертное блаженство.

Чтобы деревенские крепостные мужики и городские ремесленники-мастеровые — в средние века, фабричные пролетарии и мелкие крестьяне-арендаторы, батраки — в эпоху капитализма послушно гнули спину перед богачами, нужно было и крепко запутать их и в то же время подать надежду на лучшее будущее. Вот для этого-то и были пущены в ход геенна огненная со всеми ее пытками и рай небесный с его сладостной, хотя и однообразной скукой ничегонеделания. Ад, учили и учат церковники, предназначен для тех, кто не повинуется властям предержащим, для тех, кто восстает, обуянный «гордыней», против порядков, установленных господом богом, кто становится на путь насильственного ниспровержения этих порядков, бунтует против своих господ, кто отказывается почитать церковь и выполнять ее предписания (направленные на защиту угнетателей от угнетенных). В рай попадут праведники, то есть покорные и смиренные, те, кто безропотно несут свой земной крест. Земная жизнь — кратка и преходяща, всегда заявляла и заявляет церковь. Вечная жизнь наступит лишь за гробом. Но она может обернуться либо вечной мукой, либо вечным блаженством. Выбери! Не миришься с ничтожными земными невзгодами — что же, будешь терзаться в сто раз хуже и притом без конца, вечно, на «том свете». Терпишь с «незлобивостью» гнет и беды от господ, от несправедливого общественного строя, от войн, на которые тебя посылают сильные мира сего — прекрасно, терпи же все это и впредь! — это сам бог устраивает тебе экзамен на выдержку.

Не питайте злобы и ненависти к хозяевам, научитесь их понимать, — таков был смысл сравнительно недавних призывов римского папы к бастовавшим итальянским строителям и химикам. «Классовая борьба, — заявил в 1966 году Павел VI, — возведенная в систему, нарушает социальный мир, неизбежно превращается в насилие и произвол, ликвидирующий свобо-

ду...» Прекратите забастовку, уступите, покиньте занятые вами предприятия, запаситесь терпением! — с таким увещанием обратился к рабочим Буэнос-Айреса несколько лет назад архиепископ Кажияно, мотивируя свой призыв тем соображением, что-де в этой «долине слез» нужно терпеть и трудиться.

Стерпи — и за это «там» получишь вечную награду! Вот в чем была и остается социальная, классовая суть христианских и прочих религиозных измышлений о геенне огненной и противостоящем ей вечном потустороннем блаженстве (они, как уже отмечалось, имеются и в исламе, и в иудаизме, и в ряде других распространенных ныне религий).

Когда-то знаменитый французский просветитель Дени Дидро писал: «Отнимите у христианина страх перед адом, и вы отнимите у него веру». Это очень верная и глубокая мысль. Учение о «том свете» и о загробном воздаянии, о награде праведникам и вечной казни в аду грешникам — это и есть тот идейный фундамент, на котором столетиями держалось здание христианской церкви, всех ее течений.

Конечно, в наше время, когда идеи социализма прочно овладели умами и сердцами сотен миллионов людей, а успехи науки основательно подорвали устои религии, церкви — и католической, и православной, и протестантской — сплошь да рядом приходится маневрировать, чтобы сохранить свое влияние. Служители культа вынуждены видоизменять традиционные представления об «аде» и «рае», а главное, переносить центр тяжести в своем вероучении с небесного на земное, то есть признавать ценность земных дел человека, учитывать реальные нужды и потребности верующих трудящихся, несколько по-иному решать проблему взаимоотношения посюстороннего и потустороннего, чем это делалось в прежние времена. Так, руководители католической церкви в послевоенный период и особенно в последнее десятилетие всячески стараются уверить трудящихся в том, что она является защитницей их интересов в этом мире, стремится улучшить их земную жизнь. Религия, утверждают руководящие служители католицизма, не только не препятствует борьбе трудящихся за такое улучшение, но, напротив, якобы содействует ей. Ватиканский собор, заседавший в 1962—1965 годах, в одном из своих главных постановлений записал право трудящихся на объединение, подчеркнул достоинство труда и даже счел законной забастовку как средство защиты прав (впрочем, лишь как крайнее средство, которое дозволено использовать, только если проявляется забота о соблюдении «всеобщего блага»).

«Перестраивается» и православная церковь. В нашей стра-

не, действующая в условиях созидания коммунистического общества, она не может не считаться с тем фактом, что большинство верующих людей, поскольку таковые еще сохраняются, преданы идеалам коммунизма, что принижение земной жизни религией противоречило бы их настроениям. Православные богословы и проповедники поэтому учат теперь, что-де христианин должен созидать и расширять царство божье уже здесь, на земле, «прилагать усилия к тому, чтобы умножать земные блага для спокойной, радостной и счастливой жизни своих потомков», как писал не так давно «Журнал Московской патриархии».

И тем не менее с точки зрения церкви улучшение земной жизни — это все же лишь «предпосылка вечного блаженства», и смысл человеческого существования на земле — в «приготовлении к достойному переходу в вечность».

Ад и рай, следовательно, как бы они ни истолковывались церковниками любого направления, сохраняют свое значение в качестве одного из важнейших элементов христианского вероучения.

«ПРЯМО В АД»

В католицизме устрашение адскими муками и обещание райского блаженства превратились в особенно сильные средства уловления душ. Стремясь упрочить свое всемогущество над «стадом Христовом», католическая церковь присвоила себе своего рода монополию на «тот свет», точнее на право распоряжаться посмертными судьбами христианских душ. В средние века были изобретены и стали открыто продаваться индульгенции — папские свидетельства о прощении грехов. За приличную мзду глава католической церкви, непогрешимый папа, соглашался «отпускать» любые грехи — не только уже совершенные, но и еще не содеянные (грехи в этом случае отпускались как бы впрок), а также будущие грехи.

Чтобы обосновать циничную практику торговли местами в потустороннем мире, введенную с благословения апостольского престола, богословы придумали хитро сплетенную теорию. Оказывается, Иисус Христос и святые угодники благодаря своим исключительным заслугам перед богом, оставили церкви огромный запас спасительной благодати. Право распоряжения этой божественной сокровищницей и ее содержимым целиком принадлежит наместнику бога на земле — папе римскому и подчиненному ему духовенству. Папа может дарить

или, если пожелает, продавать из этой сокровищницы благодать всем верующим — как тем, у кого недостаточно заслуг перед небесами, то есть тем, кто выполнил мало добрых дел для бога, так и тем, кто вовсе не обладает такими заслугами, но, напротив, обременен тяжкими грехами. Папа, будучи, говоря современным языком, как бы главным управляющим банка «добрых дел», вправе наделять благодатью даже самых закоренелых грешников. Их души, очистившись за звонкую монету от грехов, удостаиваются царства небесного наравне с душами чистых праведников. Грешник, приобретя благодать из рук папы, вернее, через посредство доверенного лица его святейшества, папского агента, продавшего грамоту об индульгенции, тем самым искупает свои собственные грехи, обретает праведность и с нею твердую надежду избежать адского пекла и непременно попасть в рай. Убийца, вор, мошенник, клятвопреступник, насильник, растлитель — короче, любой негодяй, купив такую грамоту, превращается в глазах католической церкви в человека, чистого перед богом. Как писал свыше двухсот лет назад французский атеист Гольбах в «Карманном богословии», «...в силу отпущения то, что было недозволенным и преступным, становится законным и даже похвальным, ибо плата за отпущение грехов обогащает кассу небесного отца и компании». А ироничный Парни, который уже не раз цитировался на страницах этой книги, повествуя об обитателях рая, выразил близкую к гольбаховской мысль:

Немало там блаженных и святых.
Хоть жития и прославляют их,
Но многие проникли невозбранно
На небеса не честно, а обманно.
Мошенники, преступники, плуты
Вдруг сделались и святые, и чистые.
Но как? Довольно просто! Прихоть папы
Из грешника — святого создает.
Он к дьяволу не попадает в лапы
И с буллою на небеса идет.
Коль в Риме вы с кем следует знакомы —
Легко попасть вам в райские хоромы.

При папском дворе, начиная с XIV века, были разработаны и в дальнейшем не раз пересматривались настоящие прейскуранты индульгенций — цены в этих таксах устанавливались в зависимости от характера и степени тяжести преступления. В одном из сохранившихся до наших дней прейскурантов с бухгалтерской деловитостью перечислены цены за прощение 211 видов всяческих преступлений, «божеских и челове-

ских». Отпущение, например, получал тот, «кто убьет своего отца, мать, брата, сестру, жену или кого-нибудь из родственников или близких»: цена индульгенции в этом случае — 5—7 grosсов. Отпускался грех мужу, «который ударил свою жену таким образом, что причинил выкидыш или преждевременные роды» (6 grosсов). Предусматривались особые отпущения для клирика (духовного лица), «который убил светского человека или клирика и хочет получить при этом и другие отпущения»; «для того, кто в церкви познал (плотски) женщину и совершил другое непотребство» (6 grosсов); за рукоприкладство — если оно «дошло до пролития крови или имело место вырывание волос, либо иное тяжкое насилие или нанесение побоев» (16 grosсов) и т. д.

Эти папские таксы грехов и преступлений впервые в качестве справочного руководства для продавцов индульгенций были напечатаны в Риме в 70-х годах XV века и продолжали печататься до середины XVI века. Лишь позднее в эпоху Реформации, бесстыдная продажа индульгенций вызвала бурю возмущения, и папы вынуждены были занести таксы в список книг, запрещенных для чтения католикам; более того, они стали уничтожать ранее выпущенные экземпляры. В результате из нескольких тысяч экземпляров папских такс до нашего времени сохранилось всего около полусотни.

Торговля индульгенциями продолжается и поныне. Католическая церковь стремится с помощью продажи индульгенций не только увеличить свои доходы, но и главным образом снискать среди верующих репутацию дарительницы милосердия, поднять свой престиж. Продажа индульгенций была и остается в руках папства и католических священнослужителей средством религиозного террора: адом — устрашают, раем — приманивают. Невольно вспоминаются строки из поэмы Тараса Шевченко «Еретик»:

Кто, буллы не купив умрет,
Тот — прямо в ад! А если плату
Ты внес двойную — режь хоть брата, —
Всех, кроме пап и чернецов,
И в рай ступай, в конце концов!

«НОВЫЙ ТОТ СВЕТ»

В наше время церковнослужители в капиталистических странах усердно ищут новые способы приучить верующих к почитанию эксплуататорских порядков, обрекающих огромные массы простых людей на безработицу, нищету и голод в так

называемом свободном мире. Особенно изощряются в этих поисках церковники США: ведь в этом самом богатом капиталистическом государстве десятки миллионов тружеников, даже по официальным признаниям, живут в крайней бедности. Неудивительно, что американские служители культа озабочены распространением религиозного дурмана в простом народе. Господь бог в этой стране рекламируется по всем правилам большого бизнеса; Библия продается даже в аптеках!

Наряду с прочими религиозными предрассудками, служители церкви усиленно стараются подновлять и стародавние представления об аде и рае. Они хотят приспособить их к тому, чтобы с помощью этих наивных сказок, переосмысленных на современный лад, как бы приноровленных к запросам «среднего американца» с наибольшей эффективностью убеждать его в мнимых преимуществах «американского образа жизни».

Об одной из таких попыток рассказал несколько лет назад итальянский писатель Альберто Моравиа в небольшой новелле «Новый тот свет». Новеллу эту он написал на основе сенсационных сообщений, появившихся в американских газетах во время пребывания писателя в США. Оказывается, в стране доллара объявился человек, подобно средневековым святым побывавший на «том свете» и поведавший затем в печати о том, что он там видел. Этот новоявленный путешественник в загробное царство не рыцарь вроде Тнугдала и уж во всяком случае не поэт, хотя одна из газет и напечатала о нем статью под названием «Новый Данте». В роли путешественника в потусторонний мир на сей раз выступил обыкновенный рабочий-шахтер из города Питтсбурга. Каким же образом удалось ему попасть на «тот свет»? По словам самого героя этой истории, дело происходило будто бы так.

Однажды, когда он, находясь в глубокой шахте, собирался после краткого отдыха продолжать проходку штрека, его отбойный молоток наткнулся вдруг на тонкую стенку: стенка обрушилась, и сам горняк, не удержавшись, полетел в темную пропасть. Упав, он ударился головой о камень и потерял сознание. Когда же шахтер очнулся, он увидел, что лежит в какой-то пещере: ее освещали яркие лучи, пробивавшиеся снаружи. Потерпевший двинулся на свет. Вскоре он увидел перед собой как бы пустыню, посреди которой стояло низкое строение квадратной формы — то ли больница, то ли тюрьма. Шахтер кинулся к ней, чтобы узнать, как же выбраться из этого подземелья. Но чем больше он приближался к зданию, тем больше расширялась и удлинялась в обе стороны его сте-

на с круглыми и мутными оконцами. После того как он все же добрался до здания, в стене раскрылась калитка, и взору горняка предстало существо в темно-синем рабочем комбинезоне. Существо это вымолвило: «Добро пожаловать!» Затем оно объяснило пораженному горняку: «Здесь помещается ад. Если тебе угодно, я охотно покажу его тебе». Шахтер был порядком ошеломлен всем происшедшим: он ничего не ответил странному хранителю ада и молча двинулся вслед за ним.

Ад предстал перед новым Тнугдалом в виде крупного промышленного предприятия, наподобие фордовского. Гид провел шахтера внутрь этого предприятия. Оба оказались в бесконечной остекленной галерее: низкие потолки, цементный пол, стены, покрытые лаком... Но если это завод, то где же ряды одинаковых машин? Машин в аду не было.

Вообще здесь ничего не напоминало о тех традиционных ужасах, которые должны наполнять ад: нигде не видно было ни чертей с трехзубыми вилами, ни горящих углей, ни раскаленных оковород, ни кипящей смолы — обо всем этом наш горняк имел весьма точное представление: ведь он, по его собственному признанию, каждое воскресенье слушал проповеди в своей приходской церкви. Настоящий ад поэтому немало удивил его и сильно поколебал привычные понятия. А между тем это был вправдашний ад: множество грешников, осужденных на вечные муки, искупали здесь свои грехи. Каким образом?

Приглядевшись внимательнее, шахтер увидел, что каждый грешник занят был определенной производственной операцией. Только выполнял он ее при помощи орудий, применявшихся задолго до того, как были изобретены самые простейшие машины, не говоря уже об автоматах. Иные же работали просто голыми руками. С недоумением на лице обратился наш Тнугдал к своему «экскурсоводу»: в чем же, собственно, состоит наказание для этих грешников? Гид охотно разъяснил шахтеру: горчайшие муки, сказал он, доставляет грешникам сознание того, что они вынуждены трудиться вручную в то время, когда имеются куда более совершенные средства для выполнения назначенных им в аду дел. Муки эти особенно велики еще и потому, что допотопные орудия труда, которыми им приходится пользоваться, то и дело ломаются.

И в самом деле. Ткачи, находившиеся здесь, гнули спины над примитивными ручными станками: работая, они с грустью думали о том, что машины на земле производят ту же работу за гораздо более короткое время. Кузнецы, изготавливая простые гвозди, ежесекундно ударяли своими грубыми молотками

по пальцам; их терзала мысль, что там, наверху, кузнечный пресс штампует эти гвозди с невероятной быстротой и притом безо всякой опасности для рук. Сапожники в муках тачали обувь, которая на обычном заводе сходит с конвейера по тысяче пар в час. Портные с ножницами и мелом в руках потели над костюмами, которые машины кроют с поистине молниеносной быстротой. Типографы склоняли головы над грубо сколоченной печатной доской — шум ротационных машин вспоминался им как сладостная музыка.

Это были настоящие мучения! Шахтер видел слезы, текущие по лицам грешников. Он слышал полные горечи восклицания, которые время от времени срывались с их уст. Один, обращаясь к пришельцу, надсадно кричал: «Посмотри, до чего я дошел: при жизни я изготовлял тысячу гвоздей в минуту, а теперь на каждый гвоздь трачу полчаса!» Другой с рыданием вопрошал: «Где мой электрический токарный станок?» Третий сетовал с плачем: «На земле мне казалось, что моя камнедробилка работает медленно, но что же сказать теперь об этой пудовой кирке?» «О мой дорогой электрический стул! — вопил палач. — Нет, рубить головы топором — это варварство!». Там и сям слышалось: «Таскать воду ведрами, когда на земле насосы!», «Куда ушли счастливые времена, когда я отливал чугунные статуэтки? Теперь нужно ваять их, ваять. Горе мне!», «О моя конфетная машина! Теперь придется месить сахарную массу вручную!», «Кто вернет меня на фабрику шляп? Кто избавит меня от этой флорентийской соломы, которую нужно плести руками!», «Я прикован к веслам и парусу, где мой теплоход?», «Увы, когда-то я водил самолеты, а теперь принужден тащиться на этой кляче!»

Ужас положения всех этих грешников состоял в том, что все они — кузнецы и ткачи, сапожники и кондукторы, токари и гребцы — верили, что они работают, что работа их продвигается вперед; на самом же деле они все время изготовляли один и тот же гвоздь, одну и ту же конфету, одну и ту же пару обуви...

Страдания грешников были столь велики, что, проходя между двумя длинными рядами мучеников, шахтер чувствовал, как сердце у него сжимается от сострадания, и воко-ре слезы совсем застлали ему глаза: он уже ничего не видел.

Не одну милю прошли горняк и его спутник по адовой фабрике, пока наконец гид, увидев состояние своего подопечного, сказал: «Довольно! Теперь ты знаешь, что такое ад. Пора перейти к осмотру рая». Наш экскурсант поспешил

принять это любезное предложение: «Ну, что же, — ответил он, — после такой малоприятной прогулки неплохо бы и освежиться созерцанием картин райской жизни».

Открыв какую-то дверцу, гид ввел шахтера в рай. Зрелище рая, как вспоминал он об этом позднее, было мало оригинально. Рай — это огромная ярмарка, работающая круглогодично. Она замкнута четырехугольником стен: стены эти — суть четыре галереи ада. Таким образом, рай помещается внутри этого четырехугольника. Он представляет собой нечто вроде города. На его улицах и площадях — полным-полно пестро разукрашенных и самых причудливых по форме построек, напоминающих павильоны.

Образ жизни тех, кто удостоился попасть в рай, прямо противоположен тому, на который обречены грешники в аду, будут прикованы к своим рабочим местам. Напротив, в павильонах райской ярмарки происходит непрестанное праздничное гуляние. Толпы избранных весело фланируют взад и вперед, подобно посетителям ярмарок на земле в первые дни после их открытия. Отовсюду слышатся громкие звуки радиол и радиоприемников. Единственное занятие спасенных в раю заключается в том, что они непрерывно покупают и покупают товары, выставленные в райских павильонах. Покупки эти делаются на особые деньги, принятые в раю. И самое приятное в этих покупках то, что затраченные деньги тотчас после покупки снова попадают в карман райских жителей. Запас денег таким образом без конца пополняется. Полки и витрины магазинов никогда не пустеют. Место, освободившееся на полке, с которой снята купленная вещь, немедленно заполняется само собой. Как только купленная вещь перестает устраивать ее владельца, надоедает ему, она магически исчезает. Райские жители имеют вследствие этого неиссякаемую возможность приобретать вновь и вновь, не опасаясь оказаться обремененными лишними товарами.

Именно эта возможность — покупать без конца и обладать всевозможными вещами без всяких усилий — и доставляет избранныкам высшее наслаждение; в этом состоит, собственно, вся полнота райского блаженства, все счастье пребывания в раю. Впрочем, оно тоже имеет свои градации, или степени. Обитатели рая вкушают вечное блаженство в различных дозах: степень блаженства, изливаемого на избранных божьих, определяется их земными заслугами, которым соответствует покупательная способность каждого «спасенного». Безупречно добродетельный может на свои деньги приобрести больше товаров и притом лучших по качеству, чем тот, чьи поступки

на земле были просто хорошими. А от этого зависит и степень блаженства, вкушаемого обитателем рая.

Наш шахтер воочию удостоверился в этой разнице. Тот, повествует он, кто приобретает пару носков, гребень, подвязки, крем для бритья или зубочистку, получает лишь минимальную дозу блаженства. Купивший ручку-самописку со стальным пером слегка, хотя и весьма оптимистично, улыбнется от удовлетворения, которое доставила ему эта покупка. Приобретение той же ручки с золотым пером заставит его глаза засиять небесным светом. Ручка, целиком сделанная из золота, распространит небесное сияние на всю физиономию ее обладателя; ручка из золота, но с небольшим бриллиантом вызывает невыразимое сияние всей фигуры ошастливленного до предела избранника. Шахтер рассказывает, что один из «спасенных», сумевший приобрести прекрасное пальто из чистой шерсти на шелковой подкладке и с меховым воротником, излучал сияние, совершенно нестерпимое для глаз.

Так выглядят неизъяснимые прелести нового рая.

Экскурсия шахтера по раю закончилась довольно неожиданным образом. Его внимание привлекли подтяжки, красовавшиеся в витрине одного из павильонов: стоили они недорого — всего полтора доллара, и так как собственные подтяжки нашего путешественника порядком поизносились, он обратился к своему ангелу-хранителю со скромной просьбой: нельзя ли купить эти подтяжки?

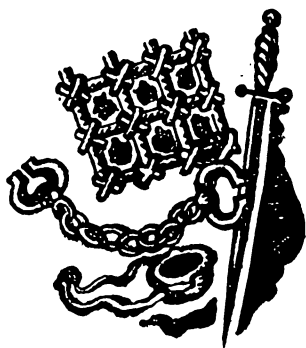
Едва только была произнесена эта просьба, шахтер увидел, что он лежит на дне своего штреха, сжимая в руках отбойный молоток. Вначале он пытался было вновь отыскать дорогу в ту пропасть, свалившись в которую, оказался в загробном мире, но вскоре убедился в бесполезности этих попыток. Сколько ни врезался наш шахтер в породу своим инструментом, все эти старания свелись лишь к тому, что перед ним выросла гигантская груда угля.

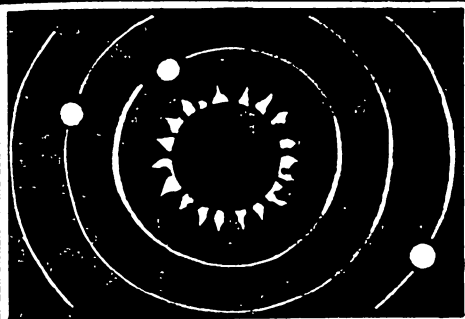
Поднявшись с-гора, шахтер отвел душу, поведав об этом приключении своим близким. Рассказ его передавался из уст в уста, пока, наконец, не попал в газеты, а затем был изложен Альберто Моравиа в его новелле.

Трудно сказать, был ли автор этой выдумки маньяком, склонным к галлюцинациям, или ловким мистификатором, добивавшимся легкой славы. Вернее всего, однако, другое предположение: по всей видимости, мысль рассказать о посещении загробного мира и изобразить его именно в таком виде, в каком он предстает в рассказе нового Тнугдала, была подсказана шахтеру заинтересованными лицами. Недаром же

рассказ шахтера был подхвачен многими американскими газетами. Вполне возможно, что американский Тнугдал явился орудием в руках церковников. Ведь его повесть о хождении в загробный мир есть не что иное, как слегка завуалированные религиозно-фантастическим флером защита и оправдание пресловутых «индустриального общества» и «цивилизации потребления», на все лады превозносимых буржуазной наукой и пропагандой. Трудники-грешники страдают в аду оттого, что лишены возможности трудиться так, как трудились на земле, умножая прибыли заводчиков-миллионеров, то есть при помощи новейших технических достижений, автоматов, электрических станков и всего прочего, что на деле, как известно, в условиях капиталистического строя оборачивается против трудящихся и идет на пользу монополистов. Точно так же и рай оказывается опять-таки идеальным царством бесконечного и ничего не стоящего приобретательства, способного удовлетворить мечты самого притязательного потребителя.

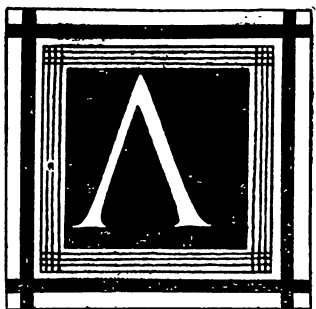
Так старые религиозные идеи используются во второй половине XX столетия в целях восхваления и увековечения строя капиталистической эксплуатации в ее ультрасовременных формах.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ
●
без пролития крови

етом 1958 года сотни гектаров земли в парке Хайсель, что разбит в Брюсселе, столице Бельгии, заняли павильоны Всемирной выставки. Один из них особенно поражал посетителя своей мрачной суровостью и даже какой-то таинственностью. То был павильон римского папы: глава католической церкви принял участие в Брюссельской выставке. Его преемники участвовали и в последующих выставках подобного рода — в Монреале (Канада), в Осаке (Япония)... Однако павильон Ватикана в Хайсельском парке был едва ли не самым примечательным. Устроители отгородили его от всех остальных высокой бетонной стеной. Она высилась в виде прямоугольника в центральной части парка, неподалеку от выставочных залов Советского Союза и Соединенных Штатов.

Папские архитекторы и их помощники из католических стран поработали на славу: они постарались привлечь в ватиканский уголок выставки как можно больше посетителей. У входа в павильон был сооружен просторный храм под названием «град божий». Он совсем не походил на обычный католический костел. Это было огромное, с наклонной крышей здание, способное вместить до двух с половиной тысяч человек; оно было сооружено на ультрасовременный манер — из металла и стекла и внутри — полно света. Его фасад представлял собой громадную каменную глыбу, по форме напоминавшую вытянутую кверху трапецию. Стена-трапеция — это была не просто причуда зодчих. Она имела символическое значение, изображая собой головной убор римских пап — тиару. Посередине ее верхней части был укреплен небольшой железный крест. Вечерами этот крест, видный со всех концов выставки, ярко освещался — не свечами и не лампадами, а газосветными трубами. Модерн!

Самое помещение, где демонстрировались экспонаты Ватикана, тоже было построено вполне по-современному, в несколько этажей, с преобладанием бетона, стекла, стали. Для привлечения посетителей — не только верующих, но и всех прочих — были приняты экстраординарные меры. Близ павильона святые отцы построили гигантский ресторан. Достоинства ресторана широко рекламировались на всех языках мира; особенно превозносились его «демократические» цены. Рассчитывая до отказа насытить любознательных туристов католической духовной пищей, апостольский престол не упустил из виду и пищи телесной. К тому же нужно было окупить расходы по устройству и содержанию павильона. Бизнес есть бизнес, даже когда рекламируется господь бог и христианская вера.

Конечно, в искусстве рекламы устроители папского павильона несколько поотстали от своих заокеанских соседей. Ведь в Соединенных Штатах изображения всевышнего и его угодников украшают все — автомобили, монеты, флаги, почтовые марки; даже щиты, стоящие вдоль автострад, снабжены рекламными обращениями: «Помни о боге!» Организаторы ватиканского павильона, впрочем, тоже применили хорошо продуманные средства для приманивания посетителей. Возле передней стены павильона, перед самым входом, они соорудили легкую ажурную металлическую башню. То была колокольня, но особого рода, не церковная. На ее верхушке имелся целый набор разнообразных колокольчиков. Их язычки приводились в движение не какой-нибудь примитивной веревкой — как-никак Ватикан участвовал в выставке второй половины XX века! На колоколах можно было играть как на клавишном инструменте — для исполнителя была сделана специальная клавиатура. Целый день эти модернизированные колокола-завывалы вызванивали то католические мотивы, гимны и псалмы, то — не всех же заманит «Аве Мария!» — различные, подчас весьма легкомысленные мотивчики, явно позаимствованные из джазового репертуара. Что ж тут удивительного? Ведь джазовая музыка все больше проникает в наш динамичный век и в церковь. Перефразируя слова поэта, можно сказать, что «хорал из моды вышел ныне». Синкопированные ритмы куда больше по вкусу некоторой части молодого поколения. Почему бы и не попытаться привлечь в храм юношей и девушек саксофоном, барабаном и медными тарелками? Такие опыты уже вошли в практику во многих католических странах. Как выразился один нью-йоркский священник, учитывавший, видно, падение веры, «религия должна снова стать веселой, ка-

кой она была когда-то». И уж, конечно, не Ватикану отставать от века!

Но оставим подступы к папскому павильону и заглянем внутрь него. Что там?

ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ РЕЛИГИИ

Внутри папского павильона тоже царил модерн: фотографии, макеты, абстрактная живопись и скульптура. Ватикан не пощадил даже «святая святых» христианской религии в угоду модным на Западе художественным вкусам. Евангельский Иисус Христос был представлен наподобие робота. Этот робот изображал собою богочеловека, воскресающего из мертвых. Он был выполнен в стиле современного, крайне условного искусства. Скульптура, присланная из Англии, называлась «Воскресение». Христос воспаряет в заоблачные выси, представленные кусками голубого пластмассового стекла. Непропорциональная по своим частям, непомерно узкая и длинная, чуть ли не в три метра фигура богочеловека составлена из блестящих дюралюминиевых труб, каких-то цилиндров, лат... Коленные чашечки спасителя смахивают на консервные банки; руки — худые, жилистые, вытянутые вверх; как и ноги, они удивительно несоразмерны прочим частям тела. Вместо лица — металлический цилиндр с прорезями овалов-глаз и рта. Сверху цилиндр обрезан полукругом — этот лоб, под ним скоба — нос; внизу цилиндр расклепан, что должно изображать бородку сына девы Марии. Весь он, огромный, неуклюжий и словно пустой, прикреплен к стене и как бы благословляет входящего в зал. Наверняка святые отцы, по соизволению которых здесь был водворен сей монумент, воздавая дань абстракционизму, рассчитывали подладиться под пресыщенные вкусы поклонников ультрасовременного искусства, предупредить их зевки, рассеять скуку — словом, развлечь экстравагантным зрелищем...

Однако папский павильон в парке Хайсель строился все-таки не для развлечения публики. Создатели его стремились возвеличить церковь римских первосвященников, прославить католическую религию и, как говорилось в путеводителе, продемонстрировать «грандиозные перспективы не кратковременного, а вечного счастья в боге». Они хотели утвердить в вере колеблющихся и привлечь в лоно церкви тех, кто еще сомневается в спасительности религии. Только достигнуть этих целей святой престол пытался современными, как, видимо, казалось помощникам папы, средствами.

К слову сказать, в залах папского павильона нашлось ме-

сто и для классиков. Посетитель, равнодушный к скульптурам-роботам и абстрактной живописи, мог наслаждаться и подлинным искусством — картинами старинных мастеров, написанными на религиозные сюжеты и собранными в немалом числе в сокровищницах Ватикана.

Все способы хороши для того, чтобы залучить толпу в «град божий» и наставить заблуждающихся на путь истинный. Истина же, по учению церкви, лишь одна, та, которой учит христианская религия.

В первом зале, прямо против входа, зритель видел перед собой замечательную скульптуру французского ваятеля прошлого столетия Огюста Родена. Она называется «Мыслитель». Человек сидит на камне в позе глубокого раздумья. Согнутая рука, упираясь в подбородок, поддерживает голову, словно отяжелевшую от дум. Сосредоточенный взгляд. Быть может, мыслитель на грани великого открытия. Быть может, он просто обдумывает свои жизненные наблюдения, размышляет над виденным... Во всяком случае это прекрасное произведение искусства истинно гуманистично. Оно воплощает лучшее, что есть в человеке — его неугасимый разум, его вечно ищущую мысль. Что общего имеет замысел Родена с теориями проповедников бренности земного бытия?

Оказывается, с точки зрения устроителей «града божьего», имеет, и святой престол недаром распорядился поместить сюда творение французского скульптора. Гиды-священники, сопровождавшие посетителей, равно как и путеводитель по павильону, охотно объясняли, что «Мыслитель» задумался над вопросом о мире, его создании, его предназначении. И что же? Он, видите ли, неизбежно приходит к заключению, что наш мир, столь прекрасный и столь мудро устроенный, должен был кто-то сотворить. Кто? Разумеется, всемогущий господь!

«Мыслитель» приходит к этому не сам по себе — его наставляет на путь истинный христианская религия. Только она одна и в состоянии разрешить сомнения, обуревающие человека: «Сколько бы человек ни думал о мире, в котором он живет, о его происхождении и конечной цели, о современной технике и ее роли, он все равно не может разъяснить основные проблемы жизни... Только церковь дает ответ на все». Вот каков, по мнению ватиканских комментаторов, замысел художника, положенный в основу светлого, хоть и символического, роденовского творения: оно призвано доказать бессилие разума и всемогущество религии... Мир создан богом — к этому рано или поздно склоняется «Мыслитель».

Но, позвольте, ведь это же библейская сказка, давным-

давно опровергнутая наукой! И пояснения папских гидов к «Мыслителю» сплошной домысел! Святые отцы, однако, полагают иначе. Чтобы упрочить веру в библейские сказки, пусть и подправленные слегка «под науку», они не прочь воспользоваться плодами вдохновения великих мастеров искусства прошлого, перетолковав их на свой лад.

Столь же охотно они пользуются и поделками нынешних сюрреалистов. На стене, недалеко от «Мыслителя» — огромное полотно. Его размер — двести квадратных метров. Автор этого панно, профессор Ван Санэ, посвятил свое произведение сотворению человека. Великий акт всевышнего выглядит здесь в высшей степени условно, какой-то геометрической загадкой. Творение бога — человек — состоит из полукружий. У него непомерно вытянутая шея; на ее конце нечто, должно-ствующее изображать голову — на ней нет ни глаз, ни рта. Это существо силится приподняться из некоего темного гамака, помещенного среди разноцветных треугольников. Поистине, глядя на творение господне, как его представил Ван Санэ, задумаешься над словами библейской книги «Бытия»: «И сотворил бог человека по образу своему, по образу божью сотворил его...» (Бытие, гл. 1, ст. 27).

Итак, церковь берет на свое вооружение и реалистическое искусство, и символизм, и искусство сугубо модернистское, толкуя произведения того и другого вкривь и вкось: все должно служить единой цели — распространению и упрочению власти религии над людьми!

ПАПА И ФИЗИКИ

На одном из стендов в ватиканских залах помещены были очень знакомые и вместе с тем непонятно каким образом оказавшиеся здесь лица и вещи. Вот снимок телескопа. Вот известный по учебникам всякому школьнику портрет знаменитого средневекового польского астронома Николая Коперника. А рядом — портреты выдающихся зарубежных ученых нашего времени. На одном из них изображен физик Нильс Бор, датчанин, прославившийся своими работами по изучению устройства атомов; на другом — его ученик, видный немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг, мюнхенский профессор, один из создателей квантовой механики. Что за наваждение? Астрономия, физика и Ватикан? Какая связь между ними? Что делать науке в «граде божьем», вправе спросить читатель. Вопросы закономерные, и тем не менее факт остается фактом: в Брюсселе святой престол перед всем миром рекламиро-

вал свою исконную дружбу с наукой и учеными. Портреты Коперника, Бора, Гейзенберга и других выдающихся деятелей науки украшали центральный стенд папского павильона. «Религия и наука» — такова была его тема. Раскрывалась она так, чтобы убедить посетителей, будто религия и наука вполне совместимы друг с другом и даже более того: если наука переживает расцвет, если ученые делали и делают великие открытия, то благодарить за это человечество всецело должно католическую церковь и ее руководителей, ибо они всегда оказывали науке и ее творцам могущественную поддержку. Кажется, никогда еще папский престол не имел случая столь наглядно продемонстрировать свое покровительственное и дружелюбное отношение к научному знанию и его носителям — ученым.

Однако, рассматривая экспонаты «Религии и науки», поневоле хотелось процитировать в измененном виде стихи: «Все это было бы смешно, когда бы не было так... лживо». Телескоп... Портреты великих ученых... А доносы и обвинения в ереси? А судилища под открывателями тайн мироздания? Гонения? В воздухе словно веет смрадным чадом костров... Вспоминаются камеры пыток и орудия мучений и надругательства, которые пускали в ход благочестивые инквизиторы для «поощрения» пытливости человеческого ума... Темнят, темнят ныне историю «святые отцы»!

«ИЗ РЕБРА, ВЗЯТОГО У ЧЕЛОВЕКА»

Среди библейских сказок имеется одна, в которой рассказывается о том, как бог сотворил человека — мужчину и женщину. Мужчину, по имени Адам, всемогущий творец просто вылепил из земли и вдохнул затем в это земляное творение душу. С женщиной же дело обстояло сложнее. Чтобы дать Адаму подругу жизни, господь бог произвел довольно сложную операцию на теле своего первенца. Воспользовавшись тем часом, когда Адама одолел сон, творец умудрился вынуть у него ребро. Из кости была изготовлена модель женщины, которая затем тоже подверглась оживлению с помощью божественного вдувания. Так появилась на свет прародительница Ева. «И создал господь бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» (Бытие, гл. 2, ст. 22). Судя по этой библейской истории, господь был отменным хирургом: операция, которую он проделал над Адамом, прошла совершенно безболезненно для божьего создания (то место, откуда было изъято ребро, бог «закрыв плотью»), земля же

украшилась еще одним человеческим существом — женщиной.

Адаму, по воле бога, пришлось пожертвовать своим ребром, чтобы обрести Еву. И вот с тех пор у всех мужских потомков первочеловеков — Адама и Евы — число ребер с левой и с правой стороны груди неодинаковое: с одной стороны на одно ребро меньше, чем с другой. Так веками учили церковники, опираясь на библейское сказание.

Библия — священная книга христианской церкви. Служители божьи веками требовали беспрекословно верить в то, что там написано. Они требуют этого и поныне, правда, иногда — с некоторыми оговорками, вызванными напором достижений современной науки: мол, отдельные места ветхозаветных сказаний — это просто «народные мифы» и не нужно-де понимать их буквально. Однако в целом авторитет Библии по сей день остается с точки зрения церкви непререкаемым. Девизом церкви всегда было: верить и не пытаться проверять, истинны ли библейские рассказы.

Многие десятки поколений, оглуленных религиозными побасенками, и в самом деле были убеждены в том, что мужчина — существо неравнореберное. Чтобы ни у кого не возникало в этом сомнений, церковь в средние века строго-настро-го запретила медикам вскрывать мертвецов. И не только ради поддержания библейского мифа об Адаме и Еве чинились препоны человеческой любознательности. Ведь служители культа всегда твердили, что тело — сосуд греховный, что человеку надлежит интересоваться не этой низменной, грешной плотью своей, а лишь заключенным в ней божественным началом — душой, заботясь о предстоящей ей вечной загробной жизни. Заглядывать в тело и копаться во внутренностях — это великое кощунство!

При таких обстоятельствах самые ученые доктора тех времен не слишком много знали о человеческом организме. Анатомические сведения черпались из древних книг. В лучшем случае о теле человека судили по аналогии, уподобляя органы человека обезьяним или даже свиным. Нетрудно представить себе, к каким это вело ошибкам при лечении болезней.

Правда, имелся в тогдашней европейской медицинской науке один старинный авторитет, который признавали и церковники: то был римский врач II века Клавдий Гален. На его принципах строилась арабская медицина, которую преподавали, например, в университете Салерно (близ Неаполя) и в некоторых других учебных заведениях средневековой Европы. Однако взгляды Галена на устройство и отправления человеческого тела были очень далеки от истины. Так, Гален считал

печень центром кровеносной системы. Тем не менее средневековые ученые-схоласты, служившие святой церкви, возвели галеновские представления в догму, исказив к тому же те немногие правильные наблюдения, которые сделал этот медик.

В течение столетий будущих врачей учили по Галену, а вскрывать разрешалось только трупы свиней и обезьян. Зато церковная анатомия оставалась непоколебленной, а священнослужителям только этого и надо было.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ВЕЗАЛИЯ

Главная площадь бельгийского городка Лувена. Сегодня здесь собралась разношерстная толпа, чтобы полюбоваться зрелищем казни убийцы. Народу собралось видимо-невидимо. Мужчины, женщины, подростки теснились друг к другу, ожидая, когда же начнется казнь. Одни шептали молитвы, другие шарили по чужим карманам... Наконец-то! На шею преступника наброшена петля и вот уже палач выбивает у него из-под ног скамью...

Посреди плотной толпы — аптекарский сын Андре Везалий, студент медицинского факультета Лувенского университета. Он внимательно наблюдает за происходящим на эшафоте. И когда казнь совершена, когда народ расходится по домам, Везалий все еще бродит, задумавшись, по ближайшим к площади закоулкам. Темнеет. Стихают шаги стражников, обходящих город. Пустеют улицы. И тогда молодой студент, крадучись, пробирается к виселице, на которой еще раскачивается труп казненного. С лаем накидываются на дерзкого юношу собаки, целая свора которых только и ждала момента, чтобы полакомиться человечиною. В ход идет дубинка — голодные псы отогнаны. Везалий взбирается на помост, взмахом ножа перерезает веревку, снимает с перекладины телоповешенного. Вскинув на спину столь необычную ношу, он спешит под покровом темноты в свою студенческую каморку на городской окраине.

Прошло несколько месяцев. Когда однажды некий приятель Андре открыл дверь в комнату коллеги, он с ужасом отпрянул назад: прямо из угла на него глядел пустыми глазницами человеческий скелет. Его собственноручно изготовил из костей повешенного Андре Везалий. Много месяцев ночами, при неверном свете свечи, трудился он, препарируя добычу. Это было неслыханным святотатством.

Но только так, рискуя репутацией и жизнью, начинающий ученый мог удовлетворить свою любознательность. Только так можно было в те времена сломить барьер, поставленный цер-

ковниками перед теми, кто хотел узнать правду о строении человеческого организма и кого уже не удовлетворяла книжная мудрость.

На такое еще не отваживался никто из медиков.

Везалий был одним из храбрецов — а их появилось немало в ту пору, когда человеческий разум стал пробуждаться от средневековой спячки, — осмелившимся нарушить церковные запреты. Чтобы новое одолело косную старину, всегда требовались мужественные люди, которые могли проложить ему дорогу. Везалий, еще будучи студентом, решил, что он должен самым тщательным образом рассмотреть, как устроено человеческое тело. Юноша хорошо понимал, что, только узнав это, можно будет научиться успешно лечить болезни. «Анатомия, — говорил он впоследствии, — основа и начало всего искусства врачевания». Но изучить устройство тела человека было не просто — ведь служители божьи, державшие под неусыпным контролем каждый шаг прихожан, возбраняли анатомировать трупы. Лишь немногие медицинские факультеты имели право заниматься столь богопротивным делом, да и то очень редко. Медики, например, французских университетов в Париже и Монпелье, куда уехал Везалий по окончании учебы в Лувене, сумели добиться такой привилегии: им было разрешено вскрывать трупы казненных преступников — по одному в год! Это значит, что лишь в течение трех-четырех дней в году можно было изучать греховную плоть, затем труп начинал разлагаться, а сохранять его тогда никто не умел.

Везалий преодолел все затруднения по-своему: сперва в Лувене, позже — во Франции он стал завсегдатаем публичных казней, похитителем трупов.

Так делала свои первые шаги наука анатомия. Везалий был ее героем.

Миновали годы учения. Анатомируя уголовников, Везалий узнал многое, о чем и не догадывались его почтенные наставники, десятилетиями учившие по Галену и остававшиеся преданными сынами католической церкви. Молва об успехах молодого бельгийца расползлась по многим городам. И в один прекрасный день к двадцатидвухлетнему Андре доставили пергаменный свиток, укрепленный печатью сената Венеции: Везалия приглашали занять профессорскую кафедру на медицинском факультете университета в городе Падуя.

Падуанский университет издавна был центром, собиравшим в своих стенах смелых ученых, видных медиков и философов. Это были последователи великого арабского мыслителя XII века — Ибн Рошда, или Аверроэса (которого, как чи-

татель помнит, еще Данте за его заслуги поместил в Лимб!). Аверроисты, особенно наиболее решительные из них, такие, как Пьетро Помпонацци и Джироламо Кардано, отваживались отрицать бессмертие души, то есть один из главных догматов католицизма. Более того, кое-кто из них выдвигал даже гипотезу о естественном происхождении человека, что также шло наперекор библейской легенде. Падуя была прибежищем вольномыслия, и не случайно, конечно, Везалия пригласили именно в ее университет.

Здесь он преподавал девять лет. Обучая студентов тому, что знал сам, рассказывая им правду о человеческом организме, Везалий совсем не думал, что этим он разрушает основы поповского благополучия, рассеивает невежество, подрывает авторитет священных книг. А это было именно так.

Успех лекций молодого Везалия, послушать которого сходились даже студенты немедицинских факультетов, породил тайную зависть у некоторых профессоров. Пошли пересуды. Появились и явные недоброжелатели. Но Везалий продолжал делать свое дело: он учил истине, а в свободные от занятий часы углублял и совершенствовал собственные познания. Ученый написал огромный, в семи томах, трактат по анатомии человека. Иллюстрировал этот трактат талантливый художник-итальянец, ученик знаменитого Тициана, Стефан Калькар. Иллюстрации были выполнены так ярко и точно, что тот, кто брался изучать Везалиево сочинение, видел перед собой, словно в натуре, кости и мышцы, сердце и легкие, печень и желудок, мозг и нервы человека.

Трактат Везалия назывался «О строении человеческого тела». Он был издан в Базеле, в Швейцарии, в 1543 году. Появление этого труда было крупнейшим событием в медицинской науке. Впервые в ее истории анатомия человеческого тела получила правильное научное освещение. Описание это было сделано на основе живых наблюдений ученого, на основе многочисленных вскрытий, проводившихся им со студенческих лет. Отныне анатомия была поставлена на научный фундамент, а книжная, церковная премудрость, покоившаяся на теориях Галена, была посрамлена в самой своей основе.

Но этого-то и не могли простить Везалию хранители библейских сказок. Подумать только! Автор трактата «О строении человеческого тела» (хотя сам он и не помышлял об этом) ниспровергал церковное учение о том, что человека сотворил бог. Достаточно было взглянуть на скелет, чтобы убедиться, что у мужчины, как и у женщины, справа и слева одинаковое число ребер! О, этот падуанский профессор, этот резальщик

трупов и скелетный мастер — опасный человек. Он подрывает самые устои церковного здания. Этого простить нельзя!

Когда трактат Везалия вышел в свет, церковники в Падуе подняли невообразимый шум: невозможно было допустить в университете такое вольномыслие! Против ученого возбудили церковное преследование. Шутки с попами в те времена были плохи: в Европе свирепствовала папская инквизиция.

Правда, Венецианская республика, которой подчинялась Падуя, имела еще достаточно силы, чтобы сдерживать натиск католического мракобесия, но даже Помпонацци, живший намного раньше (его трактат «О бессмертии души» вышел в 1516 году), был предан суду, а книгу его публично сожгли. Теперь же, когда над Италией, да и над остальными странами Западной Европы сгустились тучи церковной реакции (контрреформации), Везалию пришлось очень тяжело.

Не только слуги господни, но и почтенные ученые, в том числе прежние наставники Везалия, оказались в лагере его противников. Седовласый профессор, учитель Везалия, distinguished доктор Якоб Сильвий, объявил своего ученика и младшего коллегу сумасшедшим. Как? Этот молодой человек, которому еще нет и тридцати лет, осмелился искать ошибки у самого Галена, учение которого он, Якоб Сильвий, втолковывал студентам более четверти века! Другие медики, приверженные традиции, но более уступчивые, склонялись к тому, чтобы предположить, что скорее всего в XVI веке люди стали устроены иначе, чем это было во времена Галена. Они не могли допустить, что древнеримский врач был неправ. Попы грозили Везалию отлучением. Профессора осыпали его насмешками и отговаривали студентов посещать лекции похитителя висельников, а тем более брать в руки богомерзкую книгу безумца, который не остановился перед тем, чтобы выкрадывать тела убийц для своих кошунственных наблюдений.

Везалий мужественно отбивал нападки и клевету. Он был уверен в своей правоте. Врагам он отвечал просто и ясно: «Я поставил себе задачу показать строение человека на нем самом. Гален же производил вскрытия не людей, а животных, особенно обезьян. Это не его вина — он не имел другой возможности. Но виноваты те, кто теперь, имея перед глазами органы человека, упорствуют в воспроизведении ошибок. Разве уважение к памяти крупного деятеля должно выражаться в повторении его ошибок? Нельзя, подобно попугаям, повторять с кафедр содержание книг, не делая собственных наблюдений. Тогда слушателям лучше учиться у мясников».

И все-таки гасители разума сумели сломить мужество уче-

ного. Он был затравлен, доведен до отчаяния. Ему пришлось оставить кафедру в Падуе и вовсе прекратить научные исследования. Измученный надругательствами, беззащитный, одинокий, Везалий бросил в огонь часть своих сочинений и материалов, собранных для новых работ.

Вскоре враги нашли предлог предъявить Везалию новые и бессмысленные обвинения. Он был отдан в руки инквизиции. Приговор был сравнительно мягким: во искупление прегрешений Везалию было предписано совершить паломничество в Иерусалим к святому гробу (о котором речь впереди). Ученый воспрянул духом. Хотя он и прекратил научные изыскания, но мечта вернуться к ним еще не исчезла. Он надеялся даже на обратном пути из Иерусалима снова побывать в Падуе. Но все сложилось по-другому. Везалий посетил Иерусалим и вскоре заболел. Корабль, везший его в Европу, у берегов южной Греции наскочил на скалы и пошел ко дну. Везалий был выброшен на пустынный остров Занте. Вскоре он погиб здесь от голода и болезни. Инквизиция и церковь могли торжествовать. Их «содружество» с наукой принесло желанный плод: гибель ученого Андре Везалия.

МЕДИЦИНА ПРОТИВ ЦЕРКОВНОЙ АРИФМЕТИКИ

Прошло десять лет после того, как трактат Везалия основательно поколебал богословско-галеновские фантазии. Медицинская наука одержала вскоре новую победу.

Прежние медики думали, что кровь как бы разлита во всем теле человека. Талантливый испанский врач Мигуэль Сервет впервые обнаружил, что кровь как у животных, так и у человека движется по особым кровеносным сосудам.

Сервет близко подошел и к установлению тех законов, по которым происходит кровообращение и газообмен в организме человека. В этих открытиях заключалась важная заслуга ученого. Они имели большое значение для будущего медицинской науки. Но Сервет выдвинул и другие смелые для своего времени идеи. Помимо медицинских он написал также несколько книг по философии и богословию. В этих книгах Сервет прямо отрицал нелепости христианской религии. Ему, как врачу-анатому, представлялась, например, бессмысленной церковная арифметика, по которой единица равна тройке: в одном из своих сочинений он открыто отвергал христианский догмат о троиственной природе бога. Разоблачению этой нелепицы Сервет посвятил свои знаменитые «Две книги диалогов о троице».

Вынужденный бежать из Испании, переполненной фанатиками-монахами и изуверами-инквизиторами, Сервет жил некоторое время в Германии. Вскоре ему пришлось уехать и оттуда. Сервет перебрался во Францию. Искусный врач, он должен был добывать себе пропитание корректорской работой в одной из типографий Лиона и лишь с трудом сумел получить место врача в одном из южнофранцузских городов. Однако и во Франции ученый не чувствовал себя в безопасности. В Лионскую инквизицию поступил донос из Женевы. Услужливый «друг» прислал сюда листы рукописи его сочинения, в котором говорилось, что христиане почитают вместо бога трехглавого Цербера. Этим «другом» оказался видный религиозный реформатор того времени Жан Кальвин.

Женева была тогда городом богатых банкиров, зажиточных купцов, состоятельных суконщиков и меховщиков. Их не устраивала католическая религия и католическая церковь, возглавлявшаяся римским папой. Своим учением она освящала господство феодальных сеньоров и князей, но за это требовала для себя слишком многого от всех, в том числе и от денежных людей. Папский Рим и его свора взимали всевозможные поборы со своей паствы, обманом и вымогательством загребали кучи золота и серебра в собственные карманы. Армия священников и монахов, генералами которой были кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты, а главнокомандующим — папа, стоила чересчур дорого. Купцам, банкирам, промышленникам католическая церковь представлялась поэтому преградой, мешавшей деловой жизни и обогащению. Они помышляли о какой-то другой церкви, которая была бы приноровлена к их корыстным интересам, к их выгоде. Для чего нужны такие торжественные богослужения, пышные облачения священников, иконы, свечи? Для чего нужно, чтобы римский папа распоряжался духовенством любой страны и влиял на ее политику? Да и вообще к чему эта громоздкая иерархия священнослужителей многих рангов? Нельзя ли верить в бога без того, чтобы тратить на его содержание? Так думали в XVI веке скопидомные владельцы денежных контор, собственники торговых кораблей, хозяева больших мастерских (мануфактур) и многие другие люди наживы не только в Женеве, но и во всей Европе.

Эти думы словно угадал, точнее сказать, понял питомец Парижского университета француз Жан Кальвин, поселившийся в 1536 году в Женеве. Сын скромного епископского секретаря, он в глубине души больше всего почитал удачливых «рыцарей наживы», делавших деньги, и разделял все то недо-

вольство, которое они питали по отношению к католической церкви. Невежественные монахи и жадные епископы давно уже стали мишенью для насмешек среди образованных людей, близких к кругам делового мира. Но насмешки насмешками, а как было в самом деле сокрушить всевластие католической церкви, сделав это к тому же таким образом, чтобы сохранить основы христианской веры? Ведь без нее трудно было бы удерживать в повиновении сотни тысяч бедняков, работавших в мастерских, на кораблях, в шахтах...

Ответы на эти вопросы искали многие религиозные деятели того времени, и Кальвин был одним из них. Вскоре после поселения в Женеве он выпустил книгу под названием «Наставление в христианской вере», в которой были разработаны теоретические, богословские основы нового, более простого и дешевого, церковного устройства, гораздо лучше подходившего предпринимателям и купцам, чем организация католической церкви. Само католическое вероучение при этом было кое в чем существенно подправлено, хотя главные догмы христианства, в том числе о троице, оставлены в прежнем виде.

По имени реформатора новое направление христианской веры получило название кальвинизма. Папа римский и его приверженцы объявили кальвинизм ересью. В католических странах сторонников нового вероучения гноили в темницах, жгли и убивали. Однако как ни разнились между собой католическая и кальвинистская разновидности христианства, последователи того и другого течения сходились друг с другом, по крайней мере, в одном. Они были одинаково враждебны настоящему, научному знанию. И это понятно: кальвинизм, как и католическая вера, являлся религией, а следовательно, уздой для разума.

Первыми это испытали на себе медицинская наука и философия.

Основатель нового христианского вероучения Жан Кальвин завоевал среди женевских горожан-богачей большой авторитет. Враги прозвали его даже «женевским папой». Этот «папа» по отношению к идейным противникам вел себя ничуть не лучше, чем римско-католические церковники, хотя на словах и проповедовал свободу совести и убеждений.

Врач и философ Мигуэль Сервет выступил против одного из важнейших положений христианства — учения о троичности бога, учения, удержавшегося и в кальвинизме, несмотря на все его новшества. Копию своего труда (он назывался «Восстановление христианства»), переписанную от руки, Сервет направил в Женеву. Он добивался разрешения приехать в

Швейцарию, чтобы в открытом диспуте о божестве оспорить богословские теории знаменитого реформатора.

Кальвин, прочитав рукопись, поступил с ней по-своему. Он отослал часть ее в лионский инквизиционный трибунал: враг папы донес папистам на вольнодумца Сервета, чтобы они покарали безбожника, антитринитария (противника учения о троице).

Сервет покинул Францию. По совету друзей он решил перебраться в Италию: здесь ему обещали место врача. Однако ученый не оставлял мысли о том, чтобы воочию увидеть и самому услышать «женевского папу». Ведь он уже выступил в своей книге против учения Кальвина. Необходимо было разбить кальвинизм и в устном диспуте. И вот, по дороге в Италию, Сервет остановился в Женеве. Он не знал, кто был автором подлого доноса в Лион, по чьим проискам он вынужден был искать себе нового убежища. Не знал он и о том, как однажды, в письме к одному из своих единомышленников, Кальвин поклялся не выпустить Сервета живым из Женевы, если тот когда-нибудь заглянет в нее. Теперь «женевскому папе» представился случай выполнить эту клятву, продемонстрировать свою нетерпимость.

Никому не знакомый в Женеве, Мигуэль Сервет, переодетый к тому же в купеческое платье, отправился в церковь как раз в тот день, когда перед прихожанами должен был выступить сам реформатор. Внимательно слушал испанец проповедь «женевского папы», всматриваясь в его бледное, суровое лицо. Подозрительный чужеземец был вскоре схвачен стражниками. Когда Кальвин, узнал, что этот чужеземец — автор безбожного трактата, он приказал бросить Сервета в тюрьму. Тем временем французские инквизиторы присудили врачу-вольнодумца к сожжению. И так как «преступник» исчез, его казнили символически: 7 июня 1553 года в Лионе бросили в костер чучело, изображавшее Сервета, а также его книги.

Ненависть к свободному разуму объединила Кальвина с католическими инквизиторами. В женевской тюрьме Сервета подвергли мучительным пыткам. Стараясь погубить своего противника, Кальвин не остановился перед тем, чтобы обратиться с запросом к католическим властям во Францию: он потребовал переслать в Женеву следственные материалы о Сервете. По воле «женевского папы» Сервет был предан суду магистрата. Почтенные бюргеры, понимая, что опасно оставлять безнаказанным такого вольнодумца, склонялись к тому, чтобы поскорее выслать его прочь из Женевы. Против такого мягкого приговора выступил Кальвин: он потребовал казнить

ученого. Кальвин убеждал судей проявить твердость и непреклонность к еретику. Можно было подумать, что перед судьями держит речь не враг римского папы, а самый закоренелый папист. Отцы города попробовали отклонить требования излишне, как им казалось, сурового учителя. Нельзя, говорили они, чтобы новое вероучение и его глава, столь уважаемый Кальвин, а вместе с ним — вся славная Женева позорили себя такими же преступлениями, какие запятнали католическую церковь. Пусть на совести папистов останутся муки еретиков, которых пытаются и сжигают инквизиторы. Применить их методы в Женеве, казнить испанца — не навлечет ли это и на нее такую же ненависть, какую снискали себе папа и его палачи?

Однако Кальвин не уступал. Чтобы переубедить чересчур щепетильных и мягких, по его мнению, судей, он объявил Сервета противником богатых людей, которых этот вольнодумный испанец якобы хочет уравнять в имуществе с бедняками. Этот довод попал в цель: женевские толстосумы забеспокоились о своем добре. Встревоженные, они вынесли Сервету приговор, которого добивался «женевский папа». 27 октября 1553 года пытливый врач и смелый мыслитель Мигуэль Сервет был казнен. Его сожгли на костре богобоязненные кальвинисты, причем «женевский папа» распорядился казнить вольнодумца на медленном огне: с этой целью в огонь были брошены вязанки отсыревшего хвороста. Сервета жарили живым два часа. Страдая невыносимо, этот мужественный человек нашел в себе силы воскликнуть, обращаясь к палачам: «Неужели у вас не хватило украденных у меня при аресте золотых монет и золотой цепи, чтобы купить побольше дров?» Так погиб выдающийся медик и философ Сервет. Как и Везалий, он стал жертвой религиозного мракобесия.

ТОТ, КТО ОСТАНОВИЛ СОЛНЦЕ И СДВИНУЛ С МЕСТА ЗЕМЛЮ

В том же самом 1543 году, когда в Базеле был напечатан анатомический трактат Везалия, из-под печатного станка одной из типографий немецкого города Нюрнберга вышла другая книга, тоже сделавшая переворот в науке. Это было сочинение Николая Коперника «Об обращении небесных тел».

Самому ученому было тогда уже за семьдесят. Много лет он жил и работал в соборной башне небольшого прибалтийского городка Фромборка. Прямо из своего жилья Коперник мог выходить на крепостную стену, примыкавшую к башне:

перед ним расстилалась темно-серая гладь моря, а сверху ее прикрывал необъятный небосвод. С этой стены великий астроном производил свои наблюдения. Их результатом и явилась книга «Об обращении небесных тел». Автору ее, однако, не суждено было увидеть своего труда. Тяжелая болезнь давно уже держала старого Коперника в постели. Не раз подушку больного заливала кровь, шедшая горлом. Организм был надломлен и истощен. Вот уже правую половину тела разбил паралич. Потом угасло и сознание. Смерть витала над головой ученого.

Был погожий майский день, а в комнате умирающего царил полумрак: большое окно затемняли плотные занавески. Возле двери, в узком коридорчике, на дворике перед башней стояли небольшие группы людей. Приглушенными голосами, взволнованно они перебрасывались какими-то отрывочными замечаниями. Тут были и одетые в черное служители фромборкского собора, и горожане-друзья умирающего, почитатели его таланта и трудолюбия. Все находились в напряженном ожидании. Пробило полдень. И тогда на дороге, ведущей из города к старинному собору (он стоял на высоком холме), показался всадник.

Заметно было, что он спешил. И не даром: всадник, так торопившийся во Фромборк, вез с собой драгоценную ношу — переплетенный в кожу том, первые экземпляры которого несколько дней назад были отпечатаны в Нюрнберге. Однако спешить уже было не к чему. Сознание больше не возвращалось к Копернику. Войдя в комнату умиравшего, гонец подошел к его постели. Скорбно глядя на неподвижное лицо ученого, вошедший приподнял его холодеющие руки и вложил в них привезенную книгу. Через несколько минут Коперник скончался.

Николай Коперник — купеческий сын, родом из польского города Торуня, знаток латинского и греческого языков, прекрасный художник, умелый врач, прославился все же не в филологии, не в живописи, не в медицине. Его имя обессмертили величайшие открытия, сделанные совсем в иной области человеческого знания — в науке о Вселенной.

Большую часть жизни Коперник прослужил каноником во Фромборке (Фрауэнбурге), где управлял поместьями и доходами соборного капитула (священников при храме). Не часто хозяйственные заботы оставляли Копернику достаточно времени для наблюдения над звездами и планетами. Порой ему приходилось покидать свою келью и уезжать по административным делам в дальние владения собора. Иногда житейские хлоп-

поты, поглощавшие Коперника, становились весьма тревожными. Одно время тевтонские рыцари то и дело опустошали деревушки и города во владениях фромборкского капитула. В отличие от своих церковных собратьев Коперник не уехал из Фромборка даже тогда, когда город оказался осажденным рыцарями. Напротив: скромный каноник, которого по вечерам жители города видели на крепостной стене за совершенно мирным делом — изучением звездного неба, помог им дать отпор непрошеным гостям, а затем, после того как рыцарей заставили снять осаду, принял участие в дипломатических переговорах с главарями тевтонских разбойников.

И все же посреди всех этих хозяйственных, военных, дипломатических и прочих хлопот весьма прозаического характера, требовавших и времени, и сил, Коперник находил досуг для главного — занятий астрономией. При таких условиях уже само по себе это было нелегким делом. А ведь Коперник ко всему собственноручно мастерил инструменты для своих наблюдений за светилами. Но настоящий подвиг ученого состоял вовсе не в этом.

Коперник был духовным лицом. До последнего часа он оставался в звании каноника, то есть являлся членом церковной иерархии. А между тем открытия, которые он сделал, шли вразрез со всем, чему учили христианские попы и их священные книги. Коперник прекрасно понимал это. Долгое время он почти ни с кем не делился своими выводами, работая в полном уединении. О поразительных открытиях фромборкского каноника знали лишь его немногие друзья. Даже когда наблюдения ученого были сведены воедино, когда Коперник закончил сочинение, над которым работал не один год, он далеко не сразу рискнул издать свой труд: слишком явственны, слишком вопиющи были противоречия между его учением и тогдашней, библейской, наукой. Только 36 лет спустя после того, как работа была завершена, уже в конце жизни, уступая настояниям друзей, он все же отважился опубликовать трактат «Об обращении небесных тел». Отдавая это сочинение в печать, Коперник был глубоко убежден, что его открытия и основанное на них новое представление об устройстве Вселенной являются единственно верными, ибо их фундаментом служат собственные наблюдения ученого, опыт. И пусть новая система мироздания противоречит Ветхому завету и писаниям ученых-богословов, именно в ней заключается истина о мире. «Если появятся в будущем, — писал он, — пустые зубоскалы, которые, хотя и не смыслят ничего в математике, позволят себе все же на основании какого-нибудь места из священного

писания по злой своей воле хулить мое учение или нападать на него, — я вовсе не буду этим огорчен, а к их суждениям отнесусь с презрением».

Открытия, которые сделал в XVI веке польский астроном, наблюдая за движением небесных светил, производя математические расчеты, подбирая всевозможные доказательства в пользу своей теории, ныне известны каждому школьнику: они являются азбучной истиной астрономии. Но в то время, т. е. почти пятьсот лет назад, отважиться на подобные выводы было высоким научным и нравственным подвигом. Чтобы совершить его, требовалось интеллектуальное мужество, граничившее с героизмом.

«Небесным Галеном» эпохи считался греческий астроном II века нашей эры — Птолемей; между прочим, звали его, как и знаменитого римского медика, Клавдием. Птолемей в свою очередь опирался на воззрения жившего за 600 лет до него философа Аристотеля. Как и он, Птолемей учил, что в центре мира находится Земля. Она шарообразна и неподвижна. Вокруг нее равномерно обращаются все прочие небесные тела, включая Солнце. Каждое светило прикреплено к своей сфере — поверхности некоего прозрачного полого шара и движется вместе с этой сферой.

Это была геоцентрическая система устройства Вселенной, названная так от слова «гео» — Земля, ибо именно Земля помещалась Птолемеем и его последователями в центре Вселенной. Эту старинную теорию строения мира-схему Аристотеля — Птолемея — в средние века приняла и разработала католическая церковь.

Для церковников важно было прежде всего, чтобы наука подкрепляла авторитет Библии. Схема Аристотеля — Птолемея как нельзя лучше могла служить этой цели. Ведь в рассказе Библии о том, как бог в течение шести дней сотворил мир «из ничего», ясно говорится, что вначале всевышний создал земную твердь, потом Солнце, Луну, звезды, причем они, мол, были поставлены творцом «на тверди небесной», то есть прикреплены к небесному своду так, что могли освещать Землю. Собственно, эти светила, с точки зрения авторов Ветхого завета, и были сотворены богом в качестве фонарей для земли. Все было тщательно спланировано богом, создавшим Вселенную для человека.

Согласовать библейские фантазии с птолемеевыми гипотезами не составляло особенно большого труда. Теория греческого астронома вполне устраивала попов и монахов. Богослова со временем подогнали ее под священное писание, и

таким образом «усовершенствовали». Больше других потрудился в этом направлении Фома Аквинский. Церковники, впрочем, внесли лишь отдельные дополнения и уточнения в геоцентрическую картину мира, нарисованную Птолемеем; к его восьми небесным сферам, движущимся одна в другой (семь — с планетами, к которым причисляли и Солнце, восьмая — со звездами), они прибавили еще одну — «хрустальное небо», где якобы обитают бог, ангелы и остальные небожители. Разумеется, творец мира признавался главным механиком, который движет небесными сферами и их светилами. В этом искаженном виде европейцы представляли себе Вселенную в течение многих столетий. Правда, насчет числа концентрических сфер, из которых она якобы состоит, шли споры: одни насчитывали семь, другие — три сферы, многие схоласты вслед за Аристотелем говорили о пяти сферах и в придачу к ним добавляли опять-таки сферу божественного перводвигателя, но, так или иначе, земной шар в представлении людей средневековья был как бы соотнесен с миром небесным и выступал в качестве центра Вселенной — системы концентрических сфер.

Коперник, наблюдая в течение десятков лет за движением небесных тел, понял, что Птолемеева система несостоятельна. Земля вовсе не центр мира. Таковым, по мнению Коперника, служит Солнце: вокруг него движутся все планеты. Земля также не неподвижна. Она, словно волчок, вращается вокруг своей оси: от этого день сменяется ночью, а ночь — днем. Земля обращается вместе с тем и вокруг Солнца: от этого происходит смена времен года. Двигается, доказывал Коперник, именно Земля, нам же кажется, будто вращается небесный свод, перемещаются Солнце, планеты, меняют свое местоположение звезды. Все это объясняется движением Земли вокруг Солнца. И если планеты временами как бы останавливаются, а затем пускаются в обратный прежнему направлению путь, то такое петляние тоже является лишь кажущимся: на самом деле планеты в свою очередь обращаются вокруг Солнца, а их остановки и возвращения — видимый результат движения Земли. Таковы были некоторые из важнейших выводов, к которым пришел Коперник.

Созданная им система мироустройства в дальнейшем стала называться гелиоцентрической: «гелиос» по-гречески — Солнце; его, а не Землю, Коперник рассматривал как центр мира. Теория Коперника опрокидывала прежние, церковные представления о Вселенной, ставила их с головы на ноги. Не все в ней было вполне правильным. Позднее астрономы уста-

новили, что Солнце — лишь центр Солнечной системы, а не всего мироздания, как думал Коперник. Было выяснено, что планеты движутся по вытянутым кривым — эллипсам, а не по кругам, как опять-таки считал Коперник. Имелись в его теории и другие ошибки. Но главное заключалось не в этом. Коперник опроверг основы птолемея-библейской астрономии. Он установил, что Земля не является центром Вселенной.

Как же следовало теперь поступить с библейским сказанием о сотворении мира богом? Ведь он, если верить Библии, создал небесные светила лишь для того, чтобы они освещали землю! Что было делать с фантастическим рассказом священного писания о том, как еврейский военачальник Иисус Навин остановил солнце?

В святом писанье говорится,
Что Солнцу повелел Навин остановиться,
Когда же словесам Коперника аз внимлю,
То мною, остановить он должен был бы Землю.

В таком метком четверостишии выразил несовместимость Коперниковой теории и библейского повествования автор одной старинной шутки.

Мало того, господь бог, говорила Библия, поселил на Земле — в центре мира — свое лучшее творение — человека. Ради спасения грешного потомства Адама и Евы творец принес в жертву собственного сына Иисуса Христа, послав его опять-таки на Землю. Земля — та сцена, где разыгралась всемирно-историческая драма искупления, определяющее, по мнению церкви, событие в истории человечества, повернувшее его на новый путь. А по учению Коперника получалось, что центр мира, оказывается, Солнце. Но и это еще не все.

Коперник вообще утверждал, что «в сравнении с небом Земля не более, как точка, ничтожество в неизмеримом мире. Небесных тел во Вселенной бесконечно много». Выходило, что бог отправил свое чадо — Христа — вовсе не в центр мироздания, а в его жалкий закоулок, на одну из бесчисленных песчинок, составляющих бесконечную Вселенную. Но тогда почему именно Земля удостоилась посещения богочеловека? Система Коперника в корне подрывала не только библейское представление о сотворении мира. Неизбежно рушилась и евангельская сказка о рождении, крестных муках и воскресении Христа — главный пункт всего церковного вероучения.

Вот к каким неожиданным на первый взгляд последствиям вели открытия фромборкского каноника. Они полностью расшатывали фундамент христианского мировоззрения.

Теория Коперника в момент своего появления вызвала не-

доумение у современников. Многие посчитали ее просто нелепым чудачеством. А богослов Мартин Лютер, узнав о Коперниковой системе, выразился так: «Говорят о каком-то новом астрологе, который доказывает, будто Земля движется, а небо, Солнце и Луна неподвижны, будто здесь происходит то же, что при движении в повозке или на корабле, когда едущему кажется, что он сидит неподвижно, а Земля и деревья бегут мимо него. Ну, да ведь теперь всякий, кому хочется прослыть умником, старается выдумать что-нибудь особенное. Вот и этот дурак намерен перевернуть вверх дном всю астрономию».

Римский папа и его кардиналы не разобрались первоначально, какие опасности для церкви таят в себе взгляды фромборкского каноника. Конечно, по тогдашним представлениям, это были странные взгляды. Но почему бы не воспользоваться ими в интересах церкви? Как раз в ту пору церковники, да и весь ученый мир были поглощены реформой календаря: она нужна была для уточнения времени церковных праздников. Теория Коперника — это, разумеется, пустая гипотеза. Однако она, рассудили в Риме, очень может пригодиться при реформе календаря: с помощью Коперниковой теории можно будет точно вычислить, в какие дни отмечать воскресение Христово и другие праздники.

И церковники действительно использовали расчеты Коперника в своих, религиозных целях. Они не сразу сумели раскрыть в его взглядах зерно ереси. Только самые проникательные ученые и богословы понимали: теория Коперника явно не в ладах с Библией, если ее принимать не как удобную гипотезу, а в качестве научной истины. Хуже того, теория, по которой Земля — не центр мира и движется, тогда как Солнце неподвижно — прямое кощунство!

И недаром еще в то время, когда в нюрнбергской типографии печатался трактат «Об обращении небесных тел», была сделана неуклюжая попытка исказить существо воззрений Коперника. Богослов и астроном Андреас Оссиандер, которому друзья ученого поручили наблюдать за печатанием книги, по собственному почину, не испросив на то согласия автора, вставил в нее анонимное предисловие: «К читателю. О предположениях, лежащих в основе этой книги». В нем говорилось, что взгляды, развиваемые в трактате, только по видимости потрясают «исконные основы науки», на самом же деле эти взгляды суть всего-навсего безобидные предположения, нужные только для того, чтобы легче было производить астрономические расчеты. Всякий астроном вправе, можно было прочитать в этом предисловии, измышлять гипотезы для объясне-

ния небесных явлений. Совсем не обязательно, чтобы такие гипотезы были правильны или даже вероятны,—довольно и того, что они позволяют производить расчеты, сходящиеся с наблюдениями. Истина же познается только при помощи божественного откровения.

Коперник уже не увидел этого фальшивого предисловия и не смог выразить протеста против «спасительных» богословских ухищрений. Впрочем, некоторые историки науки склонны предполагать, будто ученый все же успел хотя бы просмотреть свой труд в печатном виде и, обнаружив подложное предисловие, пришел в такое негодование, что волнения ускорили его смерть. Однако это лишь догадки. Да и не в том дело, узнал или не узнал Коперник о подлоге, произведенном как бы от его имени. Протестом против мыслей, выраженных в анонимном предисловии, по существу могло служить обращение Коперника к папе римскому Павлу III, предварявшее книгу. В этом обращении ученый с глубокой убежденностью заявлял, что написал свое сочинение именно для доказательства движения Земли. Конечно, он понимает, что его учение покажется абсурдным тем, кто привык верить, будто Земля неподвижна и является центром Вселенной. Однако философ, коль скоро он ищет истину, не должен сообразовываться с суждениями толпы. Да, учение, которое он, Коперник, предлагает, противоречит привычным взглядам и, более того, здравому смыслу. Однако это учение построено на научных доказательствах: знающие математики поймут его правильно и согласятся с ним. Что за дело ему, Копернику, до пустословов, которые, будучи невеждами в математических науках, попытаются порицать его книгу, основываясь на каком-нибудь месте священного писания, неверно понятого и намеренно извращенного? Цитаты в спорах о Вселенной — не аргумент. Был же некогда знаменитый христианский писатель Лактанций, вспоминает Коперник известного «отца церкви», который, ничего не смыслив в математике, «почти по-детски рассуждал о форме Земли, осмеивая тех, кто утверждал, что Земля шарообразна». Пусть ученые не удивляются, «если и нас будет кто-нибудь из таких людей осмеивать».

Это был смелый вызов — и кому? Папе, который лишь за год до выхода в свет книги Коперника учредил верховный трибунал инквизиции по делам о ересьях!

Во времена Коперника не было ни одного смельчака, кто бы отважился публично пропагандировать новые идеи. Такие мужественные люди появились позднее. Первым из них был итальянец Джордано Бруно.

Ранним октябрьским утром 1579 года на кафедру большой аудитории Тулузского университета взойшел стройный, худой, среднего роста человек с красивым энергичным лицом. На его плечи была накинута темная докторская мантия, в руках он держал книгу. Взойдя на кафедру, незнакомый студентам профессор отложил книгу в сторону и окинул своими блестящими черными глазами ряды слушателей, заполнивших аудиторию и оживленно переговаривавшихся друг с другом. Каким-то окажется этот новый учитель, явившийся к ним из далекой Италии? Джордано Бруно еще совсем молод. Ему, наверное, чуть-чуть более тридцати лет. А между тем о нем ходит пре-странная молва: говорят, будто он беглый монах-доминиканец... Но вот шум смолк. Откинув с высокого лба густую прядь темно-каштановых волос, молодой доктор философии начал лекцию.

Первое же выступление нового профессора приковало к себе внимание слушателей. А на последующих лекциях аудитория уже была забита до отказа. Кто успевал, спешил чуть свет занять место поближе к кафедре, чтобы лучше слышать лектора, не пропустить ни слова.

Профессор рассказывал о древнем афинском философе Аристотеле, но этот рассказ был совсем не похож на сухие, монотонные чтения других лекторов. Его речь, лившаяся плавно и свободно, была так богата свежими, поразительными по новизне и смелости мыслями! Он как будто лишь объяснял, комментировал идеи Аристотеля, его трактат «О душе» и другие сочинения, но эти комментарии были совершенно необычными. Итальянец страстно ополчался против схоластической премудрости, давно набившей оскомину студентам, и, что было самым захватывающим, он проповедовал им удивительное учение поляка Коперника. «Великий Коперник,— говорил Бруно,— доказал, что утверждение Птолемея и его последователей, будто бы Солнце и планеты, вопреки законам природы и здравому смыслу, движутся вокруг земного шара, является нелепостью».

Однако новый учитель не ограничился повторением Коперниковой теории. Он указывал на его ошибки и дополнял теорию Коперника своими собственными рассуждениями о строении Вселенной — рассуждениями, от которых у студентов прямо-таки голова шла кругом. И было отчего! «Недостаток научных данных,— говорил лектор,— не позволил Копернику отрешиться от ошибочного мнения, что в центре Вселен-

ной находится Солнце, а сама Вселенная ограничена сферой неподвижных звезд. В действительности нет только одного мира, только одной Земли, только одного Солнца. Существует множество других солнц, других земных шаров, других миров, подобных нашему. И невозможно себе представить, чтобы все эти бесчисленные миры были лишены обитателей, подобных жителям Земли. Да, в других мирах тоже обитают живые существа, которые возделывают их так же, как это делаем мы на нашей планете. И подобно тому, как нам кажется, что другие миры движутся вокруг Земли, жителям этих миров представляется, что Земля движется вокруг них. Вселенная бесконечна и не имеет ни центра, ни начала, ни конца...» Это были дерзкие, волнующие слова. Они заставляли слушателей напряженно думать, ибо то, что доказывал Бруно, было прямо противоположно тому, чему учили «священные книги».

Если мир не имеет ни начала, ни конца, значит, он существовал вечно? Значит, никто и никогда его не создавал? А как же быть с богом и сотворением мира, о котором повествует библейская «Книга Бытия»? Вслед за одними вопросами рождались и другие. Если Вселенная не имеет границ, если, кроме нашей Земли, Солнца, планет и видимых звезд, имеется множество других таких же звездных систем, как утверждает итальянец, следовательно, нет никакого особого, божественного неба, никакого эмпирея. Где же тогда находится обиталище всевышнего? Для него просто не оказывается места в безграничной Вселенной! Да, видимо, именно к такому выводу и клонит профессор Бруно.

Аудитория взбудоражена. Но в ней воцаряется полнейшая тишина, когда облеченный докторской степенью лектор открыто высказывает с кафедры явно богохульную мысль: «Вы должны понять,— говорит он потрясенным слушателям,— что все бесчисленные миры Вселенной движутся вокруг собственных центров или вокруг какого-нибудь другого тела в силу внутреннего принципа. Нет надобности принимать существование духовного тела за пределами восьмой или девятой сферы, которое действительно увлекало бы столько тел и заставляло бы их вращаться вокруг Земли». Все понимают: «духовное тело» — это господь бог. Бруно смело заявляет, что бог не нужен миру, что движение небесных тел происходит безо всякого божественного вмешательства, в силу одних только внутренних причин. «Мнение о существовании какого-то первого движущего, какого-то высшего, охватывающего все небеса существа, является не более, как пустой выдумкой».

Представлять себе мир без творца — это само по себе было великим кощунством. Внушать же такие богомерзкие пакости студентам с кафедры — это уже являлось безмерной дерзостью. И если наиболее восприимчивые слушатели из студенческой молодежи горячо внимали смелым словам Бруно, старались понять его доказательства, восхищались отвагой итальянского ученого, то многие другие не разделяли этих настроений. Слухи о еретических высказываниях нового доктора философии дошли до церковников. Джордано Бруно, как и Коперник, бросил вызов всему, чему церковь учила столетиями. И покровители науки в сутанах объявили войну отважному мыслителю, войну не на жизнь, а на смерть.

Лекции и книги. Книги и диспуты. Скитания из страны в страну, из города в город. За Тулузой — парижская Сорбонна. Потом — туманная Британия. Прославленный университет в Оксфорде — цитадель богословия. Победоносный диспут с его докторами теологии, во время которого итальянец ядовито высмеивает тех, кто, ничего не поняв в учении Коперника, пытается обосновать свои сомнения в истинности его учения ссылками на анонимное предисловие к книге польского астронома. Предисловие это — фальшивка, говорит Бруно, учение же о движении Земли не гипотеза для каких-то расчетов, а истина, и сам Коперник выполнял должность не только математика, который предполагает, но и физика, который доказывает движение Земли. Снова Париж, где в споре с учеными богословами Бруно наносит поражение священной ослиности, — так называл он богословскую науку. Германия: Майнц, Магдебург, Виттенберг, Франкфурт. И везде — жестокая борьба. Борьба за свет истины, за Коперниково учение, за торжество науки, борьба против косности, против кичливого и «лягающегося невежества».

Над ученым скитальцем глумятся озлобленные педанты от науки. Приходится оставлять один университет, перебираться в другой. Но всюду — засилье «величайших ослов мира», тупиц, страшящихся истины. Всюду — «ослиные академики», в которых лишь «читают лекции о том, как надо наослиться, чтобы получить блага не только в здешней временной жизни, но и на том свете». И Бруно, не щадя сил, обрушивается в научных трактатах, едких памфлетах, остроумных стихотворениях на «торжествующего зверя».

Жестокосердые, злобные желанья
Не в силах, непрерывно нападая,
Глаза мои задернуть пеленою
И солнца скрыть волшебное сиянье.

Так в непрестанной борьбе и скитаниях проходят десятки лет. Инквизиция и ее союзники — иезуиты не дремали. Они много лет охотились за безбожником Бруно, расставляли против него свои тайные сети. Наконец, один из их капканов сработал. В мае 1552 года ученый, вернувшийся в родную Италию, был предательски схвачен венецианскими инквизиторами. Настали годы мучений; церковники восемь лет испытывали мужество Джордано Ноланца (он был родом из Нолы). Сперва — в Венеции, в тесных камерах со свинцовой крышей: накаляясь от солнечных лучей, свинец так нагревал воздух, что человек задыхался от жара. Бруно прошел эту непереносимую пытку, устоял, не сдался. Потом — застенки римской инквизиции. Новые, многодневные пытки на дыбе, запугивания, уговоры, лишь бы еретик отрекся от своего «пагубного учения». Ему сулили свободу и даже высокие должности в церковной иерархии. Ему давали одну отсрочку за другой. Надеялись сломить волю, сокрушить гордый дух.

Ничто не помогло мучителям. Бруно, глубоко убежденный в истинности своего учения, отказывался «раскаиваться» в нем. Нельзя предавать истину: «Славен не только тот, кто побеждает, но также и тот, кто не умирает трусом и подлецом». И вот — последний допрос в тайном судилище. В камеру, где на полках разложены в строгом порядке орудия пыток, вводят поседевшего Бруно. Его тело поддалось истязаниям, но его дух остался таким же непреклонным, как и восемь лет назад. Все тем же неукротимым огнем горит взор ученого. Судья-инквизитор — это сам генерал доминиканского ордена — предлагает Бруно подписать формулу отречения. Бруно остается непоколебимым. Он требует, чтобы инквизиторы убедительными доводами опровергли его взгляды, основанные на разуме и на изучении природы. «Я не могу и не хочу отречься, — твердо говорит он, — мне не в чем раскаиваться, и я не знаю, в чем мне следует раскаиваться». Ответ Бруно сообщают папе: богоотступник упорствует, отрицает распространение им ереси, заявляет, будто слуги инквизиции неспособны его понять. Жестокий и суеверный Климент VIII созывает в своем дворце верховных инквизиторов. Священная конгрегация — девять кардиналов под председательством папы — приговаривает еретика к казни, постановляя: «Передать монаха Джордано Бруно светской власти для выполнения приговора». Светская власть — это римский губернатор, к которому направляется особое обращение: «Примите еретика в свое ведение, чтобы по своему усмотрению подвергнуть его заслуженной каре». И далее — лицемерное добавление: «Умо-

ляем вас, однако, умерить суровость вашего приговора в отношении его тела так, чтобы ему не грозила смерть от пролития крови». Это означало, что папа повелевал сжечь «преступника» на костре.

Через несколько дней, в сопровождении палача, Бруно привели ко дворцу инквизиции для того, чтобы зачитать ему приговор. Его лишили монашеского чина, отлучили от церкви, «изгнали из общины Христа». На шею еретика накинута веревка, в руку вставлена зажженная свеча. Кардиналы и инквизиторы стоят на балконе дворца. Здесь же — римский губернатор. Из распахнутых дверей церкви святой Агнессы выходит секретарь инквизиции в фиолетовой мантии и четырехугольной шапке. Его окружают стражники — солдаты папской гвардии, с аркебузами и огромными мечами. Палач грубо толкнул Бруно в плечо: «На колени!» Молча выслушал Ноланец беспощадный и ханжеский приговор. Когда чтение кончилось, палач вырвал из рук осужденного свечу и погасил ее. Это был знак того, что и жизнь Бруно тоже закончена. Он поднялся с колен, и в зловещей тишине палачи услышали гордые слова, полные достоинства и мужества: «Вероятно, вы испытываете больший страх и смятение, вынося мне приговор, чем я, выслушивая его».

Яркое, солнечное утро 17 февраля 1600 года. В Риме весна. Щебечут птицы, распускается зелень в садах вельмож. Во всех церквях и монастырях торжественно перезваниваются колокола. Народ стекается на Кампо ди Фьори, Площадь Цветов, что у развалин древнего театра Помпея. Это — место казней. Здесь вкопан столб, сложены штабелями поленья дров. На них — книги Бруно: они тоже подлежат истреблению. Неподалеку, на возвышении, восседает сам римский папа. Его окружают десятки кардиналов в пурпурных мантиях. Все они собрались сюда затем, чтобы насладиться зрелищем казни злейшего преступника, человека, который во всеоружии знания учил, что Вселенная — безмерна и вечна, что жизнь существует не только на Земле, что звезды суть лишь Солнца, а мир подвержен бесконечным изменениям.

Вот проходит торжественная процессия священников, гнусающих хвалебные гимны творцу. За ней ведут Джордано Ноланца. В знак того, что Бруно отлучен от церкви, большое распятие, которое несут два священника, идущие позади Бруно, повернуто к нему обратной стороной.

Еще на рассвете в тюрьму, где находился Бруно, в Нонскую башню, пришли монахи из братства усекновения главы Иоанна Предтечи. «Наши братья,— гласит текст донесения

братства,— увещевали его со всяческой любовью и вызвали двух доминиканцев, двух иезуитов из Новой церкви и одного из церкви святого Иеронима, которые со всяческим снисхождением и великой ученостью разъясняли ему его заблуждения, но в конце концов вынуждены были отступить перед его проклятым упорством, ибо мозг и рассудок его окружены тысячами заблуждений и суетностью».

Процессия подходит к месту казни. Палачи срывают с Бруно одежду. На него набрасывают санбенито — белый балахон, пропитанный серой и разрисованный изображениями чертей, сжигающих грешников в пламени. Палач особыми клещами вытягивает изо рта осужденного язык и зажимает его в этих тисках: так поступали со всеми особо упорствовавшими еретиками, чтобы они не могли обратиться к народу. Вслед за тем Бруно привязывают к столбу железной цепью и, сверх того, сырой веревкой. Палач подносит к поленьям пучок зажженной соломы. Вспыхивает пламя. Оно охватывает сперва книги, лежащие у ног казнимого, а затем и его самого. Монах из братства «утешителей», стоявший вблизи, протянул умирающему распятие: церковники еще рассчитывали, что перед лицом смерти Бруно уступит им. Но он, по словам очевидца, «отверг его (распятие) мрачным взглядом и отвернулся». Героическая смерть завершила героическую жизнь.

В марте 1616 года канцелярия римского папы Павла V направила во все католические страны послание его апостолического свейтейшества. В послании черным по белому было написано, что учение Коперника является философски нелепым и вполне еретическим, что оно противоречит священному писанию, а посему книга его «Об обращении небесных тел» подлежит изъятию, пока в нее не будут внесены исправления.

Католические церковники, не понявшие вначале подлинного смысла Коперниковой теории, словно прозрели. Их утратило учение, не оставлявшее места для бога. Однако это прозрение произошло задолго до 1616 года: декрет Павла V лишь подытожил то, что папы хорошо раскусили уже вскоре после смерти Коперника. Сперва они сожгли Бруно. А потом начали зажигаться все новые и новые костры.

«Я УМИРАЮ НЕУСТРАШИМЫМ»

Это был высокий худошавый человек с головой мыслителя, светившимися умом карими глазами, пылкой и остроумной речью. Его звали Джулио Чезаре Ванини, а в историю он во-

шел под именем Лючилио Ванини — последним из многих, которые ему приходилось не раз менять, скрываясь от преследований церковных и официальных властей. Он прожил всего 33 года, но смолоду его жизнь была наполнена непрерывными поисками научной истины и прошла, как и у Бруно, в бесконечных скитаниях, среди опасностей, подстерегавших ученого на каждом шагу со стороны гонителей науки и хранителей католической веры. Студентом в Риме, Неаполе, Салерно Ванини увлекается трудами грека Аристотеля и араба Аверроэса, изучает астрономию, медицину, фармакологию. Чтобы постичь богословскую науку, юноша вступает в 1603 г. в монашеский орден кармелитов. Двадцати одного года он получает ученую степень доктора прав и почти одновременно — сан священника, но, одержимый неиссякаемой жаждой знания, снова садится на студенческую скамью — на этот раз в Падуанском университете, жадно вслушивается и вдумывается в лекции профессоров, много читает, горячо спорит с товарищами, студентами, съехавшимися в Падую из разных стран Европы.

Любовь к знаниям, стремление по-новому решить трудные вопросы науки, сообщить свои мысли и выводы другим, самому поучиться у них побудили Ванини встать на путь странствований. Он исколесил пол-Европы, наблюдал жизнь и ставил опыты, штудировал труды греков, римлян, средневековых богословов и философов своего времени, писал собственные работы, проповедовал в церквах, учил в университетских аудиториях, оттачивая свою мысль в научных диспутах. Философ-монаха узнал ученый мир не только Италии, но и Германии, Чехии, Нидерландов, Швейцарии, Франции, Англии. Смелые изобличения религиозных заблуждений возбудили против Ванини подозрения и ненависть церковников — и католиков, и протестантов. По доносу проживавших в Англии итальянских монахов распоряжением архиепископа Кентерберийского Ванини как отступник от веры был схвачен и брошен в крепость Тауэр, где провел в заточении почти два месяца. Суд вынес ему смертный приговор, от исполнения которого ученого спасло лишь вмешательство дружески расположенных к нему влиятельных особ — венецианского и испанского послов. Вызволненный их усилиями из рук палачей, Ванини снова отправляется в путь, сбросив монашеское одеяние. Теперь за ним уже неотступно наблюдает око папского Рима.

Чтобы избежать когтей инквизиции, приходится — и в книгах, и в жизни — маскироваться, прибегать к хитростям. Только таким способом можно продолжать исследования, преподавать, писать новые труды, собирать вокруг себя пытлиую мо-

лодежь в Париже, в Генуе. Очередной донос заставляет Ванини бежать в Лион; потом он пытается найти приют в стенах отдаленного монастыря в Гиэни, а оттуда возвращается в Париж. Симпатизирующий ученому маршал Бассомпьер назначает его своим священником. Вскоре, однако, теологи Сорбонны — блюстители католического вероучения — постановляют сжечь безбожные сочинения итальянца. Ванини скрывается в Тулузу. Он живет здесь под вымышленным именем. Его лекции вызывают восхищение и энтузиазм молодых слушателей, старающихся во всем подражать учителю и повсюду следующих за ним.

А тем временем «друзья науки» делают свое дело. Еще один, оказавшийся роковым, донос некоего «знатного и благородственного дворянина», скорее всего, подосланного инквизицией и сумевшего войти в доверие к наставнику, — и вот, прямо на улице Ванини берут под арест. Среди его вещей находят хрустальную чашу с живой жабой. Уж не колдун ли он?

Несколько месяцев тянется следствие, допрос следует за допросом. Ванини спокоен и тверд. Он отвергает обвинения в пропаганде безверия и в безнравственности. Его обширная философская и богословская эрудиция, ораторское дарование, приобретенное многолетним опытом умение представлять свои подлинные взгляды как ортодоксальные (то есть прикрывать их видимостью того, что они соответствуют догматам католической веры) — все это позволяет ему сопротивляться следователям и судьям. Они так и не смогли доказать виновность итальянца. Однако это было и не столь существенно для тулузских властей. Зато они чутко прислушивались к мнению апостольского престола и инквизиции. Они знали, что книги Ванини осуждены на сожжение сорбонскими профессорами богословия, оберегающими чистоту веры. Законы же Тулузы предписывали беспощадно карать безверие. Формально Ванини судили за вольнодумство в речах и высказываниях. В действительности «состав преступления» философа был гораздо более значительным: смелые научные идеи, выдвинутые Ванини, наносили сокрушительные удары обветшалым религиозным догмам, которые сковывали развитие науки. Вот что породило безграничную ненависть католических мракобесов к ученому и страх перед ним, предопределив тем самым и исход судебного разбирательства.

Что же проповедовал и чему учил Ванини?

Из 14 написанных им книг сохранились лишь две наиболее важные, изданные в 1615—1616 годах: «Амфитеатр вечного провидения» и «О чудесных тайнах природы, царицы и богини

смертных», или «Диалоги». Эти труды — поистине энциклопедия передовой науки XVII века, рождавшейся в борьбе с религиозными предрассудками.

У Ванини не было строго последовательной, до конца продуманной теоретической системы. В его воззрениях кое-что еще удерживалось от средневековой схоластики, от астрологии... Однако в главном и решающем он стоял на таких позициях, которые не могли не навлечь на него священного гнева инквизиции. Мир вечен, считал философ, а бог вовсе не является творцом Вселенной. Мир не только вечен, но и бесконечен: подобно Бруно, чье влияние он испытал, Ванини учил о множественности миров, полагая, что над «небом конечным» простирается «небо бесконечное». Одно из основных положений, выдвинутых Ванини, состояло в том, что «природа равна богу в своем могуществе», что «бог или, лучше сказать, природа, создала небо и землю» — такие суждения, по сути дела, были равнозначны изъятию бога из природы. Она создана без его вмешательства, утверждал Ванини, и развивается сама по себе, по своим законам. Хозяин природы не бог, а человек с его знаниями и трудом. «Всевышний предоставляет в этом мире всему идти своим путем, по законам природы. Поэтому никакие обстоятельства не должны быть нам помехой, и мы должны применять самые решительные меры для исправления погрешностей природы».

По мысли Ванини, далее, материя едина, и небо, которое церковь объявляла особым, благородным элементом существующего, «пятой стихией», в отличие от четырех остальных, из которых состоит «подлунный мир» (земля, вода, воздух и огонь), нетленной и неизменной, на самом деле столь же материально, как и все прочее. Небо, рассуждает ученый, «заполнено энергией, количеством и формой. А там, где есть количество и форма, непременно проявляет себя и материя», причем «материя неба не отличается от материи, из которой состоит человек или скарабей». «Я отрицаю,— во всеуслышание заявлял Ванини вразрез с католическим учением,— что материя неба выше материи нашего мира».

Особенно смелым в философских взглядах Ванини было представление о первичности материи и вторичности сознания, духа. Поскольку мир, материя вечны, постольку они и несотворимы, а, следовательно, никакой дух не может дать толчок материи, или душа — телу; как раз напротив — само тело порождает мысль, дает импульс к жизни духу.

В «Диалогах» имеется замечательное рассуждение Ванини о причинах потери человеком сознания. В Генуе его друг

Григорий Спинола рассказывал ему, «что он упал из открытого окна и после этого в течение целого дня находился без чувств, ничего не видел, хотя глаза его были открыты, и не ощущал боли от раскаленного железа, которое к его коже прикладывали медики». По мнению Ванини, Спинола лишился чувств и дара речи из-за того, что его мозговая оболочка была сжата — и только. А ведь с точки зрения христианской религии ни один волос не падает с головы человека без божьей воли. Нет, как бы говорил Ванини, сверхъестественное вмешательство никакого участия в случившемся с его другом не принимало!

А сновидения? Их ученый объясняет вполне материальными факторами: «...Во время сна формируется и изменяется кровь... наш мозг активен и во сне, он порождает мысли». Таким образом, по Ванини, мысль, возникающая и во сне, — порождение мозга, материи, а отнюдь не духа — дара божьего, вложенного в человека свыше, как учила и учит церковь.

Ванини отрицал бессмертие души. Вынужденный говорить с читателем эзоповским языком, скрывать свои подлинные мысли от врагов, он выдавал себя за противника атеизма. Ванини обычно вкладывает свои атеистические идеи в уста тех, чьи «нелепые» взгляды затем будто бы изобличает, а на деле, становясь в позу опровергателя «глупых учений», обстоятельно и с большой убедительностью излагает их, то есть излагает фактически собственную точку зрения. Пользуясь этим приемом, Ванини вдребезги разбивает, в числе остальных церковных догм, и догму о бессмертии души. «Во-первых, современные атеисты считают, что люди и животные схожи в своих восприятиях, формировании, рождении, питании, росте, строении и смерти, схожи по внутренним и внешним частям тела. И тем, и другим уготовано одинаковое употребление, поэтому, если душа умирает вместе с животным, она должна умереть и вместе с человеком. Во-вторых, все сотворенное должно непременно умереть, следовательно, душа, как творение бога, должна обязательно умереть. В-третьих, еще никто не возвращался из царства мертвых, но если бы душа была вечной, бог не преминул бы вернуть одну из них для того, чтобы осудить и опровергнуть атеизм». А далее следует ссылка на авторитетные мнения древних и современных философов, отрицающих бессмертие души, после чего автор замечает: «Я признаю простодушно, что бессмертие души не может быть доказано на основе физических принципов, но,— продолжает Ванини, как бы снимая с себя ответственность за сказанное и облачаясь в маску верного сына церкви,— это дело веры... я христианин

и католик по имени и по происхождению, если бы я не верил церкви, неиссякаемому источнику правды, мог ли бы я верить в бессмертие души?»

Во времена Ванини научная мысль только начинала освобождаться от вековых оков, налагавшихся на нее религией. Многие в его рассуждениях имеют характер гипотез или даже догадок, поражающих своей гениальностью. Так, он высказывал предположение, что человек возник вовсе не в результате акта божественного сотворения, «не по велению божьему», а естественным путем. Прибегая к маскировке своих мыслей, философ приводит мнения тех «атеистов», которые «думают, что человек произошел от обезьян, свиней и лягушек, из разложения их трупов, так как плоть человека и поведение его сходно с ними». «Атеисты говорят, что первые люди ходили сгорбленные, на четырех конечностях, как животные, и только впоследствии, при помощи больших усилий, изменили это положение, освободив руки...»

Когда сегодня мы знакомимся с такими догадками, высказанными свыше 350 лет назад, и сопоставляем их с элементами тех воззрений, которые Ванини еще воспринял от средневековья и которые делали его теории непоследовательными, на ум приходят поэтические строки Дантовой «Комедии»:

В тот час, когда поет, зарю встречая,
Касатка, и напев ее тосклив,
Как будто скорбь ей памятна бывая,
И разум наш, себя освободив
От дум и сбросив тленные покровы,
Бывает как бы вещь прозорлив...

Такая вещая прозорливость была присуща Ванини, одному из тех смелых зачинателей науки, которые поднялись в ее ранний час, на ее утренней заре. И это относится не только ко взглядам философа на мир, Вселенную, природу, но и на общественные, человеческие установления, в том числе — государство, политику, религию. Относительно последней он полагал, например, что любая религия служит правителям для того, чтобы держать народ в повиновении. Приписывая собственные мысли «главе атеистов» Никколо Макнавелли — видному итальянскому политическому мыслителю и историку XVI века, автору «вредной» книги «Государь», Ванини замечал, что тот рассматривает религию как учение, «предназначенное для простонародья, чтобы поддержать его, из-за отсутствия разума, религиозной верой». Но философ не останавливается на этом определении: причина, позволяющая держать простой народ в послушании при помощи религиоз-

ных сказок,— в страхе перед неизведанными силами природы. Религиозность не есть врожденное качество человека, как утверждали богословы. «...Невежественный народ содержится в рабстве из-за боязни перед всевышним, который видит все и за все воздает, расплачиваясь при помощи наказаний или вечного блаженства». И далее Ванини цитирует высказывание римского поэта-философа Лукреция о том, что «страх был первым создателем богов на земле».

Как видим, у тулузских блюстителей католической веры и закона, у папской инквизиции, невидимая рука которой направляла события, были основания для осуждения ученого-безбожника, книгу которого «Диалоги» доктора Сорбонны признали «злой и отвратительной, напечатанной на виду у христиан и к их большому стыду».

Как и его великий предшественник — Бруно, Ванини не отказался от своих идей. Он защищался до последнего. Как и Бруно, Ванини был приговорен к смерти. В приговоре говорилось: «...Великая палата вместе с Палатой по уголовным делам, в присутствии первого председателя суда Лемазюрье и других, по заявлению генерального прокурора короля, произвела судебное следствие над Помпео Училио, неаполитанцем по национальности, заключенным в городскую тюрьму. Великая палата заслушала обвинения, выдвинутые против него, свидетельские показания, очные ставки, сведения и доносы о рассмотренных и установленных фактах, речь и заключение генерального прокурора короля против указанного Училио.

Было решено, что процесс находится в таком состоянии, когда может быть принято окончательное постановление без дальнейшего расследования истинности указанного процесса. Установив это, суд объявляет, что указанный Училио обвинен и признан виновным в атеизме, кощунстве, нечестии и других преступлениях, рассмотренных на этом судебном процессе.

В наказание и в качестве возмездия за эти преступления суд приговорил и приговаривает указанного Училио к передаче в руки палача уголовного правосудия. Палач должен будет протащить его в одной рубаше на циновочной подстилке, с рогаткой на шее и доской на плечах, на которой должны быть написаны следующие слова «Атеист и богохульник».

Палач должен доставить его к главным вратам городского собора Сант-Этьен и там поставить на колени, босым, с обнаженной головой. В руках он должен держать зажженную восковую свечу и должен будет умолять бога, короля и суд о прощении. Затем палач отведет его на площадь Сален, привяжет к воздвигнутому там столбу, вырвет язык и задушит

его. После этого его тело будет сожжено на подготовленном для этого костре и пепел развеян по ветру».

Этот приговор был оглашен 9 февраля 1612 г. Выслушав его, Лючилио Ванини не считал более нужным защищаться, доказывая судьям, что он проповедовал «истинного бога». Философ мужественно заявил, что не признает католического вероучения, и идет на смерть, верный своим идеям.

Судьи торопились. По воле церковных властей решено было привести приговор в исполнение в тот же день. Вот как передают события этого дня очевидцы. Ванини, выходя из тюрьмы, веселый и радостный, произнес на итальянском языке фразу, свидетельствовавшую о его необычайном мужестве: «Пойдем, пойдем весело умирать, как подобает философу!» Под охраной вооруженных всадников «преступника» вывели на площадь Сален: в связанных руках он держал зеленую свечу. На площади под балдахином уже восседали церковные прелаты в парадных одеяниях, представители городских властей, пышно разодетые дамы из высших кругов. Масса людей загромодила площадь. Раздался звон колоколов собора Сант-Этьен, словно «преступника» уже не было в живых. Но он еще жил. Когда опоясанный веревкой монах, сопровождавший Ванини, обратился к нему со словами утешения, напомнив в страданиях Христа, Ванини ответил: «Христос потел от страха в последние минуты, я же умираю неустрашимым».

«Он умер с таким твердым убеждением, спокойствием и твердой волей, как никакой другой человек, которого когда-либо видели,— сообщает тогдашняя газета.— Чтобы показать свое твердое убеждение перед смертью и неверие в душу, он произнес такие слова в присутствии тысячи людей, когда ему сказали, чтобы он просил прощения у бога: «Нет ни бога, ни дьявола, так как если бы был бог, я попросил бы его поразить молнией парламент, как совершенно несправедливый и неправедный; если бы был дьявол, я попросил бы его также, чтобы он поглотил этот парламент, отправив его в подземное царство; но так как нет ни одного, ни другого, я ничего этого не делаю». Больше от Ванини не слышали ни слова. Судья Грамон, президент Тулузского парламента, осудивший Ванини на основании клеветы, главное доверенное лицо католических верхов, подал знак, и палачи приступили к делу. Ванини отказался высунуть язык — ему силою оторвали его клещами. Согласно приговору, преступника должны были задушить перед тем, как предать огню на костре. Суд нарушил свое же решение: Ванини был сожжен живым, и пепел его развеяли по ветру.

Так был погашен католической церковью и этот могучий светильник разума.

Ватиканская «Католическая энциклопедия» характеризует Ванини как «мятежную и беспокойную фигуру мудрствующего аристотелиста». Видно, до сих пор имя этого бесстрашного ученого внушает тревогу и страх апостольскому престолу,

ВТОРОЙ КОЛУМБ И ЧЕРНОРЯСНИКИ

Генуэзец Христофор Колумб открыл Новый Свет, новые страны на нашей Земле, расположенные по другую сторону Атлантического океана. Эти открытия были им совершены в конце XV столетия. С того времени минуло немногим более века, как еще один итальянец, родом из Флоренции, удостоился от наиболее проникательных современников почетного прозвища «второй Колумб». Правда, новый свет, который он открыл и исследовал, находился, в отличие от Колумбова, не на Земле, а далеко за ее пределами, и сам первооткрыватель изучил найденный им мир, добравшись до него вовсе не на трехмачтовом паруснике — каравелле (космических кораблей тогда еще не было): он увидел, однако, этот новый свет, увидел своими собственными глазами, а именно, через сконструированную им и в дальнейшем им же усовершенствованную зрительную трубу. Ее называли греческим словом, составленным из двух других, — «телескоп», что в буквальном переводе означает «разглядыватель воздуха».

Создатель телескопа занимал в ту пору скромную должность лектора математики Падуанского университета. Еще до создания телескопа он получил известность в ученых кругах Италии как изобретатель пропорционального циркуля, творец оригинальной конструкции водоподъемной машины, остроумный и дотошный экспериментатор, старающийся постичь — и с немалым успехом — законы, которые управляют движением тела, брошенного под углом к горизонту, законы, которые определяют сопротивление твердых материалов силам разрушения... Впрочем, уже тогда, читая лекции о движении планет, падуанский математик отважился допустить вторжение математики в философию — в ту часть ее, которая занималась устройством неба. С 1610 г., с тех пор как его взял к себе на службу герцог Тосканы, он стал носить громкий придворный титул «первого математика пизанского университета и философа великого герцога».

Имя этого математика и философа, а вместе с тем крупнейшего астронома и физика своего времени — Галилео Гали-

лей. Кто не знает его миниатюрного портрета, выполненного уже в XVIII веке,— старик с высоким лбом мудреца, со взором, устремленным к небесным светилам? Всем известно и то, что с Галилея ведут свое начало динамика, баллистика, теория сопротивления материалов, гидростатика... Эйнштейн считал его основателем современных естественных наук. Особенно значительны, однако, заслуги Галилея в познании Вселенной.

Некий льстец из числа его скрытых недоброжелателей (а таких у него, как и у всех выдающихся людей, было предостаточно) назвал его однажды «самым знаменитым и счастливейшим из живущих ныне астрономов». Да, знаменитым он действительно стал уже при жизни. Его не только признавали, но и почитали самые глубокие умы того века. Его открытиями восхищался немецкий астроном Иоганн Кеплер, установивший законы движения планет. Идеи Галилея приветствовал и отстаивал итальянский философ-утопист Томмазо Кампанелла: брошенный инквизицией в темницу, где он томился 27 лет, «неаполитанский узник» написал там специальное сочинение в похвалу «философа великого герцога» — «Апология Галилея», хотя кое в чем и был с ним не согласен. Слава Галилея, разнесенная его учениками, в самом деле гремела по всему тогдашнему миру. Его книги читали в Риме и Париже, в Вене и Амстердаме. Его чудодейственную зрительную трубу, дававшую 30-кратное увеличение, жаждали заполучить королевские особы и правители республик. В апогее славы его осыпали почестями и комплиментами меценатствующие вельможи и коллеги-ученые. Вступить в число учеников Галилея считалось честью, которой домогались для своих сыновей сиятельные аристократы разных стран.

Был ли он, однако, «счастливейшим из астрономов»? Конечно, добытые им новые знания о Вселенной преисполняли его гордым удовлетворением, а знаки внимания и признательности волновали и радовали. Однако в век Святой службы (так именовали в официальных бумагах инквизицию), в век расцвета «дружбы» церкви с наукой не мог быть счастлив ученый, отважно взявший на себя благородный труд подтвердить и обосновать естественнонаучными фактами теории Коперника и Бруно. А именно в этом состояло дело жизни «второго Колумба», возвестившего зарю нового мировоззрения. Путь к истине оказался и для него усеянным шипами и терниями, полным унижений и страданий.

О Галилее можно было бы сказать стихами русского поэта (разумеется, соответственным образом переменив смысл, вложенный в них автором)!

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Это была неукротимая страсть познания. Она заставляла его в молодые годы, когда Галилей преподавал математику в Падуе, подолгу простаивать на венецианском берегу, наблюдая приливы и отливы моря, беседовать с опытными рыбаками, промерять изменявшийся уровень воды. Чем объяснить это явление? Почему море то прибывает и бьется волнами о берег, то вдруг начинает убывать, и волнение стихает? Страсть познания побуждала Галилея позднее взбираться на верхнюю площадку Пизанской башни, и, к удивлению зевак, многократно сбрасывать оттуда мраморные и деревянные шары. Какова скорость их падения? Зависит ли она от веса шаров? Та же страсть, жившая в нем до глубокой старости, сделала его на десятки лет неразлучным со зрительной трубой. Ни приступы мучительной болезни суставов, от которой он страдал всю жизнь; ни усталость от китайских невзгод, постоянно донимавших его; ни наветы врагов, явных и тайных, окружавших ученого и его работы стеной недоверия, лживых выдумок, клеветнических обвинений; ни даже полностью подорванное к концу дней здоровье — ничто не могло воспрепятствовать наблюдениям за небесными светилами. Был ли Галилей в Венеции или в Риме, во Флоренции или Пизе, везде, прильнув к телескопу, он часами рассматривал Луну, Юпитер, Венеру, Меркурий, Солнце, Млечный Путь, весь необъятный небосвод. И его очам постепенно раскрывался «новый свет», раскрывалась совсем иная картина мироздания, нежели та, которая в течение столетий представлялась умственному взору прежних поколений.

Галилей воочию увидел — именно увидел! — горы и впадины на Луне, обнаружил спутников Юпитера, проследил изменения пятен на Солнце, рассмотрел звездные скопления Млечного Пути, рассмотрел, как диск Венеры превращается в полудиск, а затем и в двурогий серп. Он увидел множество звезд, о которых раньше и понятия не имели. Галилей не только пассивно наблюдал все это и многое другое. Повторяя свои наблюдения, он измерял, сопоставлял, делал обобщения, спорил с теми, кто либо недооценивал, либо вовсе отвергал открытое им, спорил в беседах с учеными, спорил, делал пометки на полях чужих книг, спорил в письмах, в трактатах...

Далеко не все даже из самых образованных современников Галилея, не говоря уже о массе тупиц и невежд, подвизавшихся на поприще науки и закосневших в старине, далеко

не все из тех, кого он стремился убедить в новизне и важности увиденного через линзы телескопа, склонны были разделять его уверенность в том, что открытые им факты действительно требуют нового истолкования мира. Математики, астрономы, философы того времени в большинстве своем были привержены к вековой мудрости, ко всему тому, что освящалось традицией, именами Аристотеля и Птолемея, подправленных католическими богословами, авторитетом священного писания, раз и навсегда объясненного «отцами церкви» и святым Фомой. Эти носители средневековой учености не намерены были отдавать телескопу предпочтение перед Библией.

Одни вообще делали вид, будто, заглядывая в зрительную трубу, они не замечают на небе того, что мерещится первому математику Пизанского университета. Другие, не удосужившись взять в руки телескоп, заранее отклоняли самую возможность отыскать на небе что-либо новое с его помощью. Все, что там имеется, твердили они, давно описано и растолковано, а остальное, в лучшем случае,— обман зрения, галлюцинация.

Кое-кто, впрочем, вынужден был соглашаться с Галилеем: да, то, что показывает его волшебная труба, не мираж, а реальность, и наблюдения сами по себе, конечно, верны, но к каким последствиям они могут повести?— вот что внушало им тревогу. Озабоченные до крайности выводами, которые может повлечь за собой признание новых небесных явлений, эти ученые стремились во что бы то ни стало сохранить старое понимание мира, уговорить самих себя и других в том, что открытия Галилея ни в коей мере не нарушают старых, общепринятых взглядов.

Трудно вообразить, сколько усилий истратил Галилей, опровергая вздорные домыслы, без конца нагромождавшиеся вокруг его открытий угрюмыми хулителями новизны, которые не в состоянии были ни на миг отрешиться от «спасительных» цитат и, цепляясь за эти цитаты — из Аристотеля и Птолемея, из сочинений «отцов церкви» и Фомы Аквинского, из Ветхого и Нового завета и комментариев к нему,— наотрез отвергали доводы разума, самостоятельно перерабатывавшего знание, полученное опытным путем.

«Истину надо искать не в природе, а в сопоставлении священных текстов» — такого мнения придерживались даже наиболее видные тогдашние философы. Считалось само собой разумеющимся, что если и кажется, что обнаружены какие-то новые, дотоле неизвестные факты, не согласующиеся с авторитетными текстами, то тем хуже для фактов, коль скоро о них

ничего не говорится в священном писании и у его признанных церковью истолкователей.

Математик Галилей, разглядев при помощи стекол, изготовленных человеческими руками, Луну, нашел, что она покрыта горами и изрыта впадинами, подобными земным? Он полагает поэтому, что Луна напоминает Землю? Это мнение — бессмысленно, ибо Луна — небесное светило и, подобно прочим, она, как учит Аристотель, состоит из совершенной небесной материи, а значит, не может сходствовать с Землей и, следовательно, поверхность Луны не может быть обезображена какими-то неровностями...

Галилей посредством наблюдений убедился в том, что Луна светится отраженным светом? Это — абсурд, ибо господь — о чем ясно сказано в книге «Бытия» — создал Луну «для управления ночью» (Бытие, гл. 1, ст. 16), дабы в положенное ей время она освещала Землю. Как же Луна может быть темной?

Галилей уверяет, что, рассматривая через зрительную трубу Юпитер, он открыл 4 новые планеты, будто бы являющиеся Юпитеровыми спутниками? Это — вздор, противоречащий здравому смыслу: ведь, согласно учению Птолемея, одобренному церковью, одна лишь Земля — центр всех небесных движений. К тому же всеми философами признано, что планет всего семь, да иначе и быть не должно. Семь — число совершеннейшее! Недаром господь заповедал библейскому Моисею зажигать семь лампад на светильнике, недаром в теле человека — семь важнейших органов (мозг, печень, легкие, селезенка, почки, желчный пузырь, сердце), а в голове — семь отверстий (два глаза, два уха, две ноздри, рот)... Откуда бы могли взяться еще какие-то планеты сверх семи? Того, что Галилей будто бы видел, в действительности не существует, ибо это противоречило бы порядку, установленному свыше. Есть лишь семь планет — и ни одной больше!

Млечный Путь, утверждает этот математик, представляет собой скопление звезд, не видимых простым глазом? Но ведь священное писание гласит, что звезды и были-то сотворены богом, чтобы светить на землю! А чему бы могли служить невидимые звезды? Ясно, что таковых и быть не может: телескоп ввел Галилея в заблуждение.

Он нашел на Солнце пятна? Однако еще Аристотель учил, что небесные тела нетленны и неизменяемы. Какие же пятна могут быть на Солнце, этом самом ярком и наиболее чистом светиле Вселенной? Если и наблюдается нечто, подобное пятнам, то это, вероятно, результат прохождения других планет

через солнечный диск,—они и затемняют его ясный лик.

Точно установленными и многократно проверенными фактами, строгими математическими доказательствами и расчетами, построенными на прочном фундаменте наблюдений и измерений, Галилей опровергает одно за другим все эти и им подобные ребяческие возражения. Когда сегодня знакомишься с ними, кажется, будто оппоненты великого астронома сговорились, чтобы во что бы то ни стало предвосхитить образ будущего автора чеховского «Письма к ученому соседу» с его главным и «неотразимым» доводом: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Однако Галилею-то было не до шуток. Нельзя было отстоять истину, полученную тысячами наблюдений, не сломав плотину цитат, которыми ретрограды хотели остановить движение и самой природы, и познающей ее мысли.

Галилей находит убедительные подтверждения правильности Коперникова учения о двояком движении Земли (суточном и годичном) и о гелиоцентричности мироустройства, новые аргументы, подтверждающие изумительную прозорливость польского астронома, новые данные, которые говорят, что воззрения Бруно о бесконечности Вселенной и множественности миров соответствуют действительности. Особенно важным среди астрономических открытий Галилея было определение фаз Венеры. Из наблюдений над этой планетой вытекали непреложные выводы: Венера не источает света сама по себе, а отражает свет Солнца; она обращается вокруг него, а не вокруг Земли. Эти выводы означали серьезное подкрепление гелиоцентрической теории Коперника и были могучим ударом по геоцентрической системе Птолемея. Из наблюдений Галилея следовало также, что планеты — темные небесные тела (телескоп представлял их в виде маленьких полных лун), светящиеся отраженным светом. Напротив, звезды, что утверждал еще Бруно,—небесные тела, сами излучающие свет: они, как мерцающие огни, вокруг которых колеблются его лучи, как огненные шары, подобные Солнцу, и таких солнц — бесчисленное множество.

Горячо и последовательно защищал Галилей — и не только защищал, но и развивал дальше — теорию о том, что Земля не есть центр мира и что она обращается вокруг Солнца и, кроме того, в течение суток совершает круговое движение вокруг собственной оси. Но именно эта мысль — мысль о Земле, как просто об одной из планет, обращающихся вокруг Солнца,—более всего страшила церковь. По отношению к идее о движении Земли церковь была особенно непримиримой.

мой, ибо эта идея опрокидывала библейскую космогонию.

В 1615 году, вняв доносу доминиканца Лорини, Святая служба заводит дело на математика Галилея.

Через год папа Павел V, питавший органическое отвращение к науке и к ученым, по совету своего первого консультанта, кардинала Роберто Беллармино, одного из руководителей инквизиции, сыгравшего главную роль в процессе Бруно, осудил и запретил «ересь» о движении Земли.

Галилея вызвали во дворец Святой службы. Кардинал Беллармино именем папы предписал ученому отказаться от теории о движении Земли, ибо эта теория противоречит священному писанию. Галилей впредь не должен ни защищать его учение устно или письменно, ни учить ему. Заслушание впоследствии кардинала инквизиции!

Развенчание Птолемея обошлось Галилею дорогой ценой. Отныне он должен сомкнуть уста. Однако заставить смолкнуть голос разума было превыше сил пап и кардиналов. Галилей не замолчал. Он мужественно вступил в борьбу с душителями свободной мысли.

В своих исканиях ученый исходил из принципа, прямо противоположного тому, который служил главной опорой приверженцам старых взглядов на мир: не цитаты из авторитетов, а опыт — вот единственно надежный ключ к познанию природы. Путь к правильному суждению о ней проходит только через факты, установленные тщательным наблюдением; стискивать же факты в устарелые схемы, покоящиеся на мнениях, когда-либо и кем-либо высказанных и признаваемых абсолютно верными лишь по традиции, значит, неизбежно ошибаться. Таким образом, вере и догмам Галилей противопоставлял человеческий разум: «Ни одно изречение писания,— говорил он,— не имеет такой принудительной силы, какую имеет явление природы... Там, где дело идет о законах природы, доступных духовным очам каждого, тот или иной авторитет теряет силу убедительности, уступая место силе разума».

Шли годы. Перебрались в царство праотцев и Павел V, и сменивший его Григорий XV, а вскоре туда же отправился оплот фанатизма и нетерпимости — кардинал Беллармино.

Галилей настойчиво продолжал свои исследования, расчищавшие дорогу для торжества теории Коперника. Новый папа Урбан VIII оказался столь же «дружественно» настроенным к свободным научным изысканиям, как и его предшественники. Он был непоколебимо убежден в ложности «Коперниковой гипотезы» и в том, что вообще истиной в последней инстанции

обладает лишь всевышний, а наукой наук, открывающей эту истину, является богословие.

Подобно Ванини, и Галилей вынужден был в печатных работах маскировать свою подлинную научную позицию, прикидываться сторонником воззрений, на страже которых стояла католическая иерархия, выбирать осторожные выражения для определения собственных взглядов, следовать обходными тропинками, чтобы никто не подумал, будто он по-прежнему держится мнения о движении Земли. Когда Галилей написал и издал в 1632 году во Флоренции свой главный труд «Диалог о двух главнейших системах мира», в котором суммировал все доводы в пользу представления о Земле как движущейся планете и об истинности гелиоцентрической системы, то построил эту работу таким образом, что неискушенный читатель и впрямь мог подумать, что она написана во славу церкви. Да что там неискушенный читатель! Папская цензура в пяти инстанциях разрешила книгу к печатанию! Сам магистр святого дворца — так именовался верховный цензор римского первосвященника — доминиканец Риккарди начертал на Галилеевой рукописи заветные слова: «Печатать дозволяется!» И как было поступить по-иному? Ведь во вступлении к «Диалогу» ясно говорилось, что мысль о движении Земли — лишь математическая причуда, с которой сам автор не может согласиться, ибо держится католического образа мыслей, что движение Земли — пустая химера и математический парадокс, которые «скорее служат облегчению астрономии, чем соответствуют природе». А в заключении к «Диалогам» папский декрет 1616 года характеризовался в качестве спасительного! Вот к какого рода уверткам пришлось прибегать Галилею, чтобы рассказать человечеству о своих открытиях.

Тем не менее выход книги «Диалогов» вызвал гнев папы Урбана VIII, сумевшего разглядеть, что его хотели ввести в заблуждение, что под видом книги в поддержку осуждения церковью учения о движении Земли выпущена книга, доказывающая именно эту богопротивную мысль, проклятую 16 лет назад! Галилею было велено явиться из Флоренции в Рим и предстать перед трибуналом Святой службы. Католическая церковь как истинная покровительница науки не могла простить ученому его неукротимой страсти познания истины. Галилей просил об отсрочке: стояла зима, болезнь приковала его, 70-летнего старика, к постели, он не может сейчас отправиться в столь далекий и опасный путь. Флорентийский инквизитор, навестив Галилея, подтвердил, что тот действительно тяжело болен и поездка в Рим ему не под силу. Он

неприменно приедет, но позже, когда пройдут мучающие его приступы застарелой болезни. Разъяренный Урбан VIII и слышать не хотел об отсрочке. Во Флоренцию было направлено уведомление: «30 декабря 1632 года от рождества Христова святейший повелел инквизитору ответить, что его святейшество и святая конгрегация никоим образом не могут и не должны терпеть такого уклонения и, дабы удостовериться, действительно ли он находится в таком состоянии, что будто бы не может явиться в город без опасности для жизни, святейший и святая конгрегация пошлют к нему комиссария вместе с врачом, чтобы освидетельствовать его и сделать верное и добросовестное донесение о состоянии, в котором он находится, и если он будет находиться в таком состоянии, что может приехать, то подвергнуть его заключению и привести в оковах». В феврале 1633 года Галилей, удрученный годами и болезнью, прибыл в Рим. Сперва он жил в доме тосканского посла, но спустя некоторое время за стариком явились стражники и увезли его во дворец инквизиции. Галилей — под арестом. На допросах он отказывается признать свою вину. Да и в чем? В том, что он нарушил предписание Святой службы от 1616 года, запрещавшее ему держаться Коперникова учения о движении Земли или защищать это учение? Но ведь в своей книге он и не держится и не защищает его, а доказывает обратное тому, что утверждал Коперник, опровергает его идеи! Однако отцов-инквизиторов, понаторевших в уличениях «ересей», трудно провести. Они прекрасно понимают, что автор «Диалогов» в действительности разделяет осужденную церковью теорию. Богословы-квалификаторы вынесли свое решение: Галилей сильно «заподозрен в ереси». Допустил ли он ее по опрометчивости или злонамеренно?

Последний допрос. Галилея приводят в застенок, где пытают узников. Его связывают и заставляют оглядеть приготовленные для него орудия истязаний. «И ему было приказано сказать истину, иначе он будет подвергнут пытке», — гласят сухие строчки инквизиционного протокола. Галилей вынужден был заявить, что после решения Святой службы 1616 года он не держался мысли о движении Земли.

22 июня 1633 года Галилея в хламиде до пят, одежде кающегося грешника, перевязанной веревкой, из дворца инквизиции привели в церковь святой Марии-над-Минервой. Церковь заполнена народом. Старый ученый видит вокруг суровые лица священнослужителей. Пестрят яркие облачения кардиналов, епископов, сумрачны одеяния монахов-инквизиторов. Начинается мрачно-торжественная церемония. Галилей

становится на колени и выслушивает приговор: на его книгу налагается запрет, сам же он подлежит «форменному заключению в этой Святой службе по нашему усмотрению». Срок заточения в приговоре не указан. Но прежде, нежели приговор будет исполнен, он, Галилей, должен «с чистым сердцем и непритворной верой» отречься от «ложной и противной священному писанию доктрины», осудить и проклясть «вышеназванные заблуждения и ереси». Чтобы избежать участи Бруно и получить возможность продолжать научные труды, приходится покориться. И Галилей, все так же коленопреклоненный, возложив руки на Евангелие, читает вслух акт отречения, составленный Святой службой. Он, Галилей, отрекается «...от ложного мнения, будто Солнце есть центр мира и не движется, а Земля не есть центр мира и движется». Он «хулит и проклинает» эти «заблуждения и ереси». Он клянется, что впредь никогда более не будет «высказывать и утверждать вещей», из-за которых его можно было бы заподозрить в ереси.

Итак, Галилея вынудили отказаться от того и проклясть то, что составляло его глубочайшее научное убеждение. Это была ярчайшая демонстрация «трогательной дружбы» между церковью и наукой. А чтобы прочим вольнодумцам из ученой братии не повадно было проповедовать ложные доктрины, приговор над Галилеем и его отречение приказано было огласить повсюду в церквях, монастырях, в университетах, в собраниях ученых, особенно там, где Галилей имел много приверженцев, прежде всего во Флоренции. Пусть ведают эти умники, где бы они ни находились — в Падуе или Болонье, Париже или Мадриде, Вене или Кельне — какая их ждет участь, если они отважатся держаться мнений, проклятых церковью! Тексты приговора Галилею и его отречения расклеили на городских площадях, разослали епископам и папским нунциям всего католического мира. Их напечатали в немногочисленных в то время газетах, вручили университетским профессорам. Так слуги господни гасили разум во славу всевышнего.

Последние годы жизни Галилей прожил близ родного города, в своей вилле Арчетри. Урбан VIII милостиво заменил заточение в тюрьме Святой службы ссылкой и домашним арестом. Инквизиция установила за ним строгий надзор. Папа отклонял все его просьбы об освобождении. Было запрещено печатать любые сочинения Галилея. Ученого хотели изолировать от всего мира. Когда незадолго до смерти Галилей предложил в дар голландским ученым свой метод определения географической долготы по спутникам Юпитера, Урбан VIII запретил ученому принимать золотую цепь, которой Генераль-

ные Штаты Нидерландов наградили его в благодарность за этот дар. Галилей ослеп на один глаз, потом ослеп полностью. Но инквизиция терзала его до тех пор, пока ее флорентийский служитель не донес в Рим, что ученый в самом деле находится в крайне тяжком состоянии: «совершенно ослепший, он скорее лежит уже в гробу, чем занимается математическими спекуляциями». Ему разрешили перебраться во Флоренцию для лечения под условием, что он не будет устраивать в своем доме открытых или тайных сборищ и беседований.

8 января 1642 года Галилей умер узником инквизиции.

Она не оставила его в покое и после смерти. Флорентийский инквизитор по поручению Святой службы довел до сведения великого герцога Тосканы, что тот должен отказаться от почетных похорон Галилея, тем более от того, чтобы воздвигнуть ему надгробие. «Нехорошо строить мавзолей для трупа того, кто был наказан трибуналом Святой службы и скончался, отбывая это наказание». Если же флорентийцы захотят воздвигнуть памятник Галилею, то «в эпитафии и надписи, которая будет на памятнике, не должно быть таких выражений, которые могли затронуть репутации этого трибунала». Святая служба постановила сделать такие же предупреждения тому, кто будет произносить надгробную речь. Лишь в 1737 г. прах Галилея был похоронен рядом с гробницей великого Микеланджело в церкви Санте-Кроче.

Ходячая легенда рассказывает, будто, отрекаясь, Галилей промолвил: «А все-таки она вертится».

Крест Галилей поцеловал,
Но вслед за тем, нахмутив брови
И топнувши ногой, вскричал:
«Eppur si muove!» —

Так изобразил этот эпизод более ста лет назад русский поэт-демократ В. И. Богданов. В действительности фраза «А все-таки она вертится» не была произнесена. Тем не менее церковь была бессильна остановить победное шествие научной мысли: ее нельзя было заковать в цепи. Символом этой непокоренной мысли и стал легендарный девиз Галилея: «А все-таки она вертится».

«КАЗУС ГАЛИЛЕЯ» И МАНЕВРЫ ЦЕРКВИ

Со времени преследований Везалия католическими мракобесами, анафемы учению Коперника и сожжения Бруно, со времени казни Ванини и отречения Галилея прошли столетия. И вот на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году

римский папа Пий XII похваляется вековой дружбой церкви с наукой. Он вывешивает в своем павильоне портреты известных ученых, среди которых и Коперник. Гид-священник, сопровождающий посетителей, рассказывает, что папа живо интересуется астрономией. Ватикан имеет даже свою Академию наук. В ней состоят, наряду с другими исследователями, и выдающиеся физики, вроде Бора и Гейзенберга.

Демонстрация «любви» главы католической церкви к науке, проведенная в Хайсельском парке 15 лет назад, не была преходящим эпизодом в истории взаимоотношений католицизма с научным знанием. Папы, сменившие Пия XII,— сперва Иоанн XXIII, потом Павел VI еще более усиленно стали подчеркивать приверженность католической церкви к научному прогрессу. Когда Иоанн XXIII торжественно открывал заседания Второго Ватиканского собора в октябре 1962 года, он не преминул подчеркнуть, что церковь постоянно заботится о том, чтобы «не остаться равнодушной к чудесному прогрессу открытий человеческого гения и не отстать в их справедливой оценке». А Павел VI, выступая перед участниками «научной недели», созданными на нее папской Академией наук в сентябре 1965 года, выразился еще более определенно: «Католическая церковь не боится прогресса науки. Она аплодирует замечательным открытиям, совершенным учеными. Всякий подлинный ученый для нас — друг». По словам этого папы, современный научно-технический прогресс «составляет сегодня гордость человека в его усилиях исследовать космос, использовать скрытые силы атома и изменить структуру общества».

Что же произошло? Может быть, случилось «чудо»? Гонители науки и палачи мыслителей превратились в поборников истины и в бескорыстных покровителей физиков и астрономов, биологов и химиков, чьи открытия в корне подрезают «древо познания», а лучше сказать, «незнания», на котором держится религиозная вера? Может быть, католическая церковь ныне усовестилась за прошлое и решила твердо и навсегда отвергнуть древний завет «отца церкви» Тертуллиана: «...нам после Христа не нужна никакая любознательность; после Евангелия не нужно никакого исследования»? На эти вопросы можно ответить только отрицательно: нет!

Времена изменились. Жечь ученых теперь невозможно. Воспрепятствовать открытиям пытками — тоже (хотя, как еще недавно утверждали иезуиты, «если бы это было возможно, это делалось бы»). Поэтому жрецы католицизма, чтобы сохранить власть религии над умами и даже расширить ее, переменили тактику, встали на другой путь.

Они стараются прежде всего вычеркнуть из памяти людей преступления церкви против науки, словно их никогда и не было, заставить забыть об этих преступлениях. Галилей? Ах, да, конечно! Но это ведь простое недоразумение, досадное, разумеется, но все-таки всего-навсего лишь «казус Галилея» — и не более того! И разве может он характеризовать истинное отношение церкви к науке? В конце концов вину за осуждение Галилея несут только отдельные заблуждавшиеся деятели католической церкви, а не сама церковь.

Правда, необидительность подобных аргументов все больше бросается в глаза самим слугам господним, по крайней мере наиболее проницательным из них. Они понимают, что «казус Галилея, — так говорил на Втором Ватиканском соборе страсбургский епископ Эльхингер, — не забыт всеми естествоиспытателями и вообще всеми образованными слоями населения». Понимая это, церковнослужители ищут средств «исправить» положение. На соборе было даже внесено предложение реабилитировать Галилея, признав, что его «осуждение... до сих пор не отмененное, — так говорил Эльхингер, — можно считать символом неправильного отношения церкви к науке». Словно идя навстречу этому пожеланию, папа Павел VI в 1965 году назвал Галилея великим христианином.

Однако главная забота руководителей католической церкви состоит не столько в «исправлении» ее прошлого путем вычеркивания из него «неблаговидных эпизодов» или их смягчения, сколько в проведении нового, реалистичного курса по отношению к науке в настоящем и ближайшем будущем. Такой курс необходим для того, чтобы «сделать нашу веру более компетентной для всех нас», как формулировал эту мысль тот же Эльхингер, или, по недвусмысленному высказыванию на этот счет кардинала Суэненца, сделанному на соборе в октябре 1963 года, чтобы впредь «избегнуть казуса Галилея». Вот о чем более всего пекутся теперь святые отцы!

И именно с этой целью они стремятся ныне убедить человечество, что религия и наука вообще не противоречат друг другу, что они вполне совместимы между собой. Каким же это образом? Да очень просто. Оказывается, обе — и религия, и наука — познают мир, но только наука познает его по частям и эмпирически, а религия давно уже знает его в целом и по существу. Таким образом, получается, что научные открытия вовсе не подрывают религиозных истин, а напротив, подтверждают их. Да и самые открытия ученых — это всего-навсего «божье откровение». Они лишь укрепляют и совершенствуют «наши детские представления о боге».

Церковники сегодня не жгут и не истязают ученых — такой власти у них давно нет. Они хотят добиться теперь своих целей, увековечить религию — новыми, современными средствами, с их помощью полонить умы и самую науку.

Церковники говорят теперь: пусть ученые делают свои открытия, все равно, мол, человеческий разум бессилен разрешить коренные, важнейшие жизненные вопросы. Только религии, дескать, ведомо, «кем была создана Вселенная, как появилась жизнь на Земле; церковь отвечает, что начало всему было положено богом». Этими словами пояснял смысл ватиканских экспонатов на Брюссельской выставке путеводитель по «граду божьему». В этом же духе многократно и с различными оттенками высказывались и в последующее время как римские папы, так и различные католические богословы. Де наука дает эмпирическое описание мира, систематизирует явления, внешним образом объясняет их — ей не дано, однако, проникнуть в первопричины, в сущность вещей этого мира. Оказывается, разум человеческий не в состоянии ответить на вопросы: «Что же такое человек? В чем смысл страданий, зла, смерти, которые продолжают существовать, невзирая на столь великий прогресс? Зачем нужны эти победы, достигаемые столь дорогой ценой? Что способен человек принести обществу и чего он может ожидать от него? Что ожидает его за пределами этой жизни?» Лишь «бог, который создал человека по своему образу и подобию и который искупил его грех, может дать на эти проблемы исчерпывающий ответ путем откровения, совершенного через Христа, своего божественного сына, которого он сделал человеком». Так гласит одно из основополагающих постановлений Второго Ватиканского собора. Таков смысл «нового курса» церкви в отношении к науке. Принцип Тертуллиана продолжает жить, но в модернизированном обличье.

Нынешние церковнослужители понимают, что они не могут задержать развитие науки, и считают, что она должна делать свое дело, но ставят ей определенные границы, дабы, как говорил еще Пий XII, «спасти науку от ошибок против веры». В этом — главное для церкви: наука и в век освоения космоса и расщепления атома должна остаться служанкой религии, хотя и исполнять эту роль по-новому, не наряжаясь по моде XIII века; религия, со своей стороны, обязана, согласно тексту документа, принятого Ватиканским собором, защитить науку «от всех проявлений самостоятельности». Это значит, что ученые должны работать под контролем церкви. Лишь она одна может правильно истолковать их открытия. С этой целью

церковники, на словах приветствуя научные открытия, на деле озабочены лишь тем, чтобы исказить их смысл — в угоду религии. Яснее всего сказал об этом папа Павел VI несколько лет назад: «Мы будем просить бога, чтобы наш мир, который характеризуется именно знаниями и господством над природой, не уступил бы материалистическому искушению, а сумел бы извлечь из всего этого новые аргументы, чтобы понять благоденствия, полученные от бога».

Когда взмыли к звездам советские спутники, папа римский писал в своем обращении к католикам: «Вместе с вами я радуюсь новой победе науки над природой». Чем же была вызвана эта неожиданная радость наместника божьего на земле? Ведь успех советской науки, проложившей человеку дорогу во Вселенную, нанес непоправимый удар библейским басням о боге и его творческих делах. Человеческий разум придумал, человеческие руки построили и запустили ввысь спутники. Появились новые небесные тела. Теперь их уже многие сотни. Эти новые небесные тела создал сам человек. Ему не потребовалось ничьего сверхъестественного содействия. Радость папы была вымученной. Он возрадовался не советскому спутнику, а собственной находчивости: не краснея, он тут же оповестил мир, что если спутник и заброшен в небо, то это сделано по соизволению бога, с его ведома и согласия.

Такова и сегодня «генеральная линия» католической церкви в отношении науки. Любой успех человеческого разума в познании мира и покорении природы объявляется новым доказательством божественной мудрости и могущества всевышнего.

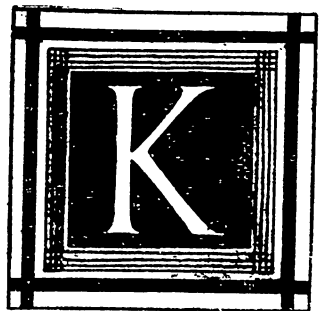
В свое время пламя оказалось бессильным спалить истину. В наши дни лживым хитросплетениям тем более не одолеть правды. Разум победно шествует вперед, проникает в самые глубокие и далекие миры, опровергая религиозные мифы.

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ
●
Благочестие во лжи

огда эти люди появились в местах, где предполагали обосноваться, и их спросили, кто они такие, ответом было: «Мы — это мы». То были иезуиты. Это слово — одного корня с именем «Иисус». Богочеловек Иисус Христос, мученическая смерть которого служит в глазах верующих образцом безропотного долготерпения, и коварный лицемер-иезуит — оба эти понятия, как оно ни покажется удивительным на первый взгляд несведущему человеку, — находятся в самом тесном родстве друг с другом.

Иезуиты — это обиходное название членов «Общества Иисуса», основанного в Париже испанским дворянином Игнатием Лойолой свыше четырехсот лет назад. По-латыни (а в Западной Европе в те времена это был международный официальный язык) наименование «Общество Иисуса» звучит так: «Социэтакс Иезу», где первое слово обозначает «общество», а второе представляет собой родительный падеж слова «Иезус», то есть Иисус.

«Общество Иисуса» было учреждено как организация католических монахов — монашеский орден. Создатель ордена Лойола, бедный дворянин-офицер, вынужденный в молодости оставить военную службу из-за ранения, сделавшего его хромым, был человек честолубивый и горячий. Начитавшись на госпитальной койке жизнеописаний святых, он уверовал в то, что господь бог возложил на него высокую миссию служения церкви. Этот-то вояка-неудачник, проникшийся истовой верой, объединил вокруг себя нескольких друзей, которых подчинил своему влиянию, и образовал кружок под названием «Компания Иисуса» (рота Иисуса). Он же составил и устав ордена. Устав пришелся по вкусу папе римскому, который высочайше утвердил его. Это было в 1540 году. А еще через год Лойолу выбрали руководителем ордена — генералом. С этой поры его

последователей стали титуловать воинами «Общества Иисуса» или, в просторечии, иезуитами.

Орден иезуитов существует и поныне. Существует, несмотря на то, что его многократно запрещали, потом снова разрешали его деятельность, опять запрещали — в разных странах в разное время — и опять разрешали... Сегодня в ордене состоят около тридцати двух тысяч человек — испанцев, французов, итальянцев, бельгийцев, американцев... Кто они? Вопрос, на который не так просто ответить.

Заглянув в церквушку небольшого французского местечка, вы могли бы увидеть перед алтарем благообразного по виду священника. На макушке его выбрита круглая тонзура, как у всех католических попов. Этот местный кюре, приходской священник, каких в стране тысячи, — иезуит, хотя мало кто из его прихожан знает об этом.

А тот монах с постным лицом, перебирающий четки и смиренно обратив взор к небесным высям, возносящий близ статуи Христа, установленной в церкви, молитву всевышнему? Это тоже обыкновенный монах, каких было несметное число в далекие времена средневековья и каких немало еще осталось в наше время в католических странах. Однако и он — член «Общества Иисуса». Правда, о его принадлежности к ордену тоже почти никто не подозревает. Чем больше тайны, тем лучше!

Вот по Пьяцца дель Пополо — одной из площадей Рима — бодро шагает, держа под мышкой папку с чертежами, молодой, интеллигентной наружности человек. На нем — темно-синий, аккуратно отглаженный костюм, яркий модный галстук оттеняет белизну нейлонового воротничка рубашки. Из верхнего бокового кармана выглядывает кончик надушенного платка с голубой каймой; поблескивают носки тщательно вычищенных туфель. Этот прохожий мог бы вам рассказать, что он — инженер-строитель по профессии и занимает прилично оплачиваемую должность в частном конструкторском бюро, куда в данный момент и направляется. Его сотрудникам и в голову не приходит, что их уважаемый коллега, всегда такой выдержанный, вежливый, ровный в обращении и даже — странное дело! — словно чуть заискивающий с теми, кто ниже него по должности, душой и телом принадлежит ордену иезуитов. А между тем дело обстоит именно так, хотя инженер этот никогда не носит монашеского одеяния.

И разве лишь тот, кто почему-либо поближе заинтересуется жизнью нашего строителя, сможет заметить, что он никогда не приходит в театр или на концерт, как большинство

других, вдвоем с женой. Видимо, он не женат. Ну, так что же? Мало ли на свете холостяков и помоложе? Вот, например, этот, входящий в известность живописец, он тоже холост, хотя ему уже далеко за тридцать. Впрочем, и поклонникам художника невдомек, что их кумир — «воин Иисуса». А ведь, кстати сказать, макушка маэстро не только не выбрита, но, напротив, вся его голова покрыта копной густых черных волос, и он частенько встряхивает головой, чтобы убрать их со лба. Да и образ жизни он ведет вовсе не монашеский: любит плотно поесть, не отказывает себе в добром вине, при случае умеет вставить в живую, остроумную речь пару соленых словечек... Словом, наш мастер кисти совсем не похож на отшельника, умерщвляющего свою плоть. И только двум-трем высокопоставленным сановникам «Общества Иисуса» ведомо, что восходящая звезда художественного мира — их преданный собрат, активный приверженец «воинства Иисуса», имеющий ранг адъютанта, то есть присоединенного члена: так называются в ордене те, кто носит обычную светскую одежду и живет «в миру». Монашеское платье и монашеский образ жизни совсем не обязательны для иезуитов. Обзор этой галереи явно грозит затянуться надолго: в ней нам встретились бы и профессор американского университета, и экономический советник ООН, и глава итальянской издательской фирмы, и французский ученый-архивист, исследующий забытые византийские рукописи, и юрист из Верховного суда США, и приехавший из ФРГ делегат Международного конгресса историков, происходившего в Москве в августе 1970 года, и иностранный студент-стажер, старательно изучающий в советских библиотеках труды Плеханова...

Что же все-таки такое иезуит? Является ли он священником или светским лицом, духовной особой или мирянином, обыкновенным человеком или монахом? Еще знаменитый французский вольнодумец Дени Дидро писал: «Он — и то, и другое, но не подходит ни под одно определение». И Дидро был по-своему прав.

Попробуем, однако, разобраться, чему посвятил себя орден и какие средства он применял для достижения своих целей.

ИСКУССТВО МАСКИ

Когда-то, в XVI—XVIII веках, иезуитов было намного больше, чем в наши дни. Тогда, впрочем, как и теперь, «воины Иисуса» могли находиться на самых различных ступенях общественной лестницы и исполнять самые разнообраз-

ные обязанности. Иезуитом мог быть и простой священник, совершавший богослужение в какой-нибудь захудалой мадридской или лиссабонской церкви, и папский кардинал или королевский исповедник, который не только выслушивал признания своего духовного сына о его прегрешениях и отпускал их, но и советовал королю, как ему поступать в делах государственной важности. В «Обществе Иисуса» мог состоять и палач-инквизитор, пыткой исторгавший показания у человека, заподозренного в ереси, и монах-миссионер, отправлявшийся в Новый Свет обращать язычников-индейцев в католическую веру. Иезуитами были и педагоги школ-колледжей в Италии и Польше, Франции и Венгрии, Литве и далекой Индии, и дипломаты, и профессора университетов в Вене и Гейдельберге, Праге и Фрейбурге...

Хотя «Общество Иисуса» и составляло особый монашеский орден со своей многоступенчатой иерархией, а члены его жили по особому уставу, но, в отличие от прочей монашеской братии, иезуиты не отгораживались от остального мира высокими стенами монастырей и строгим платьем иноков; они не старались, как это обычно делают монахи других католических орденов (францисканцы, доминиканцы), выпячивать напоказ свое благочестие и выделяться своим аскетическим образом жизни. Монашеская келья, вериги, самобичевание — все это иезуиты считали для себя излишним. Напротив, устав ордена предписывал им жить среди людей, «в миру», и возможно больше общаться с мирянами, в особенности из высших кругов. Иезуиты могли носить самую обычную мирскую одежду, менять ее в зависимости от того, где им приходится действовать, и ни в коем случае не должны были афишировать, что состоят членами ордена. Как раз наоборот, они обязаны были строго хранить тайну своего устава и всячески скрывать свою принадлежность к «Обществу». Иезуиту, прибывшему на новое место, незачем было сообщать о себе властям. Он не подчинялся и местному епископу.

Короче, это были монахи совсем особого рода, окружавшие свой орден и собственную деятельность величайшей секретностью. Иезуиту надлежало быть прежде всего искуснейшим мастером перевоплощения. Он должен был выработать в себе тонкое умение изображать и сострадательного филантропа-благотворителя, и расчетливого делового человека, и строгого исповедника, снисходительного, однако, к слабостям своего подопечного, и сурового блюстителя чистоты нравов, призывающего гнев господень на провинившегося...

Иезуиту менее всего приличествовало быть угрюмым мол-

чальником. С неизменной улыбкой на устах он должен был проникновенным словом, ласково журчащей, разумной, вкрадчивой речью, полной незаметных подвохов, уметь завоевывать расположение самых различных людей, чтобы воздействовать на них, как того требовали интересы церкви. Иезуиту надлежало также владеть искусством терпеливо выслушивать мнение других, даже если оно расходилось с его собственным, исподволь выведывать то, что по каким-либо причинам представляло для ордена интерес.

Речь, манера держаться, поведение, даже самое выражение лица — все должно легко, как и одежда, меняться у того, кто служит в «воинстве Иисуса». О, выучиться всему этому нелегко! 10—12 лет продолжается обучение. С самого начала новичиев подвергают тяжкому испытанию: им предписывается хранить полное молчание в течение 40 дней.

Один из главных предметов иезуитского обучения, установленный еще основателем ордена, — «духовные упражнения», состоящие в том, что четырежды и более раз в течение дня послушник должен вызывать в своем воображении сцены адских мучений, на которые обречены грешники, доводить себя до крайней экзальтации этими видениями, дабы таким образом укрепиться в вере и утратить всякую способность к мышлению вне рамок фанатизма. По истечении срока обучения послушник становился законченным мастером перевоплощения. Последователи Лойолы открыли в Сицилии кредитную контору для помощи обнищавшим землепашцам. Иезуит Лайнес, посланный в Геную, чтобы снискать благосклонность горожан, тщательно изучил банковское дело и выступил перед купцами и банкирами как заправский знаток коммерции, с речами о торговом и вексельном праве.

Английский историк Томас Маколей, живший в первой половине XIX в., писал о иезуитах: «Они проникали из одной страны в другую, переодеваясь самым различным образом, то под видом простых крестьян, то в качестве пуританских проповедников. Иезуита можно было обнаружить одетым в платье мандарина, в роли руководителя Пекинской обсерватории...» И это не преувеличение. В XVI веке один итальянский иезуит по имени Риччи, добравшись до Китая, сумел так полонить душу китайского императора, что превратился в его фаворита. Другие иезуиты вслед за ним явились в страну как поклонники Конфуция, решив под прикрытием старых языческих верований развернуть проповедь и насаждение католицизма. Отцы-иезуиты приносили жертвы Конфуцию, предкам. Иезуит Ле-Конт с помощью конфуцианских изречений обосно-

вывал догматы христианства. В храмах развешивались особые дощечки, полученные иезуитами от императора: «Поклоняйтесь небу!» — гласила надпись, начертанная на этих дощечках. Число людей, принимавших христианскую веру, упакованную в языческую оболочку, все более увеличивалось. Иезуиты проникают и в страну жемчуга — Индию. Эммануил Лопец, едва прикрыв полуголое тело лохмотьями, уподобляется париям — «неприкасаемым» (они не могли прикасаться к чему-либо, принадлежавшему человеку из высшей касты; и занимались лишь самой грязной работой). Лопец в одежде парии вступает в общение с этими отверженными людьми, настойчиво обращает их в христианскую веру. Позднее, уже в XVII столетии, другой «воин Иисуса», итальянец Нобили отправился в Индию в одеянии буддийского монаха. Его лоб был украшен татуировкой. Кто бы мог подумать, что это — ревностный фанатик-папист, а не поклонник Будды? Иезуит был всегда сплошной маской. И это полностью соответствовало установке, которую дал «воинам Христа и папы» Игнатий Лёйола, учивший их: «Входите в мир кроткими отцами, действуйте там, подобно свирепым волкам, а когда вас будут гнать, как собак, умеете подползать, как змеи». И еще он поучал: «Для того чтобы завоевать всех, надо (так говорил апостол Павел.— М. З.) быть всем для всех», то есть надо перед каждым представлять в том облике, который ему наиболее желанен и близок.

КАК ТРУП, КАК ШАР ИЗ ВОСКА

В красной кардинальской мантии или в напудренном парике придворного советника, в расшитом кафтане министра или в убогой одежде странствующего проповедника, с распятием и четками или с мелом и палкой-указкой в руках «воины Иисуса» были прежде всего вымуштрованными солдатами католической церкви. Они составляли отборную гвардию ее руководителей — римских пап, и гвардия эта была спаяна строжайшей, более жесткой, чем военная, дисциплиной. Орден действительно являлся полувоенной организацией. Недаром, как уже упоминалось, он именовался также «ротой Иисуса». Нередко, например в XVI—XVII столетиях, во времена первых колониальных захватов европейцев в Новом Свете, в странах Азии и Африки иезуиты и впрямь командовали воинскими частями колонизаторов: монашескую сутану орденские братья легко сменяли на кирасу.

Орден имел монархическое, централизованное устройство.

Его глава — генерал — обладал такой полнотой власти над своими подданными, какую только можно вообразить. Генерал был вправе принимать в орден и исключать из него, вводить новые уставы или восстанавливать прежние, датируя их по своему усмотрению. Он мог, как писал позднее Дидро, «обогащать или ввергать в нищету, миловать, связывать или развязывать, посылать или задерживать, признавать виновным или невинным, обвинять в легком проступке или в тяжком преступлении, расторгать или утверждать договор, признавать завещание законным или незаконным, одобрять или запрещать какую-нибудь книгу, давать индульгенцию или предавать анафеме». Недаром он именовался «черным папой». Считалось, что генерал — прямой представитель Христа.

Под ним стояла целая иерархия меньших начальников различного звания и положения — ассистентов, провинциалов, ректоров. Ассистенты возглавляли самые крупные — страновые — подразделения ордена: были ассистенты Испании, Италии, Германии, Франции, Португалии (сейчас имеется 11 ассистентов). Провинциалы ведали делами ордена в провинции — более мелкая территориально-административная единица. Провинция в свою очередь имела городские дома-резиденции (типа общежитий), во главе которых находились ректоры. Иезуиты, в зависимости от своего ранга, жили в домах различных видов: коллегиях, где проходили курс обучения новички (новиции), — новициатах; резиденциях проповедников, домах профессов, которые составляли основную часть членов ордена. Чтобы стать профессором, нужно было пройти ряд иерархических ступеней ордена и достигнуть возраста, по крайней мере, 33 года: по евангельским рассказам, именно в этом возрасте был распят Иисус Христос, и поэтому иезуиты, поставившие себя на службу церкви, избрали 33-летний возраст низшим пределом, с которого «воин Иисуса» мог претендовать на полноправное положение в ордене.

Подобно прочим монахам, будущие иезуиты, вступая в орден, принимали три обычных монашеских обета — послушания, нестяжательства, целомудрия и, кроме того, необычный четвертый обет — безусловного повиновения папе римскому. Цель иезуита — «посвятить жизнь постоянному служению Христу и папе» — так гласит формула этого обета. Как соблюдались членами ордена обеты бедности и целомудрия — об этом речь впереди; что же касается послушания, то именно этот обет был для иезуита наиважнейшим.

Члены ордена составляли иерархию шести рангов — от новициев до профессов, и главным качеством иезуита любого

ранга считалось умение беспрекословно подчиняться старшему по званию. «Он должен смотреть на старшего, как на самого Христа; он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуетя всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях, как маленькое распятие, которое можно поднимать и которым можно двигать как угодно», — в таких выражениях определял основные качества идеального иезуита основатель ордена Игнатий Лойола.

Повиновение было возведено иезуитами на степень высокого мастерства. Правда, повиноваться старшим обязаны были и монахи других орденов, но иезуит повиновался своему начальнику слепо и полностью, без всяких оговорок. Даже если начальник требовал от низшего по рангу пойти на преступление — нарушить клятву, предать и убить, подчиненный обязан был выполнить это требование. Таким образом, если в прочих монашеских орденах говорилось о «повиновении вплоть до смерти», то иезуиты, по меткому наблюдению французского историка XIX в. Жюль Мишле, требовали повиновения гораздо большего: «вплоть до греха — вплоть до преступления». «Если бы бог, — поучал Лойола, — дал тебе в повелители животное, лишенное разума, ты должен был бы, не колеблясь, подчиняться ему, потому что так угодно богу». Безусловное повиновение во имя церкви было неукоснительным законом у иезуитов, который они постигали на протяжении всего курса обучения, исполняя подчас самые нелепые, унижительные приказания наставников. Во имя церкви! Ибо, коль скоро она «утверждает, — по мысли Лойолы, — что белое есть черное, — надо в это верить». Слепота мысли и воли — это для иезуита главное: «Полное послушание слепо, — говорил Лойола, — и зато слепота составляет мудрость и совершенство человека».

Чтобы хорошо знать каждого воина своей черной гвардии, добиваться его беспрекословного повиновения, генерал ордена требовал от редакторов регулярных донесений о иезуитах каждого дома.

Ректор посылал генералу два списка: в одном сообщались данные о возрасте, месте рождения, звании, успехах в обучении и поведении подчиненных; в другом — сведения об их способностях, нраве, характере, уме, пороках и достоинствах. Кроме того, иезуиты сами обязаны были следить друг за другом и доносить один на другого. Новичкам с первых месяцев их пребывания в ордене внушали, что донос на своего собрата — его священный долг и достойное деяние; этого де-

требуют интересы ордена. И доньше в каждой резиденции иезуитов рядом с кабинетом начальника на видном месте помещается ящик для анонимных и неанонимных писем.

Крайняя централизация, суровая дисциплина, система доносов — таковы были организационные принципы «Компании Иисуса».

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Для чего же потребовались «воинам Иисуса» и искусство перевоплощения, и слепое повиновение подчиненных высшим по рангу и системе взаимной слежки, и тайна, которой была с самого начала и по сей день окружена деятельность ордена?

«Общество Иисуса» возникло в те смутные времена, когда авторитет католической церкви в феодальном обществе сильно поколебался, а ее обширные земельные владения и другие богатства оказались под большой угрозой — во времена кризиса католицизма, вызванного в конечном счете натиском на него новой общественной силы, которая начала подниматься особенно энергично с тех пор, как в конце XV века были произведены Великие географические открытия, — буржуазии.

Не только народ выражал свое возмущение паразитизмом разжиревших за его счет епископов и аббатов, архиепископов и самих пап римских — на имущество церкви все сильнее зарились зажиточные горожане: купцы и мануфактуристы, банкиры и судовладельцы... Даже рыцарство и некоторые князья не прочь были прибрать к своим рукам церковное добро. Однако более всего была заинтересована в том, чтобы «поприжать» церковь, скопившую великие сокровища, молодая, еще только начинавшая свой исторический путь буржуазия. Хотя она вовсе не думала отбрасывать прочь, упраздняя христианскую религию — до этого еще не дошло, — напротив, свои собственные интересы буржуа еще осознавали не иначе, как в богословской форме, то есть сами выступали против католической церкви в религиозных костюмах, однако многое и в вероучении католицизма, и в церковных порядках стало людям денежного мешка не по вкусу. Более всего им претили оставшиеся втуне богатства церкви, ее громоздкая, иерархическая организация во главе с папой. Обществу приходилось содержать эту тьму священников, монахов, аббатов и прочих пастырей всякого ранга на свои средства. Одна десятина приносила церкви колоссальные суммы! А сколько золота и серебра было заключено в церковной утвари и хранилось в подвалах храмов и монастырей? Все это не соответствовало

интересам расчетливых буржуа. Их вполне бы устроила христианская вера, поддержание и распространение которой не требовало бы таких крупных и, с точки зрения расчетливого купца и промышленника, непроизводительных расходов. Они хотели дешевой церкви, более простой, скромной, основывающейся на демократических началах, свободной от этого сонма монахов всевозможных орденов, настоятелей монастырей, священников, дьяконов, епископов, кардиналов, пап, наконец!

Поначалу смутная, неосознанная потребность опрокинуть складывавшуюся веками систему церковной организации и поставить на ее место иную в конце концов получила свое четкое выражение, конечно, на богословском языке. Появились ученые-богословы, взявшие на себя труд «теоретическими» доводами доказать непригодность прежней, богатой церкви и необходимость ее замены другой, дешевой, построенной на более простых принципах. Эти доводы, независимо друг от друга, выдвинули в XVI веке реформаторски настроенные богословы в разных странах. Наиболее известны из них немец Мартин Лютер, француз Жан Кальвин, швейцарец Ульрих Цвингли. Их воззрения были неодинаковы, но общим в них являлись оппозиция к католицизму и стремление покончить с дорогой, иерархически устроенной церковью, с властью римских пап, стремление реформировать церковь на новый, буржуазный лад. Вот почему широкое общественное движение против католической церкви, которое развернулось в Европе в XVI веке, получило название Реформации.

Сторонниками Реформации выступили многие сотни тысяч людей, в разных странах получивших разные наименования — протестанты, гугеноты, пуритане... Их социальные требования и политические чаяния могли резко отличаться друг от друга и действительно подчас их программы решительно разнились между собою, но всевластное папство и богатая католическая церковь с ее пышным богослужением — это был общий враг реформационного движения. Там, где оно приобретало широкий размах, где в него вовлекались различные общественные слои, помимо буржуазии, по-своему заинтересованные в Реформации, там епископы и монастыри нередко лишались своих земель и сокровищ, которые переходили к королям и дворянам, папский престол утрачивал власть над церковнослужителями данной страны, авторитет папы более не признавался, вводились новые, неслыханные порядки в богослужении, отменялась десятина...

Вековые позиции католической церкви, казалось, столь прочные, зашатались, почва стала ускользать из-под ног рим-

ских первосвященников. Реформация победно шествовала из одной страны в другую. Страх охватил не только папских приспешников из церковной знати: перепугались многие европейские государи, герцоги и князья, графы и бароны. Их страшили народные восстания, часто протекавшие под реформационными лозунгами. Нужно было надеть на крестьян и горожан смиренную рубашку — а кто мог это сделать лучше, нежели церковь? Она умела усыплять разум и умерщвлять волю к борьбе, убаюкивать сладкоречивыми проповедями, отвлекать от мыслей о земных не порядках речами о загробном воздаянии, умела, как никто другой, держать народ в смирении и повиновении. Без католической церкви не обойтись — эта мысль запала в душу феодалам Испании и Италии, Австрии и Баварии, многих других стран.

В такой обстановке и возникло «Общество Иисуса». Оно было создано для того, чтобы восстановить и укрепить авторитет церкви, устранить угрозу, нависшую над ее добром, вернуть папам римским былое могущество, возвратить под влияние католицизма те страны и области, которые отпали от нее, «спасти души» тех людей, которые поддались «еретическим» учениям Лютера, Кальвина, Цвингли и примкнули к Реформации, а также привлечь к католицизму новых сторонников и с ними — новые богатства для церкви.

Ради достижения таких целей, решил Игнатий Лойола, любые средства хороши. Именно поэтому-то «воины Иисуса» пустились во все тяжкие, поставили себе на службу искусство перевоплощения: окружили свои усилия завесой секретности, связали себя железной дисциплиной.

Вернуть в лоно церкви «заблудших овец» можно было только одним способом: завоевав возможно более обширную власть и влияние в феодальном мире. Поэтому первейшим своим долгом иезуиты посчитали внедриться во все слои общества, прежде всего — в его высшие сферы, и уж тогда действовать с завоеванных позиций в желательном папству направлении. Исповедник и монах, миссионер и дипломат, учитель и проповедник — все они были один к одному: лукавыми притворщиками, вероломными обманщиками, услужливыми советчиками, благочестивыми лжецами, умелыми соглядатаями. Иезуит ловко влезет в душу к государю и его легкомысленной, хотя и царственной супруге, к министру, вельможе, банкиру, к купцу и чиновнику, а если понадобится, то и к мастеровому, и к мужику — к любому нужному церкви человеку. Он войдет в его доверие, оплетет его тонкой сетью благочестивых соображений, интриг, наущничества, запутает

в этой сети и в конце концов либо сделает послушным сыном церкви, либо, на крайний случай, примет меры, чтобы избавиться от строптивого: под рукой всегда найдется и наемный убийца, и яд, который могут подсыпать жертве заговорщики, завербованные святыми отцами... Лицемерие стало неотъемлемым качеством иезуитов; с его помощью они разнюхивали важные для церкви секреты государственной политики и интимные тайны политиков, которым затем расставляли ловушки. Особенно широко использовалась для этого исповедь: в сумраке исповедальни выведывал иезуит ценнейшую информацию для своего генерала, делая это с тем большим успехом, что кающийся грешник-вельможа легко достаивался прощения. «Исповедуя важное лицо,— считал иезуит Тамбурини,— надо относиться к нему гораздо снисходительнее, чем к простому смертному, чтобы излишней строгостью не внушить ему отвращения к таинству исповеди».

Конечно, нечего было даже думать о том, чтобы приняться за «служение Христу и папе», не связав «воинов Иисуса» самым суровым повиновением. «Как труп, как шар из воска» — таков истинный «воин Иисуса». Только при системе безропотного, слепого подчинения руководители ордена могли рассчитывать на то, что с помощью своих наипреданнейших слуг им удастся навязать волю церкви правителям, а через них — удержать в лоне католицизма души сотен тысяч и миллионов людей. Повиновение и тайна — два главных столпа ордена, на которых он держится свыше 400 лет (с перерывами).

Можно было бы рассказать немало о темных интригах, коварном вероломстве, бесстыдных мошенничествах, прикрываемых благочестивой маской, о злоупотреблениях суеверием и невежеством, о жестоких убийствах, удавшихся или хотя бы замышлявшихся, и многих, многих столь же богоугодных подвигах черной гвардии римских пап, «гренадеров фанатизма и нетерпимости», как назвал иезуитов знаменитый французский просветитель д'Аламбер. Вся история иезуитского ордена — непрерывная цепь преступлений, творившихся в глубокой тайне во имя бога-отца, бога-сына и бога-святого духа.

Ложь, подлог, убийство, людоедство, —
Вот на чем вы строили успех,
И, оправдывая целью средства,
Вы любой оправдывали грех, —

так писал об этом один старый поэт. Действительно, со времени учреждения ордена не проходило года, чтобы иезуиты не запятнали себя каким-нибудь громким злодеянием, а сколько грязных дел остались нераскрытыми?

Естественно, возникает вопрос: если «воины Иисуса» выступили как орудие католической церкви, то в каком отношении находилась их деятельность — благочестивая ложь, тайные заговоры, интриги, убийства — к христианской морали? Или ее принципы вовсе не принимались во внимание? Об этом — наш дальнейший рассказ.

КАКИМ НАДЛЕЖИТ БЫТЬ ИСТИННОМУ ХРИСТИАНИНУ

У всякой религии — свои священные книги: у христиан — Ветхий и Новый завет, у мусульман — Коран... В этих и других священных книгах говорится не только о том, как бог (в разных религиях — разные боги) устроил мир, но и о том, каким образом людям следует себя вести в земной жизни, каким образом им надлежит соблюдать «закон божий», чтобы снискать расположение небесного отца и тем самым уготовить своей душе путь к райскому блаженству после собственной смерти. В священных книгах христианской религии — и в их ветхозаветной части, и в их новозаветной части — таких предписаний очень много, и некоторые из них сами по себе, казалось бы, вовсе не так плохи: не убивай, не кради, не приноси ложного свидетельства, не развратничай, почитай родителей, не зарясь на имущество своего ближнего, не замышляй и не совершай зла... Однако все нравственные установления этого рода гораздо старше христианства и по своим истокам не имеют к нему непосредственного отношения. Они перешли в христианскую религию из представлений, сложившихся совсем не в религиозной сфере, и были просто заимствованы христианством из моральных традиций и норм, обычаев и узаконений, которые возникли у разных народов задолго до появления христианства и независимо от религии вообще. Такие этические требования, как «читать отца и мать», «не убивать», «не прелюбодействовать», то есть соблюдать супружескую верность, «не лжесвидетельствовать», то есть избегать клеветы, вероломства, обмана, являются общими у многих народов, каковы бы ни были их религиозные верования. Это — общечеловеческие моральные нормы, родившиеся тысячи лет назад. Христианство, переняв эти и им подобные принципы, вложило в них такой смысл, который сделал их удобными и выгодными угнетательским классам.

Вместе с тем, конечно, имеются в христианстве и такие нравственные предписания, которые, принадлежат ли они ему

самому или тоже позаимствованы из более ранних установлений, никак нельзя расценить положительно, напротив: когда христианская этика призывает прощать обиды, любить не только друзей, но и врагов, не противиться злу, подставлять левую щеку тому, кто ударил в правую, быть безгранично коротким и терпеливым («Христос терпел и нам велел»), то в таких нравственных «директивах» с самого начала отчетливо проступает их социальная подоснова, их классовая направленность, в них явственно заметен тот корыстный интерес, который закрепил подобные правила христианского морального кодекса. В том, чтобы труженик любил своего врага — эксплуататора, кто бы он ни был, и терпеливо нес бремя угнетения, заинтересованы, конечно, только сами эксплуататоры.

Как бы там ни было, но коль скоро перечисленные правила «приняты на вооружение» церковью и она вменяет в обязанность всем христианам их беспрекословное соблюдение, то уж кому-кому, а самим служителям церкви необходимо было бы являть собой образцы христианских добродетелей, служить для верующих практическим эталоном «богоустановленной» нравственности; именно служителям церкви следует подавать пример остальным и быть истинными христианами — людьми кроткими, незлобивыми, чистыми в помыслах и делах, исполненными искренней благожелательности, совестливыми, скромными, довольствующимися малым, честными, во всем согласующими свои мысли и поступки. Проповедь добра и любви к ближнему, всепрощения и милосердия, гуманности (не убивай!), нравственной чистоты (не воруй, не лги, не замышляй и не делай зла, не прелюбодействуй), почитания родителей — это же прямой долг священнослужителей.

Но когда раскроешь книгу истории и вникнешь хотя бы в записанные в ней деяния святых отцов-иезуитов, поневоле вспомнится реплика Гамлета: «Слова, слова, слова!»

ИЕЗУИТЫ И ВОРОВСТВО

Не надо быть ученым-зоологом, чтобы знать, что хамелеоны — это ящероподобные, обладающие способностью менять свою окраску. Но далеко не все представляют себе, в какой высокой степени усвоили это качество хамелеонов наипреданнейшие слуги господни — иезуиты. Спросите «воина Христова», нравственно ли, например, обкрадывать своего ближнего. Вы не получите прямого ответа на ваш вопрос. Все зависит от того, кто этим занимается, ответит «солдат Иисуса». Если, допустим, вор — знатный человек, который промотал фамиль-

ные ценности, но не желает ни — упаси господь! — трудиться, ни — тем паче! — просить подаяния, то в этом случае кража с иезуитской точки зрения оправдана перед богом. Быть может, обнищавший кутила из «благородных» просто стыдится стоять на паперти с протянутой рукой или в поте лица зарабатывать хлеб свой, подобно какому-нибудь простолюдину. Возможно даже — так утверждал теоретик иезуитской морали Альфонс Лигуори (а он считается католиками святым и имеет ранг «учителя церкви») — у благородного человека «стыд настолько велик, что нищенству он предпочитает смерть». В этом случае воровство прощительно.

Итак: вообще-то, по писанию, — не укради, но для знатного бездельника кража вполне допустима, не грешна. Не ходить же ему за плугом и не сидеть за ткацким станком!

Допустима она и во многих других случаях. Нет, например, большого греха в том, что слуга, считая свое жалование недостаточным, иногда запускает руку в карман хозяина с целью вознаградить таким образом самого себя... Но подобная кража извинительна не всегда, а лишь при условии, что этот слуга честно признается в содеянном отцу-иезуиту на исповеди, поведав ему заодно и о тайнах своего господина, которыми святой отец имеет основание интересоваться.

ДАВАЙТЕ, И ДАТСЯ ВАМ

Противоречат ли христианским установлениям побои, наносимые господином слуге? На этот вопрос ясно отвечал другой знаток истинно католической морали Бузенбаум: да, признавал он, «господа наносят иногда тяжелые обиды своим слугам...» Ну, и что же, «это — не грех, ибо делается большей частью необдуманно и в припадке гнева». А Лигуори так дополняет этот приговор, проникнутый подлинно христианским человеколюбием. На вопрос, следует ли платить слуге, хворающему по несколько месяцев в году, он отвечал: «По истинному и распространенному мнению — нет! Господин не обязан платить ему жалованье и покупать лекарства, разве лишь в отдельных случаях из любви к ближнему».

Итак, любовь к ближнему достаточно проявлять лишь в отдельных случаях; как правило же, католические принципы, в их иезуитском толковании, ее вовсе и не требуют, по крайней мере, от господ по отношению к их слугам. Более того, по авторитетному мнению еще одного моралиста-иезуита Эскобара, богатый человек вообще не обязан помогать нуждающемуся, «иначе весьма немногие из богатых достигли бы спасе-

ния». Да, не зря остроумные французы придумали еще во времена этого моралиста XVII в. глагол «эскобар» — «ханжить, двурушничать, лицемерить». На словах — «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся», как сказано в евангелии от Матфея (гл. 5, стр. 42), а на деле, по морали вернейших слуг «невесты Христовой», всего этого делать совсем и не следует, поступать нужно как раз наоборот. Ну, что ж, если проявлять равнодушие к трудящимся и обремененным — спасительно для богача, то эта мораль, надо думать, его устраивает больше евангельского предписания: «...И благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего...» (Лука, гл. 6, ст. 35).

О СУДЕЙСКОЙ ВЗЯТКЕ И ПРАВДОПОДОБИИ

Что можно сказать про судью, выносящего приговор в пользу той стороны, которая вручила ему взятку, даже если он получил ее, подобно гоголевскому судье, не деньгами, а борзыми щенками? Судья-взяточник? Безусловно, такого судью нужно заклеить позором, снять его с должности, да еще и наказать для примера. Так скажет всякий честный человек. Иезуиты держатся иного мнения о долге судьи быть честным и нелицеприятным: это качество, с их точки зрения, совсем не обязательно, и во взятке нет греха. Как же так? Чтобы обосновать безгрешность судьи-взяточника, как, впрочем, и для многих других сомнительных случаев, иезуиты изобрели целую теорию, позволяющую ловко превращать белое в черное и наоборот — по надобности. Это теория правдоподобия. Она отличается большой простотой и гибкостью. Оказывается, чтобы правильно судить о человеческих поступках, необходимо всегда опираться на мнение древних «отцов церкви», таких, как Августин (V век) или католических философов вроде модного ныне на Западе Фомы Аквинского, на мнения римских первосвященников и других столпов богословской науки. Конечно, очень часто эти церковные авторитеты по-разному оценивают одинаковые человеческие поступки: то, что в глазах одного — грех, по мнению другого, не является таковым; то, в чем один видит хотя и грех, но считает его извинительным, другой усматривает грех смертный, не заслуживающий прощения. Как же быть? Да очень просто. Церковные авторитеты никогда не ошибаются и не могут ошибаться. Но коль скоро об одних и тех же поступках отцы церкви, папы и прочие христианские мудрецы высказывают подчас противоречивые, взаимоисключающие суждения, значит, все эти суждения истинны, точнее, правдоподобны. Какое же из них выбрать иезуиту в том или

инном конкретном случае для того, чтобы правильно расценить поступок христианина? А какое заблагорассудится, то есть смотря по обстоятельствам или, вернее, в зависимости от выгоды. Хочешь — сурово осуди, объяви смертным грехом даже самый пустячный проступок мирянина; хочешь — прими за основу мнение прямо противоположное и с легким сердцем прости тягчайшее преступление. Важно лишь, чтобы всякий твой приговор был основан на правдоподобном мнении: тогда следовательно, он будет безупречно справедливым.

По той же логике и судье, выносящему приговор, разрешается, с точки зрения иезуитов, «руководствоваться мнением менее правдоподобным, откинув правдоподобнейшее». А посему, «когда обе стороны приводят в свою пользу основания, одинаково правдоподобные, судья может взять деньги от одного из тяжущихся, чтобы произнести приговор в его пользу».

Таково иезуитское понятие о справедливом и нелицеприятном судье. Взятка же, по этой теории правдоподобия, дело вполне богопризнанное.

О ПОЧТЕНИИ К РОДИТЕЛЯМ

Чти отца своего и мать свою — это одна из азбучных истин, одна из важных моральных заповедей христианства. А вот как ее истолковывают иезуиты. Если некто ожидает богатого наследства в случае смерти отца. — совсем не грех желать приближения его кончины. «Позволительно, — сказано в писаниях Лигуори, — сыну отвлеченным помыслом (!!) желать отцу своему смерти, — конечно, не как зла для отца (!!), но как добра для себя (!!), ради ожидаемого значительного наследства». До чего же просто черное превращается в белое там, где дело идет об интересах молодого богача-наследника! Вообще-то родителей должно почитать, и уж, конечно, неуместны и греховны дурные помыслы, касающиеся их. Но ведь можно призывать гибель на голову состоятельного родителя, думая (и притом думая отвлеченно) о добре для себя, а не о зле для него. В этом случае грех оказывается недействительным.

О ЛИХОИМСТВЕ И СКУПКЕ КРАДЕНОГО

Скупой рыцарь, выведенный в одной из «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина, — человек алчный и равнодушный ко всему, кроме золота. Ему ничего не стоило обогатить даже нищую вдову: что за беда, если сама она и ее дети будут умирать с голода? Важно лишь, чтобы долг и проценты бы-

ли уплачены вовремя и чтобы деньги и драгоценности без конца наполняли сундуки, хранящиеся в подвале скупца. Перебирая свое золото и любуясь монетой, которую принесла ему несчастная вдова в уплату долга покойного мужа, Скупой рыцарь говорит:

Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла, на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь пошел,
Притворщица не трогалась; я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шептало,
Что мужнин долг она мне принесла
И не захочет завтра быть в тюрьме.

Отвратительный, бессердечный скопидом обрисован поэтом в этом монологе как нельзя более выразительно.

Христианская мораль считает лихоимство оскверняющим человека, приравнивает его к краже, прелюбодеянию и прочим достойным осуждения истинного христианина поступкам. Иезуит, однако, верный исполнитель христианских заветов, по-иному судит о ростовщике, который одолжил бедняку деньги под высокий процент. Проценты? Так ведь это же естественная благодарность должника тому, кто выручил его из беды. К тому же ростовщик, предоставив ссуду нищему, пошел на риск, и как же не вознаградить его за эту отвагу? Наконец, проценты — это и награда за ущерб, который несет ростовщик, теряя временно возможность распоряжаться своими деньгами, которые он осужает бедняку! В ссудном проценте поэтому, утверждает Бузенбаум, нет греха.

Но, может быть, по крайней мере, противно долгу христианина скупать краденый товар? О, конечно, да, это — великий грех. Но грех тотчас перестанет быть таковым, если скупщик, приобретя за гроши наворованное грабителем добро, смешает чужое со своим так, что нельзя будет отличить первого от второго. Украденное, разумеется, следовало бы по чести вернуть владельцу, но как можно доказать, что именно это зерно и эта капля масла куплены у вора? Награбленное стало своим, и грех сам собой испарился.

НЕ СБИРАЙТЕ СЕБЕ СОКРОВИЩ НА ЗЕМЛЕ

Церковное учение осуждает жадность и накопление богатства. Иезуиты, как и прочие монахи, торжественно клянутся, что останутся бедными, не будут прельщаться бранным металлом и всецело посвятят себя богу. Документы сохранили, од-

нако, множество известий о том, как иезуиты устремлялись в погоню за богатствами, как они охотились за состоятельными наследниками, вымогали у них порой сказочные ценности, не брезгуя ни ложью, ни насилием, ни шантажом, ни судебным крючкотворством, ни мошенничеством; таким образом, прикрывшись личиной святости, они грабили целые народы, всячески стараясь приумножать богатства своего католического братства.

Перенесемся мысленно на 200—300 лет назад в Южную Америку. Тропические, вечнозеленые леса и покрытые сочными травами степи, низменные равнины, пересекаемые быстрыми реками, и крутые горные склоны... Это — Парагвай. В те времена его территория была гораздо обширнее, чем теперь: она захватывала части нынешних Бразилии и Чили, Аргентины и Боливии и целиком — Уругвая. Природа щедро одарила эту страну и ее жителей — индейцев-гуарани. После открытия Нового Света Колумбом сюда, как и в некоторые другие страны Центральной Америки, устремились алчные к наживе испанские завоеватели — конкистадоры.

Рука об руку с ними пошли и верные последователи Игнатия Лойолы. О, конечно, они отправлялись за море спасать души язычников-индейцев, просвещать их католической верой!

О том, как выглядело это «спасение душ» на практике, рассказывает трагедия, пережитая стопятидесятитысячным народом гуарани на протяжении более чем полутора столетий. Коварством и силой, обманом и подкупом две сотни иезуитов сумели в XVII веке утвердить свое безраздельное господство в Парагвае. Они действительно обратили язычников-гуарани в католицизм: прежние святилища индейцев были разрушены, вместо них монахи понастроили церквей и заставили новообращенных работать... на жрецов бога Христа. Свободолюбивые индейцы, ловко одурманенные миссионерами, были загнаны в особые укрепленные поселения, созданные вокруг иезуитских миссий. Эти каторжные поселения назывались редукциями. Жители редукций были превращены в настоящих рабов иезуитов. Уделом индейцев стал тяжкий, подневольный труд на своих духовных отцов. С раннего утра до темноты гуарани гнули спину на плантациях и пастбищах, в лесах и мастерских. Трудились во славу Христа все — и взрослые индейцы, и женщины, и дети.

Чтобы укрепить их веру в то, что, работая на миссионеров, гуарани добывают себе царство небесное, совершают не что иное, как религиозный подвиг, их принуждали три раза в день — на заре, перед обедом и вечером — выстаивать бого-

служению в церкви, имевшейся в каждой редукции. Тех, кто уклонялся от посещения храма, подвергали телесным наказаниям. Даже в поле индейцы должны были — так постановили их пастыри-иезуиты — тащить тяжелые статуи девы Марии или святого Исидора, благодетеля земледельцев, и в минуты отдыха отбивать перед этими изображениями земные поклоны. Возвращаясь с плантации, рабы несли эти статуи обратно на своих усталых плечах.

Христолюбивые иезуиты не довольствовались принуждением гуарани к молитвам. В арсенал средств, предназначенных к спасению грешных душ индейцев, были включены и такие «невинные» орудия отеческого увещевания, как розги и плети. Если гуарани проявлял лень, если он небрежно обращался со скотом или нерадиво собирал урожай, провинившегося пороли, привязав к скамье на центральной площади редукции. Порки, по мнению иезуитов, заслуживали в равной мере и мужчины, и женщины. Сказано же в евангелии, что раб, который не выполнил волю своего господина, «бит будет много» (Лука, гл. 12, ст. 47)! Иезуиты в Парагвае лишь выполняли божественные предписания.

Благодетели-монахи держали своих подопечных впроголодь: мясо, например, выдавалось индейцам крайне редко и крохотными порциями — а ведь в каждой редукции имелись десятки тысяч голов крупного и мелкого скота. Таким же скудным был и остальной паек гуарани. Непосильный труд и полуголодная жизнь, а вдобавок — эпидемии, легко распространившиеся в грязных поселках, где жилища не имели даже окон и печных труб, — все это вело к заметному вымиранию индейцев. К середине XVIII века число их сократилось вдвое по сравнению с XVI веком (со 150 до 74 тысяч человек).

Зато отцы-миссионеры могли быть довольны: обширные кладовые их ордена всегда были полны доверху всевозможным добром. Все, что приносил каторжный труд индейцев, уплывало в иезуитские амбары и на склады: урожай маиса, табака, хлопка, риса, выращенного на плантациях, чая, собранного в лесах (парагвайский чай высоко ценился в Европе), тюки тканей и ковров, изготовленных искусными индейскими мастерами, шерсть, мясо, кожи, которые давали огромные стада скота, пасшиеся под присмотром пастухов-гуарани, и многое-многое другое — все это являлось собственностью бескорыстных спасителей индейских душ. Они располагали сотнями тысяч коров, быков, овец, коней и прочего скота (индейцам запрещалось иметь даже кур и гусей!). Иезуиты сказочно обогащались, занимаясь вывозом из Парагвая вяле-

ного мяса и кож, табака и чая, сахара и шерсти, хлопка и риса, материй и ковров, свечей и меда... Десятки флотилий ежегодно отплывали в Западную Европу. Торговля (а пронырливые «спасители душ» сумели добиться освобождения от налогов) приносила иезуитам колоссальные доходы. Их ежегодные барыши составляли 10 миллионов песо! Так, скапливая огромные состояния за счет поработанных индейцев, верные слуги римского первосвященника подавали новые и новые примеры ревностного выполнения евангельской заповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле» (Матф., гл. 6, ст. 19).

Заметим здесь же, перенесясь теперь уже из далекого прошлого к нашим дням, что и сегодня орден иезуитов — богатейшая организация католической церкви. Формально орден — нищенствующий, его члены не могут владеть ничем, даже собственное тело им не принадлежит. В действительности орден — на основе особых привилегий, пожалованных ему папами, — владеет колоссальным имуществом и распоряжается огромными финансовыми средствами. Его капиталовложения в промышленность Западной Европы и США составляют около 5 млрд. долларов. В США ему принадлежит контрольный пакет акций «Американского банка», значительные доли акций крупных металлургических, авиационных и нефтяных компаний, большой фруктовой фирмы «Джорджия фрук компани» и других монополистических объединений. Орден — компаньон известных автомобильных фирм Франции — «Пежо» и «Ситроен». О финансовой мощи этого «нищенствующего» ордена, впрочем, можно лишь строить догадки; «тайна сия велика есть», как и вся деятельность «Общества Иисуса».

НЕ ПРЕЛЮБЫ СОТВОРИ!

Кто не знает имени Дон-Жуана — этого классического в литературе героя распутства? Жизненный путь его усеян обещанными им жертвами из всех сословий — от благородных баронесс до простых крестьянок. Что думает «святая церковь» о столь «непорочных» мужах и их жертвах? Заповедь гласит: «не прелюбы сотвори» — не прелюбодействуй. Воплощение христианских добродетелей — иезуиты в лице своих учителей нравственности говорят по-другому: «Кто наслаждается преступной связью с замужней женщиной, но не как с замужней, а просто как с красавицей, отвлекаясь от факта замужества, тот грешит не прелюбодеянием, а простым блудом», а этот грех может быть, по мнению иезуитов, без труда искуплен. Значит — так полагает уже известный нам мастер

иезуитских вывертов Лигуори — и прелюбодеяние может быть оправдано. Стоит лишь развратнику мысленно представить себе, что он имеет дело не с замужней особой, а просто с женщиной интересной наружности, и прелюбодеяние перестанет быть тяжким грехом. А сам распутник в этом случае вовсе не нарушает заповедь, возбраняющую прелюбодейство.

Ну, а как быть, если знатный повеса обесчестил девушку из народа и если он вдобавок дал ей слово жениться, а затем отказался выполнить свое обещание? Этот вопрос Лигуори разъясняет следующим образом: если соблазнитель знатнее и состоятельнее обесчещенной девушки и к тому же если он обещал ей жениться, не имея на то в действительности серьезных намерений, он не обязан оставаться верным своему слову, «ибо большая разница в положении и богатстве есть достаточное основание для сомнения в действительности обещания; и если девушка, несмотря на это, не усомнилась в обещании жениться, она и виновата. Мужчина, хоть он и клялся, еще и потому ничем не связан, что клятва обязывает лишь тогда, когда дающий ее имеет намерение сдержать слово». Продолжая свое разъяснение, Лигуори спрашивает: «Насколько велико должно быть различие, чтобы мужчина был свободен от обязанности жениться?» Лессиус (имя другого иезуита-моралиста) говорит, что для этого достаточно, если он благороднее девушки, например, он — сын графа, а она — дочь ремесленника. Другие говорят, что довольно и меньшей разницы, например, если он — хотя бы бедный дворянин, а она — крестьянка. И, наконец, принимая в расчет, что знатный распутник мог, притворившись перед своей простодушной жертвой, скрыть от нее свое высокое положение или титул, Лигуори заканчивает свое рассуждение такими словами: «На вопрос, обязан ли провинившийся вступить в брак, если девушка не знала о разнице в их общественном положении и материальном благосостоянии и поверила в искренность обещания жениться, некоторые отвечают положительно, другие же, более правдоподобно (!!) — отрицательно». Двуличная теория правдоподобия приходит на выручку иезуиту и здесь: призывая ее на помощь, он спешит спасти и от земной кары, и от когтей дьявола развратного дворянина.

Во всей этой моралистической казуистике ясно выразились аморальные принципы ордена и его «теоретиков». Для последних характерно, в частности, публичное заявление, сделанное в 1743 г. иезуитом Бенчи, согласно которому можно, не греша против христианской нравственности, ощупывать... грудь монахини. Бенчи подкреплял свое суждение ссылками на автори-

тет самого Фомы Аквинского! Позднее Дидро с полным основанием называл этого патера бесстыдным, ошибочно, впрочем, приписывая ему создание секты маммиларов (от слова *тата* — женская грудь). Известно также, что образ иезуита — развратника-ханжи стал классическим в литературе: свое блестящее воплощение он получил в мольеровском «Тартюфе».

НИКОМУ, КРОМЕ...

Не преступать клятвы, держать данное слово — прописная истина. Она вошла и в библейский свод нравственных правил: «исполняй перед господом клятвы твои» (Матф., гл. 5, ст. 33). Иезуиты, однако, и такое элементарное требование добропорядочности толкуют и применяют по-своему, а именно в прямо противоположном библейскому смысле. Согласно их морали, любое обещание, обязательство, клятва могут быть нарушены, коль скоро такое нарушение — в интересах ордена. «Человек не должен считать себя связанным, если он не имел намерения связать себя (обещанием)», — учил упоминавшийся ранее Эскобар. Однако нужно ведь как-то обосновать столь странное моральное предписание, идущее вразрез с установками священных книг христианства?

Сделать это для иезуитов было тем более важно, что в качестве одного из своих самых надежных орудий они использовали исповедь, а ведь исповедник обязан сохранять ее тайну! Приготовляясь слушать покаянные признания грешника, шепотом сообщаящего в исповедальной будке о своих прегрешениях, исповедник торжественно клянется никому не выдавать услышанное. А как же быть, если грешник поведал нечто такое, что необходимо тотчас передать генералу? На этот случай было придумано простое, но хитроумное средство под названием «умственная оговорка». Да, иезуит-исповедник произносит требуемую клятву сохранять тайну исповеди, никому ее не выдавать. Мысленно, однако, про себя он добавляет при этом: «Никому, кроме моего ближайшего орденского начальника». Это и есть «умственная оговорка», открывающая врата к предательству, позволяющая исповедальню превращать в шпионское гнездо.

ГРЕШНО ЛИ УБИВАТЬ?

Является ли убийство греховным поступком? Без сомнения, ибо в писании ясно сказано — не убий!

А что думают об этом рьяные проповедники писания —

иезуиты, постоянно пекущиеся о душах паствы своей? На этот счет у них существовала и существует своя теория.

Все дело в том, при каких обстоятельствах, кем, по какому поводу совершено убийство. Оно дозволено не всем.

Вот, например, в старину благородные дворяне имели обыкновение драться на дуэлях. Это был единственный, признававшийся рыцарским, способ отмщать обиды и оскорбления. Но мстительность — грех («возлюби врага своего»). Дуэль официально осуждалась церковью как богопротивное дело. Тем не менее иезуиты всегда брали под свое крылышко дуэлянтов. «Убийство обидчика, — поучал иезуит-теоретик Бузенбаум, — запрещается как отмщение, но по правдоподобному же учению, то же убийство и в тех же обстоятельствах вполне разрешается как оборона чести обиженного». Немного изворотливости — и убийство оправдано.

Другой иезуитской авторитет по части любви к ближнему — Тамбурины находит иной выход из положения. «Знатный человек может во избежание пощечины убить другого, если нет иного способа избежать ее». Третий адвокат задиристых молодчиков Лессиус присоединяется к двум остальным: дворянину, по его мнению, можно без особых угрызений совести отправить к праотцам того, кто намерен дать ему пощечину или поколотить его палкой, ибо для дворянина «слишком унизительны» подобные оскорбления. К черной кости это разрешение не относится, ибо «для плебея пощечина и палочные удары менее оскорбительны». Следовательно, плебея можно избить не греша перед богом. Такая мораль вполне устраивала помещика, учинявшего расправу над своими мужиками!

Убивать без опасения, что убийство будет сочтено грехом, могут не только дворяне, но и монахи.

Чернорясник прибег к услугам уличной женщины, но она, воспользовавшись тем, что распутник в клобуке оказался в ее руках, угрожает выдать тайну его греховного поступка, если он не уплатит ей как следует. По мнению иезуита Лами, монах, попавшийся таким постыдным образом в сеть проститутки, имеет полное право убить ее: ведь честь монаха намного дороже жизни продажной потаскухи. И для потерпевшего в этом случае нет греха спасти собственную честь, а также честь своего монашеского ордена (которая оказалась бы запятнанной, осуществи шантажистка свои угрозы) ценой «устранения» этой женщины.

Но, быть может, прибегнуть к услугам наемного убийцы — это смертный грех? Иезуит Лайман разъясняет: «Необходимо выплачивать вознаграждение нанятому убийце, если убийство

принесло пользу и если убийца подвергал опасности собственную жизнь».

Для оправдания убийства, как и других преступлений, иезуиты придумали множество лживых и хитроумных уверток. Все они сходны между собой по изумительному бесстыдству. Одна из таких уверток именуется «подразумеваемым изъятием». На практике она означает вот что. По учению иезуитов, оказывается, убийца может без зазрения совести отрицать на суде свою причастность к преступлению, не опасаясь быть уличенным в грехе обмана: для этого достаточно, чтобы он, заявив вслух судьям, «я не убивал этого человека», мысленно присовокупил к этим словам всего лишь три других: «до его рождения». «Подразумеваемое изъятие» само по себе очищает совесть убийцы: он ведь действительно не убивал этого человека «до его рождения».

Другая иезуитская увертка, служащая той же цели, — «двусмыслие». Испанский иезуит Санхес поясняет суть этой увертки следующим примером: кто убил человека, но думал в это же самое время, что убивает животное, тот может с чистой совестью поклясться суду, что не убивал человека. В конце концов, по мнению Санхеса, важно, чтобы преступник, будь то убийца, вор или фальшивомонетчик, сам был убежден в том, что, совершив преступление, он не согрешил против справедливости. Эта теория «кажущегося греха» — еще одна из казуистических уверток, изобретенных учителями иезуитов для умерщвления совести слуг господа бога: по этой теории выходило, что если человек не намерен был грешить умышленно, совершая грех, значит, это грех — кажущийся, не настоящий, а потому — прощительный.

Точно так же с помощью «двусмыслия» и иных столь же «честных» приемов иезуитские наставники находили оправдание и для многих других мерзких преступлений.

400 ЛЕТ СПУСТЯ

Мораль иезуитов сводилась и сводится к неписаному правилу: цель оправдывает средства. Ради блага церкви, то есть ради того, чтобы она по-прежнему как можно более цепко полонила душу и как можно более основательно и широко затемняла разум верующих (а ведь в этом, собственно, главная функция церкви), все средства, все методы считаются дозволенными, даже самые греховные, вплоть до убийства. «Я заключил бы договор с самим дьяволом, если бы это послужило интересам католической церкви», — сказал однажды римский

папа Пий XI. Вероятно, любой иезуит подписался бы под этими словами. И мудро ли, скажем, что не кто иной, как «воин Иисуса» по фамилии Штемпер еще в середине 20-х годов подрядился отредактировать человеконенавистническую книгу Гитлера «Майн кампф», подав тем самым пример союза иезуита с дьяволом в человеческом обличье? Штемпер ведь был в числе ближайших советников бесноватого будущего «фюрера»!

Мораль иезуитов, одобренная папским престолом, вполне соответствует их практической деятельности, четырехсотлетняя история которой вызывает у знакомящегося с ней содрогание и ужас.

Несколько столетий назад, когда церковь, стремясь выйти из кризиса, добивалась укрепления своего влияния с тем, чтобы силой собственного авторитета и власти подпереть разрушавшийся изнутри феодальный строй, иезуиты, принимая разную личину, проповедовали, шпионили, грабили, пытали, составляли заговоры и убивали в интересах класса феодалов: ему служили главные хозяева ордена — римские папы. В настоящее время деятельность «воинства Иисуса» определяется интересами новых господ католической церкви — империалистов. Иезуиты ныне — идейно и политически наиболее активная и по-своему смелая часть католической иерархии. У них уже нет ни былого могущества, ни прежнего влияния, но тем не менее 32 тысячи «воинов Иисуса» — большая сила, и она всемерно содействует католической иерархии в том, чтобы выволить церковь из тех бед, которые она претерпевает в век освоения космоса и электроники, когда вера в бога падает, а престиж самой церкви сокращается. «Орден Иисуса» делает многое, чтобы помочь гасительнице разума вернуть ее былой авторитет, помочь ей внедриться в мир, переживающий великие перемены, и попрочнее укрепиться в нем.

«Воинство Иисуса» разбросано по всему свету, но по-прежнему составляет единую, дисциплинированную армию слуг церкви, в которой имеет немалый вес. Влияние ордена иезуитов распространяется, однако, далеко за пределы церкви — на обширную область «большой политики» империализма. Особое внимание уделяется при этом миру труда. Ушли в историю времена, когда судьбу государства мог решить удар кинжала, направленный в сердце короля, или ядовитое зелье, подсыпанное ему в лекарство исповедником. Теперь основной объект внимания иезуитов — массы трудящихся, прежде всего их молодое поколение. Теперь «воины Иисуса», не оставляя своих усилий по внедрению в «высшие круги» буржуазного

общества, переносят центр тяжести деятельности ордена в другую сферу: их умы занимают не столько резиденции сильных мира сего, сколько рабочие кварталы, не столько эксплуататоры, сколько эксплуатируемые. Здесь с точки зрения ордена гнездится главная опасность, здесь укореняется безбожие!

Почти в девять десятков стран протянулись щупальца иезуитского спрута, стремящиеся устранить эту опасность. Спрут этот — голова его находится в сером здании на римской улице Санта Спирито Борго — держится в тени, он старается не выползать на свет божий, но втайне продолжает творить свое черное дело.

В середине 60-х годов XX века опорными пунктами влияния «воинства Иисуса» были 35 епископских престолов, сосредоточенных в основном в странах Азии, Африки и Латинской Америки, 59 университетов, 500 колледжей, 8500 школ. Вот где прежде всего и улавливаются души, притом особенно нужные церкви, — души подрастающего поколения и молодежи!

В ведении ордена находится около 50 специальных богословских и философских высших школ, где проходят курс обучения будущие священники католической церкви. Особенно славится папский Грегорианский университет в Риме: из его стен вышли сотни кардиналов и епископов, а также многие папы, включая нынешнего — Павла VI. Недавно при университете был организован специальный «центр марксистских исследований», предназначенный для борьбы с атеизмом.

Влияние иезуитов в большой мере — результат сохраняющихся в устройстве ордена принципов строжайшей централизации и дисциплины. Иезуиты, как и раньше, обязаны слепо повиноваться папе римскому и, как это установил еще Игнатий Лойола, «немедленно исполнять все, что только прикажет нынешний и все грядущие папы римские для спасения душ и распространения веры, куда бы они нас ни пожелали послать». Когда в мае 1965 года на съезде иезуитов был избран новый, нынешний генерал, испанец Педро Аруппе (сейчас ему 63 года), то папа, принимая его, повелел ему преклонить колени. По словам самого Аруппе, это была «поза, достойная сынов святого Игнатия: смиренно простершись у ног папы и вручив свою судьбу в руки его». Иезуиты по-прежнему подчиняются и повелениям своего генерала, резиденция которого находится в Риме. 77 провинциалов обладают на местах таким же всемогуществом над братьями «Общества Иисуса», как генерал — в пределах всего ордена. Железный закон повиновения и поныне во многом способствует тому, что

орден остается сильнейшей организацией католической церкви.

Еще более сильным орудием, все еще позволяющим «воинству Иисуса» держать в тенетах церкви сотни миллионов людей, как и раньше, остается добытое вековой выучкой искусство «подползать, как змеи». Иезуиты опираются на созданные ими массовые объединения верующих. Они проникают в разные слои и группы населения — в организации рабочих, в крестьянскую массу, в студенческие круги, в объединения служащих, в среду интеллигенции. В некоторых католических союзах — они строятся по приходам либо по профессиональному признаку — состоят десятки миллионов человек.

ХАМЕЛЕОНЫ ПРИСПОСОБЛЯЮТСЯ

Веяния нашего времени — могучий рост социализма, все большее распространение в мире идей марксизма-ленинизма, гигантские успехи науки и в связи со всем этим падение престижа религии и церкви — не могли не затронуть позиций ордена иезуитов. Как это бывало и раньше, он поспешил — если не целиком, то в какой-то своей части — повернуться лицом к современности, найти каналы для проникновения в сердца тех, кто все больше и больше отходит от церкви, видя в ней силу регресса, находящуюся не в ладу с магистральной линией развития человечества. Иезуиты всегда мастерски приспособлялись к менявшимся социально-историческим условиям. На этот путь встали они и в наше время. Искусство маски — их старинное ремесло. На какие только ухищрения они не идут, чтобы добиться своих целей сегодня!

Цели эти ясно сформулировали и папа Павел VI, и генерал ордена Педро Аруппе: главный, смертельный враг церкви — «воинствующий атеизм», который «под маской прогресса выступает в наше время то открыто, то скрыто, многолико, в различных областях культуры, экономики и общественной жизни». Это — из выступления Павла VI на XXXI конгрегации (съезде) отцов-иезуитов в мае 1965 г. Необходимо бороться и «со всей энергией против воинствующего атеизма коммунистов, — сказал папа, — против философского атеизма тех, кто отрицает бытие господне и видит в наслаждении единственную ценность». «Пусть сыны Игнатия, — обратился он к присутствующим, — сплотят все свои силы, чтобы вести эту борьбу, не пренебрегая ничем, чтобы все было организовано наилучшим образом для достижения наилучших результатов». А вот что говорил тогда генерал Аруппе перед избравшими его «братья-

ми Иисуса»: «Сегодняшняя битва против истинной веры в бога гораздо более жестока, чем во времена святого Игнатия». Поэтому иезуитам надлежит отыскать новые пути для своей деятельности. Они обязаны понять заботы и проблемы, волнующие сегодня всех людей, «верующих или неверующих, добрых или дурных», уметь ответить на все их вопросы, завоевать их расположение. Для этого нужно установить контакты с неверующими, «чтобы помочь им,— так говорил Аруппе,— преодолеть предрассудки, отделяющие их от веры». «Мы должны знать неверующих,— продолжал генерал,— условия их жизни, современную науку, атеистическую философию».

Приказ генерала есть приказ. И вот среди иезуитов появились уже проповедники необычного склада. По городам Западной Германии стал разъезжать патер Иоганнес Леппих. Свои проповеди он произносил и перед рядовыми шахтерами, и перед профсоюзными активистами, и в аудитории борцов за мир, а если надо, то и перед уголовниками. Обращаясь через микрофон к своим слушателям,— его машина тем временем ждала его где-нибудь на рыночной площади,— он поносил именем бога коммунистов, а заодно и социал-демократов, призывал на них анафему, лил елей на головы милитаристов... Во Франции патер Дюваль развернул битву с безбожием под аккомпанемент гитары: тем, кому наскучили нудные поучения, он пел песенки благочестивого содержания или, говоря точнее, религиозные псалмы, но на мотивы модных шлягеров. Гитара — постоянная спутница этого иезуита-концертанта, он изъездил с ней пол-Европы. А вот в канадском городе Монреале иезуит Поль Акен избрал себе профессию шофера такси: по воскресным дням Акен служил мессу, не выходя из автомобиля, через окно которого протягивал облатки причастия пастве.

Иезуит должен стать популярной фигурой, привлекающей слушателей самого различного интеллектуального уровня и социального положения. Таков смысл предписанного генералом. И вот уже отменены старинные запреты на чтение крамольных книг. Отныне в учебных заведениях ордена разрешено и даже поощряется штудировать атеистические сочинения, ибо, чтобы успешно бороться с врагом, нужно его знать. В колледжах введены даже семинары и лекции по атеизму. Отцы-иезуиты вплотную взялись за «изучение» марксизма в целом. На книжный рынок выбрасываются десятки «солидных» по виду трудов, пестрящих цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма, трудов, рассчитанных на уловление умов интеллигенции, живо интересующейся проблемами научного коммунизма. Конечно, труды эти отравлены

ядом антикоммунизма, тем не менее для привлечения читателей кое-кто из авторов этих трудов «по марксизму» готов изобразить себя приверженцем и чуть ли не последователем Маркса. «Мы все опираемся на плечи Маркса», — бесстыдно писал иезуит Нелль Бройнинг, доказывая, будто социальная доктрина церкви (допускающая некоторую критику язв капиталистического строя во имя проповеди любви к ближнему) «переняла анализ Маркса», да еще при этом, дескать, «исправила некоторые ошибки Маркса, которые относятся главным образом к вопросам собственности и классовой борьбы». В самом Григорианском университете проводятся публичные лекции о марксизме, разумеется, «посрамляющие» марксизм. Дело дошло до того, что сторонники наиболее гибкой тактики из числа иезуитских теоретиков, нарушая коренные традиции ордена, стали принимать открытое участие в дискуссиях с марксистами, используя эти дискуссии для диверсий против коммунистического движения.

Видные члены ордена иезуитов выступили с программой радикальных реформ в церковных установлениях и социальной практике церкви, соответствующих духу эпохи. Один ратует за смягчение былой нетерпимости церкви, за братство христиан всех исповеданий, другой резко критикует церковную школу, третий даже отстаивает право рабочих на участие в управлении предприятиями, четвертый пытается как-то согласовать веру в бога с успехами современной науки... Орден иезуитов недаром прослыл реформаторским, обновленческим авангардом католической церкви. Для достижения цели — сокрушения «воинствующего атеизма», о котором мечтают Педро Аруппе и его адъютанты, все средства хороши.

В отдаленные времена иезуиты устраняли ядом или кинжалом неугодных церкви королей, бросали в костер «еретиков», протестовавших против феодальных порядков, травили и погубляли смелых мыслителей и ученых, чьи открытия и идеи подрывали религиозные догмы.

Светлокрылой истины творенья
Сокрушая для победы тьмы,
Вы сжигали книги. В заточенье
Изнывали лучшие умы.
Правду вы обманом побеждали,
Хор попов гнусаво вторил вам...
Адской ложью власть вы создавали... —

изобличал поэт эти иезуитские деяния былого.

В нашу эпоху главные враги, против которых воюют последователи Лойолы, — это коммунизм, революционное рабочее движение, освободительная борьба народов.

Современные иезуиты стараются всячески применяться к изменившейся для уловления душ обстановке. Если они воздействуют на умы людей словом, то используют при этом самые новейшие средства. Иезуиты издают около 1400 журналов и газет, печатающихся на 50 языках мира, тиражом почти 150 миллионов экземпляров! В их ведении — 24 радиостанции, охватывающие своими передачами почти всю планету, в том числе — радио Ватикана, особенно враждебное коммунизму: оно вещает на 32 языках денно и нощно в течение 20 часов в сутки, и всей его работой руководят три десятка иезуитов. Под контролем ордена и несколько телевизионных станций — телепередачи также помогают иезуитам улавливать души. Впрочем, орден не пренебрегает и старинными методами церкви: иезуиты контролируют отпущение грехов католикам, проповедуют, исповедуют, отправляют религиозную службу, венчают, предают погребению... Не брезгают они, когда приходится, и пулей, и шпионским донесением. Орден создал тайную службу информации, которая, как писал один итальянский журнал, может потягаться с английской «Интеллидженс сервис» и разведками других буржуазных государств.

ИЕЗУИТ У КОНВЕЙЕРА

Большой просторный цех — здесь собираются автомобили прославленной французской марки «Пежо». Почти бесшумно движется лента конвейера, и рабочий, нагнувшись с ключом в руках, заученным движением закрепляет колесо на оси, затем разгибает спину, но уже следующая серебристо-серая машина на подходе — и опять тот же поворот ключа, и снова, и снова... тысячи раз в день! Но что это за странная фигура в бригаде? На нем такой же, как и на других, синий рабочий комбинезон, и так же в масле руки, только почему-то на его макушке — плешинка-тонзура. В 30-минутный обеденный перерыв, когда все спешат подкрепиться в заводской столовке, этот сборщик, устало отерев пот со лба, вдруг вынимает из нагрудного кармана молитвенник. Проникновенным голосом он увещевает своих товарищей сперва вознести вместе с ним хвалу всевышнему, а уже потом идти есть. Его не слушают, да и сам он, видя, что уговоры напрасны, не слишком настаивает. Бригада занимает места за стойкой с кофе... Кто же этот человек? Это — «воин Иисуса», сменивший сутану священника на рабочую спецовку. Так поступали во Франции в конце второй мировой войны и вскоре после нее десятки священнослужителей и монахов различных орденов,

в том числе ордена иезуитов. Все они откликнулись на почин нескольких видных церковников, включая архиепископа парижского кардинала Сюфа, которые задумали для укрепления влияния церкви в рабочей среде направить на фабрики и заводы священников в качестве своего рода миссионеров с тем, чтобы эти миссионеры попытались овладеть душами утративших веру в бога, вернуть «новых язычников» в лоно церкви. При этом было решено, ради успеха миссии в пролетарскую массу, превратить самих миссионеров в обычных рабочих: сборщиков, слесарей, токарей, литейщиков, грузчиков... Пусть они трудятся наравне с рабочими, живут бок о бок с ними в городских кварталах окраин, получают такую же зарплату, пусть включатся в их повседневную жизнь, познакомятся с их положением, узнают их нужды, поймут их настроения, проникнутся их заботами. Короче, пусть, как выразился один из зачинщиков этой затеи, священники спустятся в «преисподнюю» и там, изведав, так сказать, почем фунт лиха, со знанием дела развернут проповедь евангелия.

Эксперимент со священниками-рабочими был запланирован вполне в иезуитском вкусе. Руководство «Общества Иисуса», разумеется, не могло остаться в стороне от этого опыта, тем более, что на первых порах его санкционировал сам папа римский. Осенью 1949 года генерал ордена Янсен особой инструкцией одобрил посылку на предприятия «тщательно отобранных людей», «чтобы они некоторое время работали вместе с рабочими», разделяя с ними их тяготы. «Я готов разрешить,— говорилось в генеральской инструкции,— чтобы иезуиты, отправившиеся на заводы и фабрики, не только выполняли духовную миссию, но и работали наравне с рабочими». И далее Янсен указывал на то, как важно для церкви рассеять сложившееся у многих рабочих предубеждение, будто орден иезуитов — «союзник богачей и капиталистов», а чтобы то сделать, «совершенно необходимо ...более энергично и в более значительном объеме вести работу среди пролетариев».

И вот иезуиты, наряду с прочими священнослужителями, «пошли в народ». Однако миссия, столь тонко, казалось бы, запроектированная в высших кругах католической иерархии, неожиданно обернулась против них самих.

Встав у конвейера, сделавшись чернорабочими, взявшись докерами переносить грузы в портах, слившись по образу жизни с кадровыми пролетариями, монахи и священники на собственном горбу почувствовали бремя жестокой капиталистической эксплуатации. Ощувив его со всей непосредственностью, они прониклись пониманием того, что толкает рабочих

на путь классовой борьбы, что делает их противниками евангельской любви к ближнему, к хозяевам, монополистам. Многие священники-рабочие убедились в справедливости требований трудящихся и кое-где сами стали принимать участие в стачечной борьбе, в профсоюзном движении. Вместо «реевангелизации» рабочих получилось приобщение священнослужителей к классовой борьбе пролетариата.

Такой результат серьезно испугал католическую иерархию, и Ватикан предписал священникам-рабочим покинуть свои рабочие места, «уйти со всех светских должностей, на которые вы были поставлены доверием ваших товарищей». С «пролетарской духовной миссией» было в основном покончено. Позднее, уже в 60-х годах, папа Павел VI разрешил возобновить эксперимент, но только на три года. Как бы снова не вышло чего-либо, столь же неблагоприятного для церкви! Так сорвался иезуитский по своей сущности опыт сближения церкви с «новыми язычниками»-рабочими.

Тем не менее «воины Иисуса» не прекратили своих усилий по внедрению в массы, а, напротив, активизировали их, пустив в ход самые изощренные средства. Иезуитам необходимо во что бы то ни стало убедить трудящихся в ненужности, в богопротивности классовой борьбы, в ненужности освободительного движения народов: все люди, все человечество,— как утверждает французский иезуит Альфред де Сора,— «различные дети одной семьи», или, согласно воззрениям папы Пия XII, прошедшего выучку у иезуитов, «частица единого тела господня». Над распространением этих взглядов «воины Иисуса» продолжают усердно работать и ныне.

ПРОТИВ БОРЮЩИХСЯ ЗА СВОБОДУ НАРОДОВ

Предметом особенно настойчивого внимания орденовых братьев являются те страны, народы которых либо уже встали на путь независимости, либо все активнее борются за свое освобождение от колониальных пут. В этих странах на «ниве господней» работает четвертая часть «личного состава» гвардии «черного папы».

Орден «осчастлививляет» своим высоким покровительством Африку. Для африканских стран в 1965—1966 годах была учреждена особая ассистенция. Во многих государствах Латинской Америки одни только иезуиты занимают высшие церковные должности. До победы революции, кстати, такое же положение было и на Кубе. Немало иезуитов трудятся в поте лица своего на Аляске и Гавайских островах, в Южной Корее,

в Индии, на Цейлоне... Почти восемь тысяч «воинов Иисуса» выступают в ханжеской роли миссионеров-проповедников евангельского учения. Порой они проявляют при этом недюжинную волю и настойчивость: эти миссионеры не пасуют ни перед какими трудностями, чтобы заполучить в свои сети новые и новые души. Находятся и такие, которые, например, пробираются даже в бразильские джунгли, где пытаются установить контакт с полудикими племенами. Как и столетия тому назад, подвизаясь в роли миссионеров, излучающих «свет евангельской истины», отцы-иезуиты прибегают к тщательной мимикрии. В Индии патер-иезуит Альварес принял индийское имя Свами Анимананда («Отец, радующийся мелочам») и всем своим обликом приспособился к местным условиям: чтобы завоевать среди индийцев репутацию своего человека, он, в соответствии со здешним обычаем, перестал употреблять в пищу лук; подобно браминам, этот иезуитский проповедник отпустил длинную бороду; священническое облачение он сменил на ярко-желтую тогу, а на голове стал носить тюрбан. Ни дать ни взять, истый брамин, разве что с нагрудным крестом!

Впрочем, миссионерская деятельность подобных проповедников евангелия вполне уживается с иной, далекой от евангельского учения. Так, например, в Индии в 60-х годах миссионеры-иезуиты злоумышляли против правительства штата Керала, в котором большую роль играли коммунисты. На Цейлоне не без участия иезуитов был в те годы подготовлен заговор против прогрессивного правительства Соломона Банданараике, павшего впоследствии жертвой убийц.

Священники-иезуиты находились и среди кубинских контрреволюционеров, банды которых в 1961 г. высадились на Плайя-Хирон с намерением ликвидировать завоевания народа на острове Свободы.

И все же главный метод проникновения иезуитов в страны Азии, Африки, Латинской Америки и укрепления там своего влияния (как, впрочем, и повсюду) — хорошо продуманная маскировка, тщательное приспособление. В этом иезуиты верны традициям своего ордена. Если требует обстановка, они подстраиваются к настроениям масс населения вплоть до того, что рьяно выступают за независимость народов, выражают сочувствие борцам национально-освободительного движения. Подчас они не прочь представить себя в роли защитников обиженных и угнетенных, и даже чуть ли не застрельщиков революции.

Когда в Чили в 60-х годах поднялась широкая волна на-

ционально-освободительного антиимпериалистического движения, когда даже многим чилийским капиталистам и помещикам начало становиться ясным, что неизбежны какие-то реформы, которые бы облегчили участь трудящихся, то не кто иной, как здешние иезуиты пустили в ход тезис о «христианской революции», «революции в условиях свободы»: «Без глубоких и быстрых социальных изменений, носящих подлинно революционный размах,— говорил, например, обосновавшийся в Чили бельгийский иезуит Роже Векеманс,— будет невозможно достигнуть действительного и скорого экономического развития в Латинской Америке». Орган чилийских иезуитов журнал «Менсахе», кокетничая со словом «революция», лицемерно писал, что он употребляет это слово якобы «не для того, чтобы следовать за модой или завоевать симпатии марксистов... В действительности в Латинской Америке назревает подлинная революция, обусловленная ужасной несправедливостью. Народ ...требует радикальных, полных и быстрых перемен. Не называть это революцией было бы просто слепотой». И вот иезуиты, словно обгоняя события, выступили с программой «революции»: программу эту затем взяла на вооружение демохристианская партия, провозгласившая, что «богачи — враги христианской революции», ибо такая революция «означает незыблемое решение радикально порвать с существующим порядком, построить совершенно новый порядок, отвечающий всем стремлениям человека».

Когда же, закамуфлировавшись с помощью иезуитов программой «христианской революции», демохристианская партия пришла к власти (это было в 1964 году), то, разумеется, никакой «революции» в Чили она не произвела. Капиталистические порядки полностью сохранились. Новое правительство, вдохновленное церковниками, провело лишь мизерные социальные реформы, вызвавшие в конце концов недовольство в самой демохристианской партии, не говоря уже о негодовании народных масс. Подлинный смысл иезуитской идеи «революции в условиях свободы», как оказалось, заключался в том, чтобы предотвратить революцию и переход к социализму, выпустив «пар из котла» с помощью куцых реформ.

МОРАЛЬ ИЕЗУИТСКОГО ЛЕГИОНА

Главные свои старания на протяжении последних нескольких десятков лет иезуиты прилагают к тому, чтобы всячески вредить силам социализма и коммунизма. «Общество Иисуса» через своих «воинов» в сутанах проводило подрывную работу в тех из социалистических стран, где католицизм пользуется

большей или меньшей степенью распространения — в Венгрии, Польше, Чехословакии. Одним из значительных центров антикоммунистической пропаганды и антисоветских заговоров служит папский институт «Руссикум» в Риме: его руководителями вот уже более 40 лет выступают иезуиты. Они же готовят кадры специалистов-антисоветчиков и в «Институте по изучению современных русских проблем», функционирующем при Фордхэмском университете.

Словом, «Общество Иисуса» и в наше время остается оплотом реакционных общественно-политических сил. Хотя в самом ордене кое-что меняется под влиянием духа эпохи, безнравственная мораль иезуитов, позволяющая оправдывать любое преступление, коль скоро оно сулит выгоду «невесте Христовой», пусть даже иллюзорную, пребывает неизменной. Старинное «двусмыслие» и прочие казуистические ухищрения иезуитов средневековья в новейшие времена оборачиваются зловещими политическими установками, таящими серьезные опасности для планеты. В начале 60-х годов иезуит Р. Боск высказывался за продолжение испытаний ядерного оружия, поскольку они-де «не нарушают никакого права, никакого морального порядка, если приняты достаточные меры предосторожности». Манипулируя словами, иезуит Альфред де Сора в 1963 году лживо уподоблял политику мирного сосуществования реакционно-империалистической политике холодной войны, приравнивая эти противоположные понятия друг к другу. Тот же иезуит с помощью словесной казуистики обосновывал «права» империалистических государств на агрессию. «Теологи,— писал он,— могут оправдать государство, которое нападает первым в том случае, если тем самым оно преследовало цель утвердить безусловное право после того, как оно безуспешно прибегало ко всем возможным мирным средствам. Они требуют, однако, чтобы причина, побудившая прибегнуть к силе, была достаточно серьезной и могла оправдать зло, причиняемое военными действиями». А в 1964 году иезуит А. Мессинео, словесно одобряя мирный курс папы Иоанна XXII, напоминал, что-де Пий XII считал допустимым с точки зрения католической морали применение атомных бомб «против очевидной и чрезвычайно серьезной несправедливости, избежать которой никоим образом невозможно». Этот иезуит на деле оставлял лазейку для оправдания возможности применения ядерного оружия агрессором!

Папство, со своей стороны, стремится сохранить иезуитскую мораль в полной неприкосновенности. В апреле 1969 г. на приеме генерала ордена иезуитов, его ассистентов и про-

винциалов Павел VI сказал об этом очень прямолинейно: «Новшества нынешнего мира не должны оказывать влияния на мораль иезуитского легиона, всегда готового защищать католическую веру и папский престол». Яснее не скажешь!

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Иезуитская мораль не составляет чего-то такого, что при-суще одним только иезуитам и католической церкви. В той или иной мере иезуитизмом проникнуты и прочие исповедания христианства, да и вообще всякая религия.

Иначе, как иезуитским, нельзя назвать поведение некоего православного святоши, о котором рассказывалось не так давно на страницах нашей печати. Этот проходимец из города Бабушкина ради уловления душ на церковное уди-лище рядился в костюм офицера советского военно-морского флота и присваивал себе чужие ордена; однажды он заставил своего старика отца, впавшего в беспамятство, облечься в мундир генерал-лейтенанта и сфотографироваться с сыном в этом одеянии для того, чтобы святоша-сын имел возможность выдавать себя за потомка заслуженного советского генерала! Это ли не иезуитство чистейшей воды?

А деятельность сектантских главарей и проповедников у адвентистов, пятидесятников, иеговистов, иннокентьевцев и многих других — разве эти сектантские «апостолы», как пра-вило, не являются двуликими ханжами, которые под прикры-тием веры совершают подчас изуверские преступления, прики-дываясь божьими людьми, наживаются за счет простаков, развратничают и убивают? Разве не творят они все свои грязные дела именем бога? Авантюристом и ханжой был пра-вославный иеромонах Иннокентий, в 1908 г. объявивший себя воплощением «святого духа» и проповедовавший приближение страшного суда, признаки которого он усматривал в росте революционного движения. А последователи этого «проро-ка» — иннокентьевцы? «Всю жизнь лгал людям, выдавая себя за святого», — признался престарелый А. С. Куляки, три с лишним десятка лет вместе со своими двумя братьями руко-водивший сектой иннокентьевцев в Молдавии. Личина свято-сти была лишь маской для этого развратника, пьяницы, чре-воугодника, бесстыдно эксплуатировавшего даровой труд сво-их почитателей-односельчан ради собственного обогащения. Запугивая людей близким концом света, братья Куляки и их приспешники из бывших кулаков ополчились против брака, разрушили многие семьи тех, кто поверил в новую «святую

троицу». По требованию Ивана Куляки, проповедники-иннокентьевцы внушали верующим идею необходимости самоумерщвления. Десятки сектантов были замучены, заморены голодом (и похоронены иной раз заживо!) в «комнатах смерти», устраивавшихся в сараях и хатах руководителями секты, которые блюли таким образом заповедь «не убий!».

Или взять «свидетелей Иеговы», проповедующих скорое наступление Армагеддона — священной битвы бога против сатаны, в которой все существующее, дескать, погибнет, и на земле воцарится благодное царство Иеговы: в этой секте нашли прибежище бывшие гестаповские агенты, военные преступники, сотрудники фашистских комендатур временно оккупированных гитлеровцами районов нашей страны. Деятельность иеговистов прямо враждебна советскому строю и направляется она из-за рубежа. А религия здесь служит только дымовой завесой и удобным оправданием для темных дел «слуг Иеговы», проклиняющих Советскую власть и запугивающих рядовых сектантов страшным судом.

Таким образом, можно сказать, что иезуиты живы — и не только в католичестве. Дух, который некогда породил иезуитизм, по существу пропитывает любую религию. Принципы любой религиозной морали, какими бы добрыми и хорошими они ни казались на первый взгляд, безнравственны в своей основе. Их цель одна: защитить корыстные интересы имущих классов. Именно поэтому христианство предписывает угнетенным безропотно терпеть зло на земле, смиренно склоняться перед господами в ожидании райской жизни за гробом. Именно ради сохранения благополучия эксплуататоров служители культа внушают трудящимся: «не укради» — не смей поднимать руку на чужую собственность, прежде всего на собственную, нажитую богачами за счет твоего труда; «не убивай», то есть не вздумай бунтовать против хозяев, не пытайся уничтожать несправедливый общественный строй, становясь на путь его насильственного ниспровержения; «любви ближнего», «любви врагов своих», то есть живи в мире и в согласии с порабощателями, отдавая им добровольно свой пот, а когда потребуют, и кровь. Только «претерпевший до конца спасется», — говорится в одном из евангелий (Матф., гл. 24, ст. 13).

Таким образом, религиозная нравственность есть нравственность наизворот. Предписывая, казалось бы, добро, она на деле оправдывает социальное зло — порабощение одних другими.

Иногда можно услышать от верующих людей: религия, мол, не виновата в том, что недостойные люди применяли

и применяют ее моральные установки в дурных целях. Это в корне неправильное рассуждение. Если бы нравственность, которую проповедует служитель культа, действительно основывалась на принципах добра и справедливости, никто не сумел бы употребить ее во зло трудящимся. Между тем христианская религия веками оправдывала самое страшное зло на земле — угнетение миллионов людей: в древности — рабов рабовладельцами, в средние века — крепостных помещиками, в новое и новейшее время — пролетариев капиталистами.

Не иезуиты составляли кодекс христианской морали. Напротив, сама эта лживая мораль вскормила подлости иезуитской «теории и практики». Может быть, иезуиты извратили христианские заповеди? Нисколько! Поставив свой орден на службу господствующим классам, они просто сделали из моральных установок христианской религии последовательные с точки зрения интересов этих классов и самой церкви выводы. Недаром же католическая церковь и ее первосвященники благословляют все деяния «ордена Иисуса».

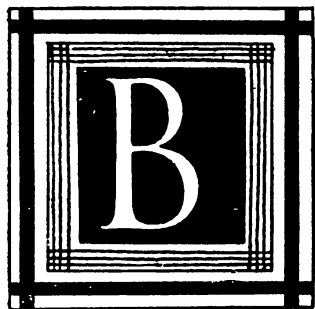
Всякая религия, подобно христианской, нужна эксплуататорам. Всякая религия, каковы бы ни были ее исторические корни, служит средством обмана. В этом смысле девиз иезуитов: «цель оправдывает средства» может быть начертан на священных книгах любого религиозного вероучения.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ
●
милосердные
ПОДВИГИ

погожий ноябрьский день 1095 года на обширной равнине, примыкавшей с восточной стороны к французскому городу Клермону, толпился многочисленный люд всякого возраста, звания и состояния. Были здесь и знатные сеньоры — графы, бароны; каждого окружала его челядь — слуги, оруженосцы. Но больше всего тут было простых рыцарей: как и знать, они съехались и сошлись сюда из разных мест Франции и близлежащих земель.

Графы и бароны в расшитых шелком и золотом кафтанах, под которыми позвякивали кольчуги, нередко двойные, в мягких сапожках из дорогой кожи, держались обособленными группками, надменно и с важностью поглядывая вокруг. Одни восседали на коне, положив руку на эфес вложенного в ножны длинного меча с обоюдоострым стальным клинком; другие стояли, опершись на деревянное копьё с железным наконечником в виде ромба. Рыцари одеты были поскромнее, и далеко не у всех имелись конь и кольчуга. Зато у многих поверх кафтана поблескивал легкий металлический панцирь; у иных туловище закрывали кожаные латы, а ноги — такие же наколенники, или поножи. Рыцари тоже были при мечах; кое-кто явился и в полном снаряжении, в шлеме, с выгнутым круглым или треугольным щитом, покрытым металлическими пластинками на деревянном, обтянутом кожей остове.

Знавшие друг друга оживленно беседовали; в глазах рыцарей выражение любопытства сменялось тревогой, а тревога — надеждой. В большинстве своем, однако, эти войны не только не были близки или знакомы между собой, но и не всегда могли объясниться: они представляли разные народности Франции и пограничных владений — франков, бургундов, провансальцев и других.

Русский поэт А. Майков рассказывает об этом сборище в ярких стихах:

Не свадьбу праздновать, нѣ пир,
Не на воинственный турнир
Блеснуть оружем и конями
В Клермон нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что луг, усеянный цветами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Как перекатными волнами.
Луч солнца ярко озарял
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпур, и металл.

Посреди пестрой толпы чернели сутаны священников, клобуки в длинных, до земли, темных одеяниях.

И все же главная масса собравшихся в Клермон — это были крестьяне из соседних с городом и дальних селений. Лица землепашцев, почерневшие от голода и забот, — предыдущие годы выдались неурожайными, а сеньоры по-прежнему безжалостно требовали выполнять барщинные работы, — бороздили морщины, сами мужики поражали сильной худобой. Одеты они были в рубахи из грубой шерсти или холста и широкие холщовые или сшитые из шкур штаны. Обувью некоторым служили толстые башмаки из свиной кожи на деревянной подошве, остальные и вовсе пришли босыми. Простые войлочные колпаки покрывали их головы. «Босой и оборванный народ», — так впоследствии назовет эту массу деревенских бедняков феодальный летописец. Переминаясь с ноги на ногу, крестьяне толпились поодаль от графов и рыцарей. Чуялась отчужденность простого люда и феодалов.

В гуще всего этого скопища людей шныряли и попрошайничали гнусавыми голосами грязные, в лохмотьях, нищие, которых было в те времена великое множество: светские сеньоры подчас содержали на свои средства сотни, а монастыри — тысячи нищих; им раздавали мелочь и подкармливали их в убеждении, что нищие — ближе к богу, чем богатые, и что, чуточку помогая нищим, можно таким образом более надежно обеспечить своей душе райское спасение — ведь Христос не имел никакого имущества и жил в полной бедности...

Тут же, прямо на влажной от недавнего дождя стерне, сидели в самых причудливых позах калеки-прорицатели — юродивые. Кто, закатив глаза, что-то монотонно бормотал, и нельзя было толком разобрать, о чем он рассуждает про себя; кто, оголив руку, покрытую до плеча струпиями, размахивал маленьким железным крестиком на медной цепочке, исступленно выкрикивая отрывочные невнятные слова и фразы...

Что же привело в тот осенний день десятки тысяч людей на поле у Клермона?

Вот уже несколько недель ползли слухи, будто римский папа — им был Урбан II, француз по происхождению, — собирается выступить перед народом. Папа находился тогда во Франции. По прибытии сюда он вступил в переговоры с приорами монастырей влиятельного Ключийского ордена, с церковными сановниками и некоторыми видными феодальными магнатами. О чем велись эти переговоры, никто не ведал, но из уст в уста повторялась фраза, которую Урбан II произнес, едва ступив на землю Франции: он заявил, что в его планы входит оказание помощи восточным единоверцам. В замках баронов строились всевозможные догадки о подлинных намерениях папы, и самые дальновидные сеньоры отдавали себе отчет в том, что он покинул Италию с какими-то серьезными политическими целями. Служители церкви в свою очередь припоминали, что около двадцати лет назад другой папа — Григорий VII — уже обращался ко всем католикам, «верным святого Петра», и главным образом к рыцарям с призывом двинуться войной против мусульман-сельджуков, вторгшихся в пределы христианской Византийской империи; этот папа призывал выручить из беды восточную церковь... Его готовы были поддержать в то время многие французские рыцари. Как знать, быть может, преемник могущественного Григория VII, нынешний папа Урбан II намерен возобновить и довести до конца то дело, которое замышлял еще его предшественник? Начать войну на Востоке ради спасения христианской религии и братьев-христиан от угрозы порабощения иноверцами-мусульманами? Что же, на такой призыв множество рыцарей и магнатов и теперь охотно бы откликнулось... Им давно уже не хватало доходов, которые удавалось извлекать, угнетая полунисшего крестьянина; а с тех пор как в Европе появились города, да и из далеких полусказочных восточных стран стали все чаще привозить неслыханной расцветки яркие и прочные ткани, тонкие ароматные вина, стальные клинки несравненной твердости и гибкости, аппетиты феодалов, особенно мелких, еще более выросли: нередко рыцари соединялись в разбойничьи шайки, которые нападали на незащитные деревни и местечки, а то и на монастырские обители, обирали, жгли, убивали... И если бы папа поднял эти рыцарские ватаги на войну за пределами Европы — это было бы для рыцарей весьма кстати, как, впрочем, и для самого римского первосвященника и всей церкви, владения которой страдали от набегов рыцарской голытьбы.

Возбуждение, распространившееся в феодальных кругах с приездом Урбана II во Францию, передалось и простому народу. Измученные бедствиями недавних лет — частыми неурожаями, бескормицей, падежом скота, растущими требованиями угнетателей-сеньоров — бедняки крестьяне втайне надеялись на то, что прибытие папы во Францию, возможно, приведет к каким-то важным переменам в их положении, повлечет за собой события, которые отзовутся и на участи «босо-го и оборванного» народа.

Пока в замках и избах судили да рядили о целях Урбана II, он занимался церковными и нецерковными делами... За день до соборща, с рассказа о котором мы начали свое повествование, в самом вместительном храме города Клермона закончились заседания высших церковнослужителей, съехавшихся со всего королевства Франции: тут было около 200 епископов, почти 400 аббатов, 42 архиепископа. Весь цвет французского духовенства присутствовал на Клермонском соборе. Урбан II принимал в нем деятельное участие.

Не удивительно, что к тому времени со всех уголков страны в Клермон сошлись десятки тысяч рыцарей, священников, монахов, масса деревенского трудового люда. Весть о том, что Урбан II будет держать речь не только к клирикам, но и ко всем французам — вот что явилось причиной необычайного скопления людей на Клермонской равнине 26 ноября 1095 года. Увидеть и услышать папу римского — человека, почитавшегося религиозными людьми того времени земным наместником бога, вице-доминиусом, — такая возможность выдавалась не часто. Очевидно, лишь исключительно важные обстоятельства могли заставить его святейшество перебраться через высокие Альпы, совершить путешествие из Рима в Клермон. И уже одно то, что глава всей западной церкви пожаловал сюда собственной персоной, само по себе граничило с чудом. Мыслимо ли было пропустить его, тем более что всех — и рыцарей, и мужиков, и самих церковников — переполняли тайные надежды?

Толпа пребывала. Нетерпение ее усиливалось. Над полем стоял непрекращавшийся гомон. Он нарастал все больше и больше. Вдруг народ заволновался, загудел. Словно по сигналу, все опустили на колени. Рыцари сняли свои шлемы, крестьяне скинули с голов войлочные колпаки... Те, кто находился в задних рядах, напирали на передние, люди вытягивали шеи, чтобы лучше разглядеть, что происходит впереди.

...Из раскрытых городских ворот (на том месте, где теперь находится площадь, названная в честь автора «Марсельезы»

площадью Делиля) показалась торжественная процессия. Впереди — среднего роста человек лет пятидесяти, в белой парчовой одежде, изукрашенной золотыми крестиками, и в высоком головном уборе такого же цвета, похожем по форме на трапецию, поставленную основанием вверх, — тиаре. Это и был папа Урбан II, за ним — густая свита богато разодетых участников Клермонского собора — архиепископов, епископов, аббатов — в коричневых и фиолетовых сутанах. Вот папа взобрался на дощатый помост, сооруженный еще накануне. А чтобы его лучше слышали и видели, он встал еще и на свой трон, поставленный на помосте. Движением руки Урбан II потребовал тишины. Когда шум голосов смолк, папа обратился к толпе с большой и, как видно, хорошо продуманной речью.

Что говорил Урбан II, в точности неизвестно: только те, кто стоял близко к помосту, могли хорошо разобрать слова оратора. Остальные довольствовались тем, что передавали полупешотом одни другим. Средневековые летописцы (хронисты), из которых лишь немногие сами присутствовали на Клермонском соборе, пересказывают речь папы по-разному. Тем не менее основной смысл его выступления вырисовывается достаточно явственно.

Урбан II и в самом деле, подобно Григорию VII, обратился ко всем верующим французам с кличем — опоясаться мечом и отправиться в заморские страны воевать против мусульман. «Проклятое персидское племя турок», по словам папы, завладело священным городом христианства Иерусалимом. В их руки попали драгоценные святыни, в том числе главная из них — гроб господень: так величественно именовалось и именуется то архитектурное сооружение внутри одной из иерусалимских церквей, которое почитают как гробницу Иисуса Христа; по евангельским сказаниям, он был после распятия на кресте похоронен в углублении в скале, там же воскрес и оттуда вознесся на небеса. Здесь-то и воздвигли впоследствии церковь гроба господня. Язычники-мусульмане, уверял папа, предают наши святыни всяческому поруганию, а над восточными христианами измываются самым жестоким образом. Над всем христианством нависла страшная опасность. Такое положение, говорил Урбан II, нельзя долее терпеть... Необходимо как можно скорее исторгнуть у нечестивцев святую землю — Палестину, где родился, жил и умер Иисус Христос, искупивший своей смертью человеческие грехи. Пусть христиане, потребовал папа, вступят в бой с иноверцами, а в знак того, что они воюют за правую веру, пусть

воины, отправляющиеся на Восток, нашьют себе на платье кресты из красной материи. Всем «борцам за веру», обещал Урбан II, будет дано полное отпущение грехов, а те, кто падет в сражениях с «неверными», получают вечную награду на небесах; их душам обеспечено райское спасение.

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде чем их кровь остынет,
Будут в царствии небесном, —

так передает эту часть речи Урбана II поэт Алексей Толстой.

В речи папы, наряду с религиозными, прозвучали и другие мотивы. Тех, кто примет обет идти в святую землю во имя освобождения гроба господня, ожидает не только спасение на небесах: победа над мусульманами принесет и земные выгоды. «Земля, которую вы населяете, — сказал папа, — сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности; богатствами же она не обильна и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны, наносите смертельные раны. Теперь же сможем прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Идите ко гробу святому. Освободите ту землю из рук язычников и подчините ее себе. Земля та течет млеком и медом. Иерусалим — плодотворнейший пуп земли, второй рай... Он просит, ждет освобождения и непрестанно молит вас о помощи»...

С такими или приблизительно такими многозначительными словами обращался папа к «верным святого Петра». Его речь всех задела за живое, произвела сильное впечатление. Не раз, как свидетельствуют летописцы, толпа прерывала папу громкими возгласами: «Так хочет бог!» Призыв к битве за гроб господень, естественно, вызвал у темных людей, умами которых всецело владела религия, и полных ожидания перемен, всеобщее воодушевление. Его источником послужили также и те заманчивые земные перспективы, которые, по словам папы, сулила успешная война на Востоке и которые папа ясно нарисовал в своей речи. «Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат!» — этот довод в устах Урбана II оказался одним из наиболее убедительных и для массы крестьян, и для рыцарской голытьбы, и для магнатов — всех, кого римский первосвященник откровенно приглашал к грабежу и к покорению восточных стран. Каждый из присутствовавших в тот день на Клермонской равнине услышал в речи папы то, что ему представлялось для себя особенно важным. Забитых

крепостной неволей и голодных крестьян увлекла смутная надежда на хлеб и свободу, на облегчение своей доли в странах, текущих млеком и медом. Их опьянила туманная мечта снизить религиозным подвигом милость бога, заслужить прощение грехов, избавиться от кар небесных — чем же, как не карой за грехи, были для крестьян голодовки, неурожай, засухи, наводнения, непроглядная нищета? Теперь, пусть ценой собственной гибели, наверняка представлялась, по крайней мере, возможность уготовить своей душе теплое местечко в раю, а в случае удачи — прощение грехов и, быть может, землю и волю от ненавистных сеньоров!

Феодалы всех рангов, со своей стороны, увидели в грандиозном воинском предприятии, затевавшемся папой, подходящее средство утолить свою возраставшую жажду богатства и расширения за чужой счет собственных владений. Изъявляя готовность воевать за христианские святыни, рыцари и сеньоры помышляли таким образом не только, а подчас даже не столько о религии, сколько именно о завоевании земель на Востоке, о приобретении поместий, об основании новых княжеств, о захвате легендарных богатств Сирии и Палестины. Соображения религиозного характера, однако, вовсе не были чужды этим людям, полным предрассудков и верований своего времени. Как и крестьяне, рыцари верили в бога, в церковные сказки. Реальные грабительско-завоевательные цели войны зачастую представлялись рыцарям словно окутанными религиозным покровом: в их воображении спасение христианских святынь символизировало подвиг, в котором высшие, религиозные задачи сливались с практическими, мирскими — захватом земель и сокровищ восточных стран: в замках немало понаслышались о них от купцов и паломников, возвращавшихся из Иерусалима и Константинополя.

Вот почему уже через четыре месяца после выступления папы в Клермоне, ранней весной 1096 года, в путь к Иерусалиму пустились сперва крестьянские ополчения из Франции и Германии. А спустя еще некоторое время, летом того же года, рыцари многих стран Западной Европы, двинувшись по стопам мужицких отрядов и вскоре перейдя через Константинополь в Малую Азию, развернули большую войну с мусульманским Востоком — Первый крестовый поход. За ним последовали другие такие же походы в страны, которые мы теперь называем ближне- и средневосточными. Всего насчитывают восемь наиболее значительных восточных войн европейского рыцарства, предводительствуемого и направляемого папским престолом; первая происходила в 1096—1099 годах, послед-

няя, восьмая, руководимая французским королем Людовиком IX,— в 1270 году. Все эти военные предприятия, участники которых прикрепляли на грудь или плечи матерчатый знак креста — символ их религиозных намерений — вошли в историю под именем крестовых походов. Крестовые походы неразрывно связаны с прошлым католической церкви и папства — влиятельнейшей общественной силы средневековья.

КРЕСТОМ И МЕЧОМ

Крестовые походы длились без малого двести лет. Иные ученые, впадая в преувеличение, склонны даже целую эпоху с конца XI до конца XIII веков именовать временем крестовых походов. Католическая церковь, ее руководители, ее богословы по настоящее время усматривают в этих религиозных войнах, проводившихся по почину и с санкции римских пап, одно из достославных деяний западного христианства, оценивают их как событие, будто бы оказавшее неоценимую услугу христианской цивилизации.

Напротив, более беспристрастные историки и философы различных оттенков и направлений вот уже почти триста лет — вопреки усилиям католических писателей, идеализирующих и превозносящих крестовые походы в качестве великого вклада церкви в историю человечества — стараются «разгадать их подлинную загадку» (выражение западногерманского историка А. Вааса), разобраться в их действительных причинах, понять их истинную суть и характер, уяснить реальные последствия и значение.

В разное время высказывались неодинаковые мнения на этот счет. Многие из них были очень односторонними, подчас проникнутыми предвзято отрицательным отношением к этим священным, согласно церковным воззрениям, войнам; авторы таких суждений, стараясь рассеять ореол, которым церковь окружила крестоносные войны, часто оказывались не в состоянии выказать историчный подход к событиям далекого прошлого. Некоторые считали крестовые походы лишь проявлением корыстолюбия и властолюбия римских пап. Конечно, то и другое играло какую-то роль, но их нельзя считать главными и единственными побудительными мотивами крестовых походов. Другие философы просто объявляли крестовые походы чудовищным порождением фанатизма «нелепого» и «темного» средневековья, результатом религиозного помрачения рассудка. Кое-кому они представлялись своего рода эпидемической болезнью, распространившейся среди миллио-

нов людей, плодом религиозного безумия целых народов. Такую точку зрения выдвигал знаменитый вольнодумец Ф. Вольтер; ее разделяли и другие просветители XVIII века, называвшие крестовые походы то «страным памятником» человеческого невежества (У. Робертсон), то «сумасбродством и бешенством» «диких, легкомысленных, беспокойных, одурманенных, фанатичных и обманутых людей из всех сословий и классов», как утверждал, к примеру, немецкий философ Гердер. Этот взгляд тоже не может считаться научно обоснованным, хотя несомненно, слепой фанатизм, особенно на ранней стадии крестовых походов, временами создает впечатление чего-то патологически болезненного. Невозможно, однако, целиком отнести к области психиатрии события, длившиеся так долго и имевшие столь крупные политические результаты!

В то же время всегда находилось немало и таких ученых, которые брали на себя неблагоприятную задачу отстоять официальные взгляды католической церкви на крестовые походы; в трудах этих ученых они по-прежнему возвеличивались, всячески воспевались ратные подвиги крестоносцев, красочно расписывались благодеяния, якобы принесенные их оружием европейской культуре.

Борьба мнений вокруг истории и оценки крестовых походов продолжается и поныне, но в наши дни все меньше становится писателей, которые бы открыто оправдывали и восхваляли эти войны. Если среди историков и встречаются порой такие адвокаты крестоносцев, то им приходится высказываться с большой осторожностью и оглядкой, маскировать свои апологетические воззрения, считаться с достижениями подлинно научной исследовательской мысли, которая, опираясь на документы, твердо доказала, что крестовые походы XI—XIII веков на самом деле были совсем не тем, чем их хотят представить идеологи католической церкви и прокатолически настроенные авторы. Больше всего ведь они восхищаются «истинно христианским» героизмом и самоотречением во имя веры, которые будто бы проявляли крестоносцы и который-де составлял характернейшую черту крестовых походов. Французский публицист XIX в., известный своей реакционностью, Ф. Шатобриан расценивал их как «героическую эпоху истории христианства», и эта оценка до сих пор некритически повторяется в кое-каких сочинениях западных историков.

Верно, конечно, что среди крестоносцев имелись доблестные и отважные воины, которые, будучи охвачены религиозными страстями, распаленными церковниками, с риском для жизни храбро взбирались под ударами вражеских стрел и ко-

пий на стены мусульманских городов, смело бились с противником на суше и на море, пренебрегали опасностями. Средневековые хроники, рассказывающие о крестовых походах, полны описаний такого рода. Стараясь оттенить преданность рыцарей богу и церкви, их полную отрешенность от земных интересов, их абсолютное бескорыстие и безграничную веру, хронисты представляют этих воинов борцами христовыми, беззаветно сражавшимися ради праведного дела и во имя него «готовыми скорее умереть, чем отступить».

Однако глубже вчитываясь в те же хроники, мы обнаруживаем множество фактов, которые показывают, что несравненно больше, чем героизма, в крестовых походах сказывалось другого: дикости, грабежа, разбоя, насилий, бессмысленно жестокого кровопролития. Что касается преданности религиозным идеалам, якобы свойственной воинам господним, то нет оснований чрезмерно преувеличивать ее: нередко даже у первых крестоносцев, самых фанатичных, она уживалась с равнодушием к целям, официально поставленным папством.

Крестовые походы — это были в первую очередь завоевательные феодально-рыцарские предприятия, хотя и окрашенные в религиозные тона. Цели феодалов, отправлявшихся спасать гроб господень из рук мусульман, заключались прежде всего в завоевании богатых восточных земель, в добыче. Это обстоятельство ясно раскрывается в повествованиях католических хронистов. Крестоносцы, по словам одного из них, отказываясь от собственного имущества, «с жадностью устремлялись к чужому». Крест, который они нашивали на свои кафтаны, служил удобным прикрытием глубинных не всегда отчетливо ими самими осознававшихся, побуждений. Многим из первых крестоносцев подчас могло, конечно, казаться, что они воюют за торжество христианской религии. Церковники приложили большие усилия, чтобы укрепить в них это убеждение. Урбан II не остановился перед тем, чтобы очернить мусульман-сельджуков, завладевших к концу XI в. многими странами Переднего Востока: ведь на самом деле мусульмане не устраивали гонений на христианскую религию и ее приверженцев, не разрушали почитавшихся ими святынь, и даже то пустое место, которое почиталось гробом господним в Иерусалиме, оставалось в полной сохранности — вопреки всему, что говорил папа в своей клермонской речи. Эти рассказы, однако, запали в душу его слушателей и разожгли их религиозный пыл. И все же религиозные порывы полонили далеко не всех участников Первого крестового похода. Напротив, зачастую именно те рыцари, которые особенно прослави-

лись своей отвагой, проявляли явное или едва завуалированное безразличие к религиозным принципам, служившим основанием для церковной пропаганды войн против «неверных».

В своем стремлении обогатиться на Востоке рыцари креста и их главари не слишком уж внимательно присматривались, за чей счет будет достигнута эта цель — язычников или же самих восточных братьев-христиан, которых они шли освободить от «ига неверных». Когда отряды крестоносцев вступили в армянские области Малой Азии, граф Балдуин Булонский предложил норманнскому рыцарю Танкреду совместно ограбить христианский город Тарс и разделить добычу, которую удастся там взять: «Ворвемся туда вместе и ограбим город, и кто сможет получить больше — получит, кто сможет больше взять — возьмет», — так передает предложение сиятельного крестоносца неизвестный по имени хронист, участник похода. На переднем плане у крестоносцев всегда захваты и грабежи. Первое и главное, что повсюду приковывало к себе их взоры, это была добыча: золото и серебро, кони и верблюды, овцы, быки и многое другое, что они приобретали силою оружия в захваченных землях. Страсть к грабежу владеет крестоносцами настолько, что они подчас набрасываются на добычу, не доведя до конца сражения. Хронисты скрупулезно перечисляют в своих повествованиях добро, захваченное крестоносцами в том или ином взятом ими восточном городе. Они предаются безудержным грабежам в самых малозначительных городишках и крепостях, не говоря уж о крупных центрах Сирии и Палестины. «Сколько же всего было взято добычи в Антиохии (она была захвачена 3 июня 1098 г.), мы не в состоянии и сказать; если вообразите, сколько сумеете, то считайте сверх того», — поясняет читателям французский хронист Раймунд Ажильский, участник похода.

Летом 1099 года, проделав двухлетний переход по Малой Азии, Сирии и Палестине, крестоносцы подошли к Иерусалиму — священному городу трех религий (кроме христиан, его почитали мусульмане и иудеи). Город, служивший предметом благочестивых вожелений рыцарства, уже близок. Крестоносцы беспорядочно и быстро устремляются к нему, но не потому, что горят неодолимым желанием поскорее увидеть его, а совсем по иной причине: «Каждый, — признается хронист, — хотел опередить остальных, увлекаемый желанием овладеть замками и деревнями», «ибо, — продолжает он, — у нас было обыкновение, что, если кто-либо первым подходил к замку или селению и водружал свое знамя и ставил стражу, никто после этого уже не оспаривал его прав».

После пятинедельной осады в июле 1099 г. крестоносцы приступом взяли святой град. Растоптав христианские заповеди, которые возбраняют убийство и предписывают любить врагов, победители ринулись на беззащитных жителей города и их имущество. Расхитители чужого добра, жестокие, хладнокровные убийцы, истязатели и палачи — такими рисуются крестоносцы в произведениях своих единоверных современников, католических (латинских) летописцев. Убивая, разрушая, сжигая все на своем пути, рыцари проходили по улицам Иерусалима, повсюду оставляя страшные следы варварской жестокости и алчности. Свои кровавые деяния они творили совершенно спокойно, как должное милосердие к врагам им полностью чуждо — евангельские заповеди на инаковерующих не распространялись. пытки и убийства пленных, беспощадное истребление мирного населения захваченных городов — это обычные эпизоды, на каждом шагу встречающиеся в хрониках. В Иерусалиме, как еще и до того в Антиохии, крестоносцы устраивают настоящую оргию кровавых убийств, преследуют сарацин и беспощадно убивают их. Многие пытались было найти спасение от ярости победителей хотя бы в мечетях или возле них. Напрасно! Воины креста были уверены, что как раз в мечетях спрятаны большие ценности. С обнаженными мечами бросились рыцари в здание главной мечети. Под ее высоким куполом стояли и сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу, седобородые старики, женщины с грудными младенцами, ребятишки, инвалиды, больные — несколько тысяч человек. Близ стен мечети тоже искали убежища толпы мусульман. Рыцари не пощадили никого, они убивали даже детей, разбивая их головы о камни. «Кровь сарацин текла по всему храму», — с гордостью рассказывает хронист. «Рыцари хватали многих мужчин и женщин в храме и кого хотели — умерщвляли, а кого хотели — брали живыми». По свидетельству другого хрониста, тоже очевидца событий, по мечети можно было передвигаться лишь в крови, дсходившей до колен всадника и до уздечки коня. Число убитых здесь составило почти 10 тысяч человек! Резня охватила весь город. «Ты бы мог увидеть удивительное зрелище, — повествует провансальский летописец, обращаясь к читателю, — одни из сарацин были с разбитыми головами, что являлось для них более легкой смертью; другие, пронзенные стрелами, вынуждены были бросаться с укреплений; третьи долго мучились и погибали, горя в пламени».

Первый крестовый поход отчетливо показал, что и сама церковь, его организовавшая, тоже корыстно была заинтересо-

вана в войне на Востоке: успех сулил ей приобретение новых владений, добычу, подданных. В Сирии и Палестине крестоносное духовенство по алчности не уступало воинам-мирянам. Даже когда рыцари оказывались в затруднительных обстоятельствах, церковники настаивали на выплате им десятины со всей добычи. Разумеется, из этого вовсе не следует, будто только грубая материальная корысть побудила церковь провозгласить крестовые походы. Папство имело в виду удовлетворить интересы всего класса феодалов, в том числе, конечно, и не в последнюю очередь — церковных учреждений. Оно рассчитывало также укрепить с помощью этих победоносных войн собственный престиж, распространив власть апостольского престола на новые страны. Знаменательно, что церковнослужители, наряду с рыцарями, участвовали и в зверских убийствах мирного населения, пренебрегая лицемерным правилом христианской религии, запрещающим им проливать кровь. Восточный летописец, христианин по вере, Михаил Сириец с ужасом рассказывает, как сам патриарх Иерусалимский, нанося удары направо и налево, шествовал с мечом вдоль одной из улиц, убивая на своем пути всех «неверных». Так патриарх дошел до церкви святого гроба; его руки, державшие меч, были обгажены кровью. Войдя же в церковь и омыв руки, этот пастырь приступил к торжественному богослужению, во время которого заявил, что никогда еще он не приносил столь приятной жертвы богу.

Безжалостно истребляя «неверных», крестоносцы, однако, больше всего стремились насытить свою алчность. «После великого кровопролития,— рассказывает итальянский хронист, сам участвовавший во взятии Иерусалима,— они разбрелись по всему городу, захватывая золото и серебро, коней и мулов, и дома, ломившиеся от всякого добра». При этом, передает другой хронист, как бы подтверждая сообщение первого, всякий, кто входил в дом первым, был ли он богат или беден, «присваивая себе все, что находил в нем, и распоряжался, и владел домом или дворцом так, будто он был в его полной собственности». Каждый крестоносец, облюбовавший себе тот или иной дом для разграбления, спешил повесить на его дверях свой щит или другое оружие, «чтобы таким образом оповестить других, что они должны идти дальше, ибо это место уже имеет своего хозяина».

Особенно жадны были крестоносцы к драгоценностям, за которыми рыскали повсюду. Французский священник Фульхерий из города Шартра, оправдывая крестоносцев, рассказывает, что, ища золото, «наши оруженосцы и пехотинцы, знавшие

об изворотливости сарацин, вспарывали животы покойников, дабы извлечь из их внутренностей золотые монеты, которые те проглатывали при жизни своими страшными глотками». А для верности они «спустя несколько дней сложили трупы в большую кучу и превратили в пепел, чтобы в нем легче было разыскивать упомянутое золото».

Давая волю своей жестокости и жадности, рыцари вместе с тем усердно молились и каялись в грехах. Одни били лбами о плиты церкви святого гроба, другие ползали по святым местам, третьи вымаливали себе прощение, жертвуя часть награбленного беднякам. Отдав должное число поклонов, рыцари снова принимались грабить и насильничать. В конце концов им, по выразительному признанию позднейшего хрониста архиепископа Гийома Тирского, самым стало «противно видеть содеянное». Таков был финал Первого крестового похода, организованного и освященного церковью. Это «богоугодное» предприятие, происходившее под религиозным знаком креста, положило начало цепи неслыханных злодеяний в странах Восточного Средиземноморья, осуществленных рыцарским мечом по зову церкви. В результате Первого крестового похода десятки тысяч западноевропейских феодалов обосновались в прибрежной полосе Сирии и Палестины: здесь было организовано феодальное государство под названием Иерусалимское королевство. Впрочем, сам город Иерусалим крестоносцы смогли удержать в своей власти менее 90 лет: в 1187 г. его отвоевал у них египетский султан Саладин, а остатки королевства продолжали существовать еще около ста лет.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ В ОГНЕ

Чем дальше, тем больше крестовые походы обнаруживали свою подлинную, совсем не религиозную сущность. Особенно ярко она выявилась во время Четвертого крестового похода, состоявшегося в 1202—1204 годах. Его главным вдохновителем выступил римский папа Иннокентий III.

Целью похода официально был объявлен Египет, центр тогдашнего господства мусульман. Но головорезы-крестоносцы и не собирались отправляться к Египту. Вместо мусульманского они предпочли обрушиться на богатое христианское государство — ослабевшую к тому времени Византийскую империю. К этой цели направила «воинов божьих» Венецианская республика, предоставившая им корабли и провиант: венецианские купцы хотели сокрушить Византию, чтобы самим занять прочные позиции в восточной торговле. Римский папа,

мечтавший подчинить своей власти греческую церковь, по сути дела, поддержал намерения крестоносцев. В апреле 1204 года тридцатитысячная бандитская шайка рыцарей (тут были французы, немцы, итальянцы и другие) штурмом овладела столицей империи — древним городом Константинополем. Католические священники, сопровождавшие крестоносцев, благословили этот захват христианского города. Сам римский папа признал его впоследствии «чудом божьим».

Ворвавшись в Константинополь, крестоносцы учинили страшную экзекуцию ни в чем не повинному населению греческой столицы. Три дня в городе, окутанном дымным чадом, стоял сплошной вопль и стон. Это рыцари творили дикие насилия и убийства, жестоко глумились над константинопольцами. Были убиты тысячи людей. Десятки тысяч жителей крестоносцы выгнали из домов. Иные греки старались найти убежище в церквях. Однако рыцари врывались туда, раздевали несчастных донага — дабы они не унесли с собой драгоценностей — и либо изгоняли вон, либо тут же убивали мечами. «Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди», — словно в оцепенении и с глубокой печалью вспоминал впоследствии высокопоставленный греческий чиновник и историк Никита Хониат. Как очевидец всего, что происходило в Константинополе, Никита Хониат подробно рассказал о бесчинствах, которые рыцари креста произвели в столице империи.

Сохранились рассказы и других свидетелей.

Рыцари, обезумевшие от алчности, набросились на дворцы, храмы, купеческие склады, с грохотом врывались в дома, взламывая двери и разбивая окна.

Крестоносцы не прошли и мимо главного константинопольского храма — собора святой Софии. Разбив вдребезги массивные двери центрального входа, христовы воины беспорядочной толпой хлынули в огромный храмовый зал. От несказанного богатства, которое они здесь увидели, у крестоносцев прямо-таки захватило дух. Старинные иконы в золотых рамах, золотые и серебряные предметы церковной утвари необычайной редкости — все это сияло, блестело, переливалось всеми цветами радуги. Рыцари кромсали и растаскивали бесценные сокровища храма Софии.

В те дни за оградой знаменитого монастыря Пандократора можно было видеть странную фигуру в темном одеянии, воровато пробиравшуюся между закованными в латы воинами. Это был священник. Но почему он рыскал по монастырской церкви, потупив взор, внимательно разглядывал содержимое

священных сосудов, которое рыцари вываливали прямо на выложенный мозаичными плитками пол? Вот он быстро наклонился, схватил что-то жадно скрючившимися пальцами... Наклонился снова, опять выхватил из кучи какую-то вещь и засунул ее в карман, который уже сильно топорщился из-под сутаны... Это немецкий аббат Мартин из Линца. В общей сумятице он торопливо обшаривал то, что рыцари еще не успели утащить из монастыря: аббат усердно разыскивал особо важные предметы религиозного почитания — «мощи» никогда не существовавших святых и прочие реликвии. Этот крестоносец в сутане, подоткнутой за пояс для быстроты передвижения, отбросив прочь христианскую заповедь «не укради!», занимался самой настоящей кражей. Впрочем, аббат рассчитывал снискать себе прощение греха у всевышнего: ведь то, что он делал, было «благочестивым воровством»; он крал мощи в монастыре Пандократора, чтобы поместить затем эти реликвии в храме у себя на родине!

Аббат Мартин — не единственный священник из крестоносцев, творивший «благочестивое воровство». И другие богобоязненные пастыри «воинства Христова» старались не отставать от погромщиков-рыцарей в разграблении Константинополя. Подобно аббату Мартину, они, по словам эльзасского хрониста, «обеими руками» хватали церковную утварь и всевозможные реликвии, в большом числе собранные в столичных церквях. Католические попы действовали с лихорадочной поспешностью, боясь не упустить своей доли в добыче. Больше всех преуспел немецкий епископ Конрад из Гальберштадта, один из видных духовных пастырей крестоносцев; когда он через год вернулся в свою Тюрингию, перед ним, как рассказывает летописец, везли целую телегу, нагруженную реликвиями, взятыми в константинопольских храмах и монастырях.

Добыча, захваченная в Константинополе, превзошла все ожидания. Она была настолько велика, с восхищением рассказывает маршал Шампанский Виллардуэн, французский крестоносец, крупный феодал, сам участвовавший в описываемых событиях, что ее даже «не могли сосчитать». Тут были, перечисляет он, «золото, серебро, драгоценные камни, золотые и серебряные сосуды, шелковые одежды, меха и все, что есть прекрасного в этом мире». Виллардуэн не без гордости пишет, что константинопольский грабеж несравним ни с чем подобным, совершавшимся когда-либо «от сотворения мира». Простой солдат Робер де Клари, тоже в восторге от происшедшего: он заявляет в своем дневнике, что рыцари захватили в Константинополе «две трети земных богатств». О бесчинствах и

грабежах крестоносцев в византийской столице сообщают греческие, русские, французские, итальянские и многие другие летописцы, принимавшие подчас непосредственное участие в событиях. Сам римский папа Иннокентий III, один из главных организаторов Четвертого крестового похода, фактически простивший крестоносцам все их гнусности и скотство, вынужден был приличия ради выразить свое негодование по поводу злодеяний рыцарей креста. Он писал своему легату в крестоносной войске — кардиналу Петру Капуанскому: «Вы подняли оружие не против неверных, но против христиан, возжелали не возвращения святой земли, но обладания Константинополем, предпочитая земные богатства небесным благам... А всего хуже то, что некоторые из вас не пощадили ни религии, ни возраста, ни пола. Недостаточно вам было императорских сокровищ и имущества людей знатных и простых, — вы простерли руки свои на богатства церковные и, что всего преступнее, на предметы священные, ибо вы похищали священные одежды и уносили иконы, кресты и мощи...»

Нужно добавить еще, что во время разгрома Константинополя в огне пожаров и от разрушений, произведенных завоевателями, погибли замечательные творения античных художников и скульпторов, сотни лет хранившиеся в Константинополе. Варвары-крестоносцы ничего не смыслили в искусстве. Они умели ценить только металл. Мрамор, из которого были некогда сооружены архитектурные памятники, а также дерево и кость, служившие материалом для древних скульпторов, с неподражаемым мастерством вытачивавших и вырезавших свои бессмертные произведения, — все это подвергалось уничтожению. Так были сброшены с пьедесталов и превращены в щебень чудесные статуи константинопольского ипподрома, примыкавшего к большому императорскому дворцу. Так были разрушены стройные колонны и портики, красовавшиеся на площади Августеон и в других местах города. Без жалости крестоносцы крушили и художественные изделия из металла — меди, золота, серебра. Такая участь постигла великолепную медную статую богини Геры, высившуюся на одной из площадей Константинополя. Крестоносцы разнесли ее в куски. Точно так же был разбит ими гигантский Геракл и многие другие статуи, превращавшие столицу Византии в настоящий музей античного искусства.

Чтобы удобнее было определить стоимость металла, из которого были отлиты художественные изделия, крестоносцы просто переливали их в слитки.

Но не только памятники искусства были уничтожены за-

падной солдатчиной, действовавшей под прикрытием креста. В пепел были превращены богатейшие константинопольские библиотеки. Безграмотные рыцари, не задумываясь, швыряли в костры множество рукописей. Огонь навсегда поглотил редчайшие, бесценные книги. Но что значили для «защитников веры» сокровищницы человеческого гения?

Вся история Четвертого крестового похода — это история того, как его вдохновители и участники откровенно пренебрегли ими же провозглашенными религиозными целями, как они растоптали ими же поднятые религиозные знамена.

Однако и Четвертый крестовый поход не был каким-то исключением или недоразумением в истории крестоносного движения в целом. Он с необычайной четкостью выявил главные устремления и побуждения участников всех крестовых походов: завоевание земель и захват богатств.

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН»

Леса, речушки, избы и покосы
Виднелись с башни каменной вдали.
По большакам сновали крестоносцы,
Скот угоняли и амбары жгли, —

так рисует замечательный советский поэт Дмитрий Кедрин нашествие крестоносцев на русские земли... Благословляемые церковью и ее служителями средневековые рыцари творили свои злодеяния не только в далеких заморских землях, будь то Сирия, Палестина или Малая Азия. Символ креста осенял их грабительские кровопролитные войны и в Европе. Церковники старались, разжигая религиозное исступление, помрачить разум своей паствы потому, что это было выгодно и господам-помещикам, и самим служителям божьим: именем всевышнего, высокими идейными мотивами можно было оправдать любое насилие и завоевание.

Если предлогом для крестовых походов на мусульманский Восток служило мнимо благочестивое соображение о том, что надо-де освободить христианские святыни из-под власти «неверных», то для обоснования захватнических крестовых походов рыцарей в странах Восточной Европы были придуманы другие, столь же фальшивые мотивы. Когда в XII—XIII веках рыцари, объединившиеся в военно-монашеские ордена (Тевтонский и Ливонский), кинулись на завоевание прибалтийских и восточно-славянских земель (впоследствии националистически настроенные немецкие историки называли эту агрессию «Дранг нах остен», то есть «натиск на восток»), церковники

изобрели такую «благовидную» причину в оправдание этих разбойничьих войн: прибалтийские и славянские народы, мол, коснеют в пагубной языческой вере и надобно просветить их светом истинной, то есть христианской религии, иначе говоря, обратить в христианство. Под этим предлогом немецкое рыцарство отправилось с оружием в руках «просвещать поганных» и искоренять их языческие заблуждения. Девизом для «просветителей-рыцарей» был призыв фанатичного католического аббата XII века, одного из главных проповедников крестовых походов, Бернара Клервоского, который говорил: «Язычников не следовало бы убивать, если бы их можно было каким-либо другим способом удержать от слишком большой вражды или угнетения верующих. Ныне же лучше, чтобы они истреблялись...» И крестоносцы истребляли язычников всеми способами, которые только могли измыслить. «Мы разделили свое войско по всем дорогам, деревням и областям... и стали все сжигать и опустошать. Мужского пола всех убивали, женщин и детей брали в плен, угоняли много скота и коней», — вспоминал об одной грабительской экспедиции в Прибалтику ее участник, священник и летописец Генрих Латвийский. Так богобоязненные рыцари насаждали правую веру среди прусов, ливов, эстов, славян... Они совершали свои кровавые подвиги при прямой поддержке церковников: за участие в крестовых походах, как и в походах на мусульманский Восток, католические священники обещали рыцарям всевозможные — не только земные, но и небесные — блага, вплоть до «прощения грехов» и «спасения души». «И рыцари купались в крови, — как пишет один старый историк, — и возвращались затем домой с отпущением грехов и даже будучи почитаемы святыми». Усердие церковнослужителей было вознаграждено: если немецкие феодалы, поработав и истребляя прибалтов и славян, приобретали новые поместья, то церковники, помимо того, получили в завоеванных землях право на сбор десятины — особого налога в пользу церкви.

ПАЛАЧИ НАРОДА

Орудую крестом и мечом, рыцари обращали в католическую веру и тех, кого церковь заклемила именем «еретиков». А «еретиками» в ее глазах были все, кто так или иначе протестовал против духовной тирании «невесты Христовой» — церкви и ее слуг в сутанах и клобуках, ибо возмущаться установлениями церкви значило заносить руку на тот общест-

венный строй, который она отстаивала, гася разум людей. Именно в этом и состояла суть многообразных «ересей», бурно плодившихся в европейских странах с XI—XII веков и охватывавших прежде всего горожан, но также и крепостных, а в особых случаях заражавших даже часть самих феодалов. Против «еретиков» папы римские, действуя — о, разумеется! — во имя чистоты веры, организовывали бесчисленные крестовые походы. Один из самых показательных походов этого рода был провозглашен папой Иннокентием III в 1209 году: то был крестовый поход северофранцузских рыцарей против еретиков-альбигойцев Южной Франции, или, как называлась эта часть страны, Лангедока. Искоренение альбигойской «ереси» послужило лишь поводом для войны: рыцари из Северной Франции бросились по призыву папы на завоевание цветущих городов и плодородных земель Лангедока. В этом крестовом походе рыцари и церковники, зная наставлениям апостольского престола, проявили исключительную жестокость.

Монахи, следовавшие за крестоносцами, после каждой одержанной ими победы устраивали сожжение «еретиков»; когда в руки крестоносцев попал город Безье, по рыцарской армии был отдан приказ папского легата Арнольда из монастыря Сито перебить всех жителей города. «Бейте всех, — писал этот уполномоченный Иннокентия III, духовный вождь французских крестоносцев, — господь узнает своих верных», то есть отличит убитых католиков от еретиков-альбигойцев.

В бичующих стихах заклеил впоследствии крестоносцев и их вдохновителей французский поэт Леконт де Лиль. Рассказывая о распоряжениях представителя папы против еретиков Альби, Безье, Тулузы и других городов Лангедока, он писал:

...На приступ! В зубы — меч, топор — зажать в кулак!
Громите, не щадя, твердыни отлученных!
Разите! Ждет вас рай, коль не спасется враг!
Утробы и сердца — долой из умерщвленных!
Разите! Сам Христос участвует в бою!
И женщин и детей давите на граните!
Вам, воины, свиней и псов я отдаю!
Их трупы мерзкие на части разорвите!

И крестоносцы выполнили этот циничный приказ аббата Арнольда: в Безье было убито более двадцати тысяч ни в чем не повинных горожан, в том числе много женщин и детей. Примерно то же повторилось и в других захваченных рыцарями городах и крепостях. В крепости Бром вождь крестоносцев Симон де Монфор выколол глаза и отрубил носы всем ее защитникам. В городе Лаворе, неподалеку от Тулузы, горожан,

как пишет очевидец событий, «собрали на лугу: до четырехсот их было сожжено и поджарено, не считая Гиральды, которую крестоносцы бросили в колодец и забросали камнями».

Хвала Христу! Горят, как факелы, костры,
Трещит, пылая, плоть еретиков презренных,
И красные ручьи, вскипая от жары,
Восходят к небесам, под звук псалмов священных!

Католические церковники и папство выступили в крестовом походе против альбигойцев в зверском, палаческом обличье. Положение не меняется оттого, что позднее Иннокентий III сам обвинил Симона де Монфора в «пролитии неповинной крови» и в «насилии против непричастных к ереси», а своих легатов упрекнул в том, что они «алчным образом захватили те места, население которых никак нельзя было заподозрить в еретичестве». Эти признания только усугубляют преступления воинства апостольского престола.

А сколько таких и еще более жестоких преступлений было совершено с благословения святой церкви против «еретиков», вся вина которых состояла лишь в том, что они стремились к свободе от феодального гнета! В 1229 году папа Григорий IX объявил среди немецких рыцарей крестовый поход против крепостных крестьян Бременской области — штедингов, поднявшихся на своих угнетателей-господ. Огромное феодальное войско, посланное папой и возглавлявшееся виднейшими немецкими князьями, вырезало сотни крестьян только за то, что те отказывались нести бремя крепостных пут. 27 мая 1234 года в сражении при Альтенеше рыцари-крестоносцы истребили более шести тысяч повстанцев. Тех, кто попал в плен, рыцари сожгли на кострах: штединги были «еретиками».

«Еретиками» же церковники считали североитальянских крестьян, восставших против сеньоров в начале XIV века. Кровавый крестовый поход против крестьян, руководимых Дольчино, был провозглашен папой Климентом V. Не один, а целых пять крестовых походов организовали церковные верхи во главе с папством против чешских крепостных и ремесленников, вставших на защиту своей свободы от немецких феодалов по призыву великого патриота Яна Гуса в начале XV века.

Так в разные времена под лозунгом крестовых походов разжигался отупляющий религиозный фанатизм, затмевался разум, возбуждались страх и ненависть. Все это делалось в корыстных интересах насильников и завоевателей-феодалов. Миллионы жизней были бессмысленно принесены в жертву религиозному мракобесию и алчности крепостников и церкви. Из этого видно, что крестовые походы — совсем не славное и

не доброе дело церковников, как уверяют католические писатели, что крестовые походы всегда были враждебны народным массам. Впрочем, лозунг священной войны, войны якобы во имя религии, использовали не только реакционные силы западноевропейских стран во главе с римскими папами. К этой духовной отраве не раз прибегали в средние века и православные попы. Они, так же как и католические прелаты, служили помещикам-феодалам и, поднимая крест, помогали палачам расправляться с «бунтовавшим» народом.

НОВОЯВЛЕННЫЕ КРЕСТОНОСЦЫ

Средневековье давно ушло в прошлое. Но и в новое, и даже в новейшее время религиозные знамена неоднократно освящали самые грязные деяния эксплуататорских классов, стремившихся поработить трудящихся, заставить их служить своим целям, не допустить их освобождения.

К средневековой церковной идее крестового похода нередко обращались те темные силы международного империализма, которые мечтали об удушении социализма, об истребительной войне против СССР.

Свыше 40 лет назад, в феврале 1930 года, римский папа Пий XI провозгласил крестовый поход против СССР.

Однако передовые рабочие Западной Европы разобрались в истинной подоплеке крестоносных призывов его святейшества. «Крестовый поход» 1930 года потерпел провал.

Прошло еще немного времени, и идея крестового похода вновь обрела своих приверженцев: то были немецкие и итальянские фашисты. Этому не приходится удивляться: фашизм выступил выразителем интересов империалистов, а империалисты, как указывал В. И. Ленин, в страхе перед растущим и крепнущим пролетариатом цепляются за все старое, отмирающее, средневековое: господствующий класс в эпоху империализма вступает в союз «со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство». Католическая церковь с ее веками вынашивавшейся идеей крестового похода явилась как раз одной из таких уходящих сил прошлого, за которую ухватился империализм с целью удержать и укрепить свои пошатнувшиеся позиции в мире, и не в последнюю очередь для того, чтобы обосновать и прикрыть при помощи этой идеи свою агрессивную политику.

Идея крестового похода заняла значительное место в члoвеконенавистнической пропаганде гитлеровцев.

Даже злодейский план разбойничьего нападения на Совет-

ский Союз, разработанный гитлеровским военным командованием в 1940—1941 гг., был назван «Планом Барбароссы» — по имени немецкого предводителя Третьего крестового похода конца XII в. германского императора Фридриха I Барбароссы.

От германских не отставали и итальянские фашисты, которые на свой лад «модернизировали» приемы крестоносной пропаганды и расширили сферу ее применения.

Истребляя в 1935—1936 годах мирное население Эфиопии, обрушивая бомбы на ее города и варварски применяя против их населения отравляющие вещества, они громогласно твердили, что ведут войну ради приобщения эфиопов — еретиков, схизматиков и язычников — к истинной вере.

Таким образом, фашисты надеялись освятить агрессивную войну в глазах итальянских католиков, прикрыть религиозной ширмой захват Эфиопии итальянским империализмом.

Сходный пропагандистский трюк был применен испанскими фашистскими мятежниками: поддерживаемые своими немецкими и итальянскими союзниками, они душили в 1936—1939 годах республику в Испании под знаменем «крестового похода против красных».

Так, еще до начала второй мировой войны обновленный средневековый лозунг крестового похода получил широкое применение в реакционной империалистической пропаганде и политике.

А когда запылало пламя второй мировой войны, те, кто направлял фашистскую агрессию против социалистического государства, стали всячески стараться уверить свою солдатню, что, убивая и грабя, сжигая и разрушая, она действует во имя высших целей, одобряемых самим небом. «С нами бог!» — такой девиз был начертан на поясных пряжках гитлеровских вояк. Это было прямое подражание девизу средневековых крестоносцев: «Так хочет бог!» Лозунг крестового похода служил знаменем для наиболее темной части солдат немецко-фашистской армии, католиков и протестантов, одурманенных нацистской пропагандой. Католическая церковь не только благословляла немецко-фашистскую военщину, но и провозглашала будущую победу над большевиками «равносильной триумфу учения Христа». Солдаты должны были уверовать в то, что, погибая на полях России, они, подобно средневековым крестоносцам, жертвуют собой за Христа, выполняют свой религиозный долг. Гитлеровский прихвостень маршал Петэн обратился к солдатам из «французского легиона» перед его отправкой на Восточный фронт осенью 1941 года со словами: «Я счастлив знать, что вы не забываете военного долга...

Участвуя в крестовом походе против СССР, который возглавляет Германия, вы отвлекаете тем самым от нее большевистскую опасность и идете к созданию обновленной Европы».

Крестоносная фразеология оказалась бессильной помочь агрессорам. Вторая мировая война закончилась поражением «крестоносцев». Свободолюбивые народы сокрушили фашизм, безуспешно пробовавший прибегать к религиозной маскировке.

Миновали годы и десятилетия, но идея крестового похода — увы! — не была предана полному и заслуженному забвению. Новоявленные «крестоносцы» не унялись: после победы антигитлеровской коалиции над фашистским зверем и разгрома фашистских армий крестоносная фразеология Пия XI и бесславно окончившего свои дни бесноватого фюрера была взята на вооружение вдохновителями империалистической политики «с позиций силы», теми, кто развязал «холодную войну» против Советского Союза и мировой социалистической системы. Трубадуры агрессии вновь пустили в ход миф об угрозе коммунистической агрессии и атеистического коммунизма, якобы подрывающего коренные устои западной, христианской цивилизации.

Чем сильнее нагнеталась реакционерами атмосфера «холодной войны», тем настойчивее идейные оруженосцы империализма бряцали заржавленными мечами и кольчугами средневековых рыцарей, тем выше вздымали они — при содействии апостольского престола — крест в качестве символа своих христианнейших намерений. Мысль о крестовом походе завладела умами многих реакционных политических, военных и церковных деятелей. На все лады она стала повторяться в их речах, статьях, различных выступлениях.

Лозунг крестового похода против «богомерзкого коммунизма» превратился в те годы в один из излюбленных пропагандистских лозунгов «рыцарей антикоммунизма», которые стремились заставить религиозный фанатизм служить злым умыслам реакционеров. Однако и эти стремления оказались безуспешными.

ЗА МИР НА ЗЕМЛЕ!

Война и мир — это одна из главных, самых жгучих проблем, волнующих человечество. На протяжении последнего времени международный политический климат постепенно стал изменяться: наметился поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности. Это произошло благодаря глубоким и необратимым сдвигам в общей расстановке сил на мировой

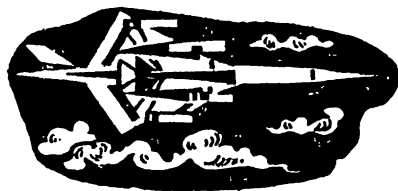
арене, прежде всего благодаря укреплению могущества сил социализма. Все большее число людей на Земле прониклось пониманием того, что фанатичная одержимость никогда в истории не приносила и не может принести добра, независимо от того, продиктована ли она слепой враждой к «неверным» или яростным антикоммунизмом. Простая истина, все больше доходившая и до масс верующих, заключалась в том, что «крестовый поход свободного мира», если бы империалистам удалось его организовать, в наш атомный век мог бы привести лишь к гибели сотен миллионов людей и к резкой остановке общественного прогресса. Папству пришлось прислушаться к голосу миллионов католиков, учесть дух перемен, воцарившийся в мире. Начиная с 1963 года, когда папа Иоанн XXIII издал знаменитую энциклику «Мир на земле», апостольский престол проводит новую политику в вопросах войны и мира: осознав безумие войны в современную эпоху, с ее всеуничтожающими средствами разрушения, папа Иоанн XXIII выступил с признанием необходимости всеобщего и полного разоружения под международным контролем, сотрудничества между народами, с призывами к борьбе за мир, обращенными ко всем людям доброй воли. Его преемник, папа Павел VI, постоянно увещевает всех верующих и неверующих совместно бороться против войны.

Принимая во внимание миролюбивые настроения широких масс верующих, Второй Ватиканский собор официально записал в своем постановлении, что война — «это преступление против бога и человечества». Собор призвал воплотить в жизнь пророчество библейского Исайи: «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (гл. 2, ст. 4). Даже наиболее дальновидные и трезво мыслящие деятели иезуитского ордена поняли необходимость переменить тон: так, итальянский иезуит Джузеппе де Роза призвал церковь отказаться от мысли о крестовом походе против коммунизма.

Однако несмотря на все это, несмотря на позитивные сдвиги в мировой обстановке, на выдающиеся успехи миролюбивых сил, одержанные в семидесятые года, в процессе реализации программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, встретившей горячее одобрение народов и серьезно заинтересовавшей правительства многих стран, было бы наивным полагать, будто с духом «крестового похода» и «холодной войны» покончено целиком и полностью. Каждый день приносит доказательства тому, что это далеко не так: в капитали-

стических странах еще не перевелись противники углубления разрядки в международных отношениях. Определенные социальные группы, организации и люди создают угрозу миру. Ее носителями выступают милитаризм, военно-промышленный комплекс. Есть еще политики, которые тоскуют по временам «холодной войны» и по-прежнему с пылом крестоносцев воюют на позициях вчерашнего дня. Эти люди не отреклись от недоброго наследия «холодной войны», в котором столь значительное место принадлежало идее крестового похода. Не отказались они полностью и от использования этой идеи. Не случайно апрельский 1973 года Пленум ЦК КПСС обратил внимание на необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор проискам агрессивных империалистических кругов.

Прогрессивное человечество борется в наши дни против разжигания ненависти между народами, против политических предрассудков, противопоставляя обветшавшей политике крестового похода принцип мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем. Крестовые походы в конечном счете всегда терпели поражение. Использование религии в агрессивных целях на протяжении столетий рано или поздно кончалось крахом для инициаторов и участников этих мнимо священных войн. Ныне же, когда соотношение сил в мире — не в пользу империализма, когда социализм, победивший на одной трети земного шара, добился новых успехов во всемирной битве за умы и сердца людей, когда борьба народов за прочный мир ознаменовалась серьезными достижениями, всякие старания вернуться к дискредитировавшим себя идеям, подавно представляли бы собой обреченный на неудачу анахронизм.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Строфа из Данте (Вместо предисловия)	3
Очерк первый. Под звуки хорала	
«Чашу для мирян!»	8
«Чудо» во храме	9
Как мука превращается в плоть, а вино — в кровь	11
Богословы и вольнодумцы отвечают	13
Мыши и «святые дары»	14
«Я — кенгуру»	16
«Приносится в жертву ягненок-бог!»	18
«Первородный грех» и его искушение	20
Насытиться богом ради бессмертия	22
Еще о чаше	23
Так усыпляют разум	24
Очерк второй. Священные сказания	
Евангелия рассказывают	28
«От девы будешь ты рожден!»	30
Как оживают умершие	33
Триединый бог — откуда он?	37
Тайна священных преданий	42
Очерк третий. Сыны света	
Находка пастуха	46
Старинные свитки и бизнес	48
Искатели рукописей	50
Свиткомания	52
Путь к пещерной секте	53
«Уставшие от жизни и превратностей судьбы» . . .	54
Кто такие эссены	57
«Пусть бодрствуют треть ночей года»	58
«Никому не воздам злом»	60
И преломляли хлеб...	63
«Сына божьего не признаю...»	66
Кумранский учитель	68
Монеты и чернильницы	69
Киттим, устремившие лицо на Восток	71

Слово — за атомом	72
Когда спрятано?	73
Кумранские находки — против богословия	74
Очерк четвертый. Евангелисты, богословы, атеисты	
Богословы и ученые спорят	80
Лишенный биографии	82
Держащий семь звезд в деснице	84
Молчат ли современники?	86
«Религии создаются людьми»	92
Очерк пятый. В царстве теней	
Потусторонние странники	96
Рыцарь Тнугдал и божественное милосердие	97
Мера устрашения	100
О старице Феодоре и ее господине Василии	103
Мытарства по дороге в рай	104
Цена заступничества	106
Вослед поэту	107
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда»	111
Ад — Флоренция	119
В стране без возврата	120
Богачу — ад, бедняку — рай	122
«Прямо в ад»	126
«Новый тот свет»	128
Очерк шестой. Без пролития крови	
Джаз в «граде божьем»	136
Искусство на службе религии	138
Папа и физики	140
«Из ребра, взятого у человека»	141
Преступление и наказание Везалия	143
Медицина против церковной арифметики	147
Тот, кто оставил Солнце и сдвинул с места Землю	151
Пламя на Кампо ди Фьори	159
«Я умираю неустрашимым»	164
Второй Колумб и чернорясники	172
«Казус Галилея» и маневры церкви	182
Очерк седьмой. Благодетель во лжи	
«Мы — это мы»	188
Искусство маски	190
Как труп, как шар из воска	193
Немного истории	196
Каким надлежит быть истинному христианину	200
Иезуиты и воровство	201
Давайте, и дастся вам	202
О судейской взятке и правдоподобию	203

О почтении к родителям	204
О лихоимстве и скупке краденого	204
Не собирайте себе сокровищ на земле	205
Не прелюбы сотвори!	208
Никому, кроме...	210
Грешно ли убивать?	210
400 лет спустя	212
Хамелеоны приспосаблиются	215
Иезуит у конвейера	218
Против борющихся за свободу народов	220
Мораль иезуитского легиона	222
Цель оправдывает средства	224
Очерк восьмой. Милосердные подвиги	
Сборище на Клермонской равнине	228
Крестом и мечом	235
Константинополь в огне	241
«Дранг нах остен»	245
Палачи народа	246
Новоявленные крестоносцы	249
За мир на земле!	251

Михаил Абрамович Заборов

КАК ДУШУ В ПЛЕН БЕРУТ

Редактор **М. Г. Пожидаева**
Художник **А. И. Добрицын**
Художественный редактор **В. В. Щукина**
Технический редактор **Л. М. Беседина**
Корректор **В. Л. Данилова**

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 20/II-74 г. Форм. бум. 60×84¹/₁₆. Физ. п. л. 16,0. Усл. п. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,17. Изд. инд. НА-128. А05546. Тираж 50 000 экз. Цена 61 коп., в перепл. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия», Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тельносова, 25. Заказ № 1524.

61 коп.

М. А. Заборов • Как душу в плен берут

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •